

ИЛ-MUSIC

КАРАНТИН-КАРМАН

Дмитрий Данилов

ДВАДЦАТЬ ГОРОДОВ

*Попытка альтернативного
краеведения*

2016

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Химгигант с чelliцом (Новомосковск)	5
Необъятный маленький Брянск	10
Север и сталь (Череповец)	16
Возможно обрушение фасада (Норильск)	22
Полюбить Купчино (Санкт-Петербург)	29
Темно, но красиво (Львов, Киев, Харьков, Донецк)	34
Тошнота (Ульяновск)	45
Main street (Сусанино)	49
Два дня полярной ночи (Мурманск)	52
Здесь торгуют (Курск)	56
Лед и очаг (Петушки)	61
Угольная депрессия (Прокопьевск)	65
Ангел мой, голубчик (Орел)	69
Весна на Варяжской улице (Старая Ладога)	75
Продолговатое двухэтажное строение с двумя входами (Москва)	78
До потери сознания (Санкт-Петербург)	82
Анатолий Васильевич (Тамбов)	87
По-тихому (Минск)	93
Мои окраины (Москва)	98
Олег Кашин. Маленькая жанровая революция (послесловие)	103

ОТ АВТОРА

Предлагаемые вашему вниманию тексты возникли не как результат порывов неконтролируемого вдохновения, а в силу служебной необходимости. В 2007–2009 годах я работал обозревателем в московском журнале «Русская жизнь». В мои обязанности, помимо прочего, входило регулярное написание очерков о российских (за редкими исключениями) городах. Когда таких очерков набралось около пятнадцати, возникла естественная мысль объединить их в книгу.

Я задумывал эти тексты как нечто, находящееся на грани между журналистикой и художественной прозой. Это отчасти объясняется моей общей склонностью к написанию прозаических текстов, но не только этим. Дело в том, что один из авторов «Русской жизни» — широко известный и лично мною весьма ценимый краевед Алексей Митрофанов. Он, что называется, классический краевед — пишет о городах и их отдельных районах и улицах, об их истории, его внимание сосредоточено на том, что называется «достопримечательностями». Города выбирает по большей части старые, даже древние. Понятно, что работать в подобном ключе я себе позволить не мог — и потому, что не являюсь краеведом, и потому, что двух авторов, работающих в одинаковом ключе, журнал не вынесет.

В результате получилось то, что я с некоторой долей осторожности назвал альтернативным краеведением. К нормальному, профессиональному краеведению это, разумеется, никакого отношения не имеет. Альтернативность же заключается вот в чем.

1. Выбирать «странные» города. Даже не то, чтобы странные, а просто лежащие далеко в стороне от стандартных туристических маршрутов. В соответствии с этим принципом Суздаль, Владимир, Ярославль, Ростов Великий – нежелательны. А вот Череповец, Брянск, Новомосковск, Норильск – самое оно. Правда, этот принцип соблюдается мною не всегда – в списке посещенных городов есть вполне туристически культовые Петербург, Львов и Киев. В этих случаях я старался придерживаться следующего принципа:

8

— 2. Обращать внимание на «странные» объекты и явления. По возможности игнорировать достопримечательности, искать то, на что обычно не обращает внимания среднестатистический путешественник. Это тоже не всегда удается – некоторые тексты делались в соответствии с темой очередного номера журнала, и иногда мне приходилось писать именно о достопримечательностях – например, о ленинском мемориале в Ульяновске или о музее Леонида Андреева в Орле. Тут на выручку приходит третий принцип:

3. Обращать внимание на «странных» людей. Я не имею в виду каких-то вычурных фриков, отнюдь. Просто если определенным образом настроить слух и «разуть глаза», то в поведении и речи людей на улицах, в транспорте, в музеях и в других

общественных пространствах можно обнаружить массу интересного, странного, смешного и даже труднообъяснимого. И настоящий, не парадный портрет города часто складывается именно из таких трогательно-нелепых сценок и диалогов, а не из архитектурных ансамблей и бронзовых монументов.

И еще, повторюсь, я стремился придать этим текстам художественное измерение. Старался писать их с таким же настроем, с каким пишу, допустим, рассказы или повести.

Несколько слов о составе книги. Тексты размещены в хронологическом порядке, по времени написания — от ранних к более поздним. Некоторые из приведенных текстов посвящены не городам в целом, а каким-либо объектам и явлениям, связанным с этими городами: мемориалу Ленина (Ульяновск), библиотеке (Петушки), музеям (Орел), магазинам (Курск), баракам (Москва), телевидению (Минск), конкретному человеку (Тамбов). Надеюсь, впрочем, что описание этих реалий, все же дает определенное представление и о городах, с которыми эти реалии связаны.

ХИМГИГАНТ С ЧЕЛЛИЦОМ

Изначально я знал о Новомосковске только одно: там есть огромный химический комбинат. Настолько огромный, что созерцание его видов наносит ощутимый удар по воображению созерцающего. Так говорили знающие люди.

Иногда возникали мысли туда съездить. Тем более, это практически рядом – в Тульской области. Приятно и интересно, когда твое воображение потрясает нечто монструозно-индустриальное. Будет, что сфотографировать. Будет, о чем написать. Будет, о чем рассказать раскрывшим от изумления рты внукам. Или, за отсутствием внуков, каким-нибудь другим младшим родственникам.

Потом к этой скудной информации добавилась другая, тоже довольно скудная. Новомосковск основан в 1929 г. на месте селения Бобрики, тогда же начали строить химкомбинат, который с самого начала стал для города градо- и смыслообразующим предприятием. С 1934 г. – Сталиногорск, с 1961 г. – Новомосковск. Расположен в районе, богатом бурым углем. В настоящее время добыча угля практически сошла на нет. Примерно 150 тысяч жителей.

И вдруг я случайно, где-то в интернете, узнал о Новомосковске нечто такое, что тронуло меня до глубины души. Оказывается, главный городской

транспорт в Новомосковске — электричка. Не какой-нибудь там скоростной трамвай, а самая настоящая электричка. Через весь город пролегает железнодорожная линия с тринадцатью станциями, она соединяет город с комбинатом, и электричка идет из конца в конец целых 55 минут. Крошечные станции оборудованы высокими платформами. Электрифицирована только эта линия, а все остальные железные дороги, к которым она примыкает, лишены проводов, и электрички своим ходом не могут никуда отсюда уехать. Так называемая островная электрификация — очень трогательно и интересно, такого больше, кажется, нигде в России нет. Электрички ходят часто, и люди пользуются ими как трамваями или троллейбусами.

Ну как не поехать в город, где электрички ходят, как трамвай? Как не полюбоваться островной электрификацией? И химическим комбинатом?.. Надо, в общем, ехать.

Ну и поехали. Во множественном числе — потому что со мной за компанию поехал друг Софроний, за что ему большое спасибо.

Как ехать — электричкой или автобусом? Автобусом гораздо быстрее и комфортнее, но электричкой все же как-то более эстетически выдержанно, более уместно. Поехали на электричке. Вернее, сначала на ранней-ранней утренней электричке с Павелецкого вокзала до станции Ожерелье, а потом на дизель-поезде. Дизель-поезд — это такая как бы электричка, коротенькая, из четырех вагонов, красная, с очень трудолюбивым выражением лица. Она приводится в движение не электричеством, а дизельным двигателем.

В тихоходном полупустом дизель-поезде преобладает народ дачно-деревенского вида. Дедушка с лопатой и рюкзаком. Бабулька с кошелками. Семья, состоящая из отца, матери и двух мальчиков, один мальчик все время отхлебывает из двухлитровой бутылки пепси-колу и один за другим поглощает пирожки, ест пирожки он торопливо и неаккуратно, и так же торопливо и неаккуратно отхлебывает пепси-колу, давится пирожками и иногда слегка захлебывается пепси-колой, пепси-кола заливает нижнюю часть лица мальчика и стекает с подбородка, а часть содержимого рта мальчика попадает в бутылку и плавает там, в бутылке, неприятными белыми крошками, мама периодически вытирает мальчику лицо и говорит грязнуля, а другой мальчик неподвижно смотрит в окно, а глава семейства, судя по всему, отец обоих мальчиков, озирается по сторонам и молчит, и на лице его написано тягостное нетерпение, видно, ему не терпится добраться до пункта назначения, до дачи или до деревенского дома, и там предаться отдыху, сну, огородным работам, пьянству или учудить еще что-нибудь эдакое.

Парень и девушка, оба симпатичные, просто, но аккуратно одетые, у них хорошие открытые лица, они о чем-то говорят и часто смеются, к ним подходит контролерша, она, видно, их знает, подсаживается к ним, ну что, молодежь, билеты есть, не-а, у нас денег нет, и смеются, и контролерша тоже смеется и одновременно с наигранной строгостью говорит парню, что же ты без денег-то, что ты за мужик-то, и все трое смеются, и контролерша говорит девушке, смотри, за кого ты замуж-то собралась, что ж

он у тебя безденежный такой, а девушка улыбаётся и серьёзно так говорит, да нет, это у него только сейчас денег нет, а вообще-то у него деньги есть, вы не думайте, и все трое опять смеются, контролерша встает и с деланной строгостью говорит ну ладно, смотрите, в следующий раз чтоб без денег не ездили, ссажу с поезда, и они опять смеются, ладно, тётъ Надь, не будем, ну давайте, смотрите у меня, досвиданья, тётъ Надь, кондукторша уходит, а они опять смеются и что-то весело говорят друг другу, потом смех постепенно сходит на нет, парень обнимает девушку, и они едут, обнявшись и глядя в окно.

Наконец, в начале первого дизель-поезд приполз на станцию Узловая-первая. Две низких платформы, старенький желтый вокзал. Вокруг—некое трудноопределимое пространство, трудно сказать, что вокруг—город, или поселок, или промзона, или лес, или поле, всего понемножку, такое часто можно наблюдать вдоль железных дорог: скопище множества разных предметов, штабеля каких-то стройматериалов, разбросанные и расставленные тут и там железяки, заборы, будочки, сарайчики, несколько стоящих и лежащих железных бочек, чуть вдали дымит низенькой трубой невзрачная крошечная котельная, экскаватор роет яму, левее—небольшой перелесок, за деревьями проглядывает несколько, судя по всему, жилых домов, негустая пристанционная мешанина небольших построек и предметов, при взгляде на которую сердце немного сжимается от тоски, жалости и какого-то непонятного восторга.

Решили сразу купить обратные билеты на какой-нибудь ночной поезд дальнего следования

(Узловая — крупная станция, через которую проходит много поездов). В кассе очередь, довольно длинная. Стоим. Стоим примерно полчаса. Касса закрывается на часовой перерыв. Что делать. Ждать здесь час не имеет смысла. Надо ехать в Новомосковск, а там посмотрим.

На привокзальной площади друг напротив друга стоят два кафе — «Гулливвер» и «Лилипут». «Гулливвер» посolidнее, «Лилипут» — более веселенькое. Рядом с кафе «Гулливвер» обнаружилась стоянка маршруток до Новомосковска (он недалеко, в десяти километрах). В качестве конечной остановки в Новомосковске указан «Центральный рынок». Хорошо, наверное, это где-то в центре, доедем до конечной и там сориентируемся. Проезд по городу (Узловая — это город) — 8 рублей, до Новомосковска — 10 рублей. Садимся и сразу, по-московски, оплачиваем проезд. Позже выяснилось, что здесь принято расплачиваться при выходе.

Едем. По ухабистой дороге, густо заросшей по сторонам деревьями, выезжаем на какую-то улицу и некоторое время едем по ней. Возможно, это главная улица города Узловая, или одна из главных. Улица уставлена пятиэтажками, на первых этажах которых располагаются магазинчики. Промелькнуло что-то вроде супермаркета — первый этаж очередной пятиэтажки полностью занят витриной, на которой размещены гигантские фотографии продуктов питания. Около одной из пятиэтажек бродила коза. Постепенно улица перешла в шоссе, мелькнула каменная стела с надписью «Узловая», проехали мимо поста ГИБДД и милицейской автостоянки,

бросился в глаза совершенно искореженный в аварии автомобиль, марку которого было трудно определить ввиду искореженности. Минут пять езды по шоссе — и начался Новомосковск.

Маршрутка петляет по улицам Новомосковска. Довольно широкие, оживленные улицы, много красивых сталинских домов, очень много зелени. Тут и там — маленькие и побольше магазины, какие-то заведения. Проехали большой разноцветный торговый центр. Проехали супермаркет SPAR, в Москве такие тоже есть. Город производит впечатление ухоженного и в целом благополучного. Проехали огромный рынок, судя по вывеске — муниципальный. Может, где-то тут конечная, а может, и нет, может, муниципальный и центральный — это разные рынки, кто знает. Едем, едем. Люди входят и выходят, продвигаются вперед, как говорилось в одном известном советском детском стихотворении про пионера, который не уступал старушкам место в трамвае, и нет никаких намеков на конечную остановку, и вот уже улица превращается в шоссе, мелькает искореженная машина неизвестной марки, и мы въезжаем в город Узловая.

Около одной из пятиэтажек бродит коза.

Триумфально возвращаемся на станцию Узловая-первая. Касса после часового перерыва открылась. Опять очередь, еще больше, чем до закрытия. Решили стоять. Стоим. Приходит ужасающе простая мысль: рядом с кассой есть окошечко справочной, и там за 11 руб. можно узнать, какие есть билеты и есть ли они вообще. Выясняется, что на сегодня никаких билетов нет и не будет, и можно не стоять.

Уныло плетемся на привокзальную площадь, к «Гул-ливеру» и «Лилипуту», к маршруткам.

Путешествие приобрело оттенок идиотичности.

Опять маршрутка, ухабы, улица, супермаркет на первом этаже пятиэтажки, козы уже не видно, наверное, ее увел домой житель пятиэтажки, увел козу в свою одно- или двух- или трехкомнатную квартиру, попаслась и будет или, как некоторые говорят, «будя», пост ГИБДД, искореженный автомобиль, заранее просим нам сказать, когда будет вокзал, все, ребята, вокзал, приехали.

А времени-то уже довольно много. Как добраться до Москвы? Как все успеть?

Стало пасмурно. Кажется, скоро будет дождь.

Способов добраться до Москвы осталось всего два. Или на прямом автобусе Новомосковск – Москва, или на маршрутке до Тулы, а там электричкой или каким-нибудь поездом, коих через Тулу проходит множество.

Последний автобус на Москву и последняя маршрутка на Тулу отправляются около восьми вечера. Успеем? Непонятно. Ладно, в любом случае, надо для начала проехаться на уникальной новомосковской электричке (это была одна из главных целей путешествия) и полюбоваться на химкомбинат, а там посмотрим.

Небольшой приземистый одноэтажный вокзал. Как раз минут через десять – электричка до станции Северная, это как раз промзона, химкомбинат, средоточие индустриальной монструозности. Билет стоит 18 руб., но местные, говорят, обычно билеты в кассе не покупают, а платят непосредственно

контролершам (если случается нарваться на контролершу).

Электричка ехала медленно, на станциях стояла долго. Сначала мимо бесконечных рядов гаражей, потом по мосту переехали водохранилище (прекрасный вид — водный простор, и на берегу вдали три высоких трубы Новомосковской ГРЭС) — и начался Комбинат.

Оторваться от этого зрелища невозможно. Описать — затруднительно. Хотя бы потому, что неизвестно, как это все называется, все эти цилиндрические, шарообразные и кубические сооружения разной степени циклопичности, все эти бесконечно извивающиеся трубки, трубы и Трубы, все эти пары, дымы и газы. И все это — на протяжении нескольких километров. Можно здесь еще много разных эпитетов понаписать — захватывающе, грандиозно и так далее, но зачем, это лишнее, достаточно просто сказать, что это Огромный Химический Комбинат, Занимающий Несколько Квадратных Километров.

Станция Северная, конечная. Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны. Поднялись на пешеходный мостик над путями. Бесконечные железнодорожные составы из цистерн, наполненных, судя по всему, результатами химического производства. Кругом, до горизонта, — это самое химическое производство, результатами которого наполнены цистерны. Станция Северная, помимо путей с вагонами и платформы для электричек, состоит из двух одноэтажных станционных зданий (одно служебное, другое, пассажирское, закрыто на замок) и дощатого деревянного туалета. Нет ни автомобильных

дорог, ни жилых домов — только Комбинат, железнодорожные пути и вагоны-цистерны, и с пешеходного мостика только два выхода — к проходной Комбината и к пустынной станции, и все, отсюда никуда не денешься, кроме Комбината и электрички, утром — с электрички на Комбинат, вечером — с Комбината на электричку, третьего не дано.

Пошел довольно сильный дождь.

Из одноэтажного служебного станционного здания вышел человек в железнодорожной форме и крикнул Нинка, а ему откуда-то, не видно было, откуда, ответили чего, а он иди сюда, а ему шас, и они так некоторое время перекликались, невидимая Нинка так и не появилась, а человек в форме ушел куда-то за угол одноэтажного служебного здания, и я украдкой несколько раз сфотографировал уходящую за горизонт промзону и стоящие на путях цистерны, вообще-то, такие объекты снимать запрещается, но они настолько прекрасны, как же их не снять, надо обязательно снять, украдкой.

На пешеходный мостик поднялся паренек в кожаной куртке, стриженный практически наголо, при этом с небольшой челкой, совершенно деревенско-гопнического вида, на лице у паренька было задумчиво-страдающее выражение, которое у таких пареньков бывает, когда, например, девушка бросила, паренек облокотился на ограждение и долго стоял и смотрел вниз. Потом подошла обратная электричка, и паренек пошел почему-то не на электричку, а к станционным одноэтажным зданиям и дощатому туалету станции Северная, а мы сели в электричку и поехали обратно, но уже не на

вокзал, а на станцию Московская, которая находится не на основной магистрали, а на тупиковой ветке. Совсем рядом со станцией Московская улица, одна из центральных улиц Новомосковска.

На станционном павильоне — афиша. Футбол, чемпионат России, 2-й дивизион. «Дон» (Новомосковск) — «Зенит» (Пенза). 2 июля. Начало в 18.00. Как раз сегодня. Возникла дикая мысль: сходить на футбол. А что, интересно. Вторая лига. Местная специфика.

Решили так: поскольку дождь все не прекращается и прекращаться не собирается, а надо ведь еще осмотреть сам город, пофотографировать, то обследование города и фотосъемку лучше отложить на завтра, задержаться здесь еще на день, переночевав в гостинице.

Опросили местное население. В городе две гостиницы — «Октябрьская» (буквально в двух шагах от станции Московская, за углом) и «Россия» (около вокзала). Идем в «Октябрьскую». Холл с налетом осторожной пафосности, элегантная девушка на, как это сейчас принято говорить, ресепшене. Никаких номеров нет, только люксы и полу-люксы, да и их тоже нет, их надо заранее бронировать. На стене за спиной у девушки висит распечатанное на принтере объявление: «Просим извинения за отсутствие холодной воды с 13 до 18 часов».

После такого облома на привокзальную (и, наверное, пользующуюся большим спросом) «Россию» надежд особых нет, но на всякий случай едем. Здесь все проще — обычная советская гостиница, у, как это было принято раньше говорить, стойки администратора дежурят две женщины довольно-таки в возрасте.

Оказалось, что номера есть, обычный двухместный номер с санузлом стоит 700 рублей на двоих, то есть по 350 рублей с каждого.

Вот ведь оно как. Вот ведь как все оно наладилось. Не так все и плохо, даже хорошо. Оставили вещи в номере и поехали на футбол.

Стадион находится где-то на отшибе. Довольно уютненький, с двумя трибунами, каждая полностью под крышей, в староанглийском стиле, у английских команд низших дивизионов часто похожие стадионы бывают, зеленое, практически без проплешин, поле. Билеты по 30 рублей, программки – по 10. Программки, кажется, отпечатаны на ризографе. Народу немало даже для второй лиги, человек пятьсот. Трибуны с пластиковыми креслами довольно густо усеяны шелухой от семечек, в том числе и сами кресла.

20

«Дон» (Новомосковск) занимает в зоне «Центр» Второго дивизиона 13 место (среди 16 команд), «Зенит» (Пенза) – 15 место.

Надо что-то сказать об игре. Как бы так сказать об игре, чтобы не обидеть футболистов, тренеров и болельщиков. В общем, чтобы не обижать команды, которые, конечно, очень старались, скажем, что футболисты «Зенита» играли очень плохо. Футболисты «Дона» – еще хуже. Игрокам обеих команд редко удавалось сделать больше двух точных передач подряд. Тактика сводилась к бесконечным навесам вперед, в борьбу, на авось. Много бессмысленной толкотни и беготни. При этом преимущество, и немалое, было у гостей. Зато «Дон» забил шикарный гол – после розыгрыша штрафного, метров с тридцати, пушечным ударом в нижний угол. Это было где-то в середине

первого тайма. «Зенит» минут через десять ответил корявым ударом, с которым не справился ново-московский вратарь: мяч по высокой нелепой дуге плавно опустился в ворота.

В перерыве тренер «Дона» заменил вратаря. Футболисты забегали с новой силой. Осмысленности в их бегании не прибавилось. Компания мужичков на трибуне, не особенно скрываясь от стоящего прямо напротив милицейского лейтенанта, разливала водку по пластиковым стаканчикам. Минуте на семидесятой неожиданно подала голос фанатская группировка в составе трех или четырех человек, которая до этого не была заметна. Группировка пару раз прокричала Но-во-мос-ковск и сопроводила свой крик ритмичными хлопками. Ни до, ни после группировка никаких звуков не издавала и никак себя не проявила. Вообще, зрители в основном молчали, только приободренные водкой мужички иногда выкрикивали что-то матерное.

Матч закончился со счетом 1:1. Все молча встали и пошли по домам. Мы шли по улице в сторону центра вместе с жиденькой толпой. От идущих параллельным курсом групп людей иногда доносились словосочетания «игра полузащиты», «с таким бюджетом» и «Беккенбауэр в семьдесят четвертом году».

Мелькнула мысль, что такую же по качеству и содержанию игру довольно часто можно наблюдать в исполнении команд Премьер-лиги.

Прогулялись до центра. Чистые, зеленые улицы. Все как-то аккуратно, уместно. Дождь кончился, хорошо, свежо. Вечер. Люди не спеша прогуливаются. Какой приятный, однако, город. Вроде, ничего особенного,

просто продуманная, сформированная городская среда, в которой приятно находиться. Бывают такие города, в которых достаточно полчаса прогуляться по улице, и уже хочется сказать: хороший город. Новомосковск – такой. Да, хороший город. Хотя, конечно, надо завтра его как следует осмотреть.

Дошли до какой-то площади, взяли такси и поехали в гостиницу. Довольно поздней ночью, когда я спустился в холл и попросил у администраторши, дремавшей в кресле, консервную открывалку, она сказала, что сейчас принесет в номер. Минуты через три стук в дверь – пожалуйста, вот открывалка. В ответ на бурные благодарности и извинения за то, что так поздно побеспокоили, последовал практически невероятный ответ: «Ну что вы, это всего лишь моя работа».

22

А на следующий день с утра, не переставая, шел дождь. Исследовать город, а тем более фотографировать, в таких условиях совершенно невозможно. Сидели в номере, ждали, когда распогодится, пили кофе в холле, стояли под козырьком у входа в гостиницу. Так прошло некоторое количество часов.

Потом – раз! – и дождь перестал. И солнце появилось. И появилась возможность гулять и фотографировать. Быстро собрались, сдали ключи, забежали на автобусную станцию, купили заранее билеты, с временным запасом, достаточным для полноценной прогулки. Пошли от вокзала по красивому бульвару в сторону Московской улицы. По сторонам – симпатичные дома, в том числе совсем маленькие, но не «частный сектор», а нормальные городские дома, по-советски стильные. Есть и большие – долго фотографировал с разных ракурсов красивое высокое

сталинское здание, пока Софроний не обратил внимания на то, что это здание службы судебных приставов. Зелень бульвара, памятник какому-то военачальнику, на скамейке сидит пожилой человек, читает книгу... Несколько неожиданно было видеть все это, впитывать в себя эту спокойную, человеческую атмосферу в «химическом городе-монстре».

И снова пошел дождь. Сначала вроде небольшой. А потом – большой. Ливень. Добежали до входа в какой-то магазинчик под козырьком. Думали, сейчас немного переждем и продолжим наши изыскания. Как же.

Долго, долго стояли, хорошо поговорили, небо постепенно просветлело, дождь закончился. Дошли до площади перед зданием филиала Московского Химико-технологического университета и поняли, что пора на автобус.

Получилось, что города-то мы толком и не видели, как лирический герой поэмы «Москва – Петушки», который все никак не мог увидеть Кремль, сравнение крайне заезженное, но в данном случае очень подходящее. Хотя, конечно, мы ездили на электричке и видели Комбинат. И еще стадион, и игру команды «Дон», и красивый гол в ее исполнении. А из всего остального – только пару улиц и площадей плюс «обзорная экскурсия» на маршрутке, когда мы по дурости уехали обратно в Узловую. Мы не видели ни истока Дона (правда, говорят, что в округе практически каждый ручеек претендует на то, что именно он – начало великой реки), ни местного парка с детской железной дорогой – главных достопримечательностей города. Примерно как побывать в Париже и не увидеть

Нотр-Дам и Эйфелеву башню. Но все-таки что-то нам удалось заметить и почувствовать. И то, что мы заметили и почувствовали, нам очень понравилось.

Понятно, что у такого города не может не быть своих темных сторон. Понятно, что здесь, скорее всего, небезопасно выходить на улицу в темное время суток. Понятно, что здесь должно быть хреновато с экологией. Понятно, что здешние жители в массе своей, мягко говоря, небогаты. И понятно, что у города есть еще масса проблем, которые мы как поверхностные наблюдатели просто не могли увидеть. Все это понятно.

И все-таки, даже если компетентные люди расскажут мне об этом городе массу ужасных вещей, для меня он останется симпатичным, совсем не чужим и не чуждым городом, химическим гигантом с человеческим лицом.

Когда ехали в Москву, почему-то подумалось, что я теперь буду следить за выступлениями команды Второго дивизиона «Дон» и радоваться ее, пусть и редким, победам.

НЕОБЪЯТНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ БРЯНСК

Покупаю билет в Брянск через сайт РЖД. Введите название станции назначения. Ввожу — Брянск. Выпадает список из шести станций, в названии которых есть слово «Брянск». То есть в этом городе есть целых шесть станций Брянск.

Брянск-Орловский. Брянск-Северный. Брянск-Восточный. Брянск-Льговский. Пост Брянск-Северный. Пост Брянск-Южный.

Ого.

После пары минут «тягостных раздумий» обнаруживаю в списке еще одну станцию, просто Брянск. Облегченно нажимаю соответствующую кнопочку.

Захотелось посмотреть, как выглядит этот железнодорожный мега-узел на карте. Вообще, важно, как выглядит город на карте, то есть с неба. Это гораздо важнее, чем вид его домов, переулков и проспектов. Например, когда кто-то говорит, что Москва — город не очень-то красивый, я обычно предлагаю посмотреть на карту Москвы, на это совершенное произведение Невидимого Художника.

Карты Брянска, правда, нет. Посмотрел в атласе России, там есть маленькие схемы областных центров. Масштаб, конечно, слишком мелкий, но все равно видно, что Брянск раскинулся на огромной территории, что он состоит из четырех отдельно расположенных

частей, между которыми выются многочисленные железнодорожные линии и река Десна. Трудно сказать, красиво ли выглядит Брянск на такой мелкой схемке — не видно рисунка улиц, мелких речек, прочей прекрасной картографической мелочевки, которая отличает схемку от настоящей Географической Карты. Но все равно, вид довольно интригующий. Измерил линейкой расстояние между двумя наиболее удаленными друг от друга точками города — получилось что-то около 25 километров. Фактически московский масштаб. Примерно как от Кунцево до Новогиреево. При таких огромных размерах население — меньше полумиллиона.

В Брянске жил мой любимый писатель Леонид Иванович Добычин.

Революция — воля масс

Едем. (Меня, признаться, довольно-таки раздражает, когда люди пишут во множественном числе «мы поехали», «мы были», «мы зашли», не объясняя, кто мы, возникает какое-то тягостное недопонимание, хочется спросить кто, кто мы, кто ехал, был и заходил, кто этот человек или эти люди, входящие вместе с автором в «мы», возможно, это не только меня раздражает, поэтому на всякий случай поясню: мне составили компанию мои хорошие товарищи — социолог Артем Баденков и Вова «Акваланг», дизайнер, активный член Евразийского Союза Молодежи и вообще довольно известный московский божественный персонаж.)

Вокзал, поезд (шикарный, сверкающий двадцатью тремя абсолютно новыми бело-синими вагонами, внутри все никелировано-пластиково-кожано), вокзал, такси, гостиница.

Пошли гулять по городу. Карты нет. Непонятно, где мы сейчас находимся по отношению к другим частям города. Довольно-таки неприятное ощущение. Ясно, что где-то в самом центре. Площадь, здание областной администрации. Обычное советское здание обкома, такой параллелепипед без особых излишеств, но с некоторым намеком на властную осанку.

Проспект Ленина. Сталинские дома. Все такое очень советское, с современным коммерческим налетом.

Куда пойдём. Туда или сюда. Пошли туда. Проспект, дома. Просто необходима карта города. Газетный лоток. Карт города в продаже нет. Пересекаем огромный, глубокий овраг. Овраг называется Верхний Судок. Есть еще Нижний Судок. На горе между этими двумя колоссальными оврагами расположена центральная, историческая часть Брянска.

В глубине оврага — небольшая избушка, в ней живут люди. Чуть поодаль — еще несколько избушек, побольше. В них тоже, судя по всему, живут люди.

Идем дальше. Проспект, дома. Желтая с белым церковь. Судя по расположению алтарной части и колокольни, мы движемся на северо-восток. Правда, это знание не очень-то помогает сориентироваться. Дальше, насколько хватает взгляда, все то же самое — проспект, сталинские (и не только) дома.

Газетный киоск. Есть в продаже карта Брянска. Купили карту Брянска. Открыл карту Брянска

и надолго застыл прямо посреди улицы растяпой-туристом, наверное, чрезвычайно идиотский был вид, хорошо еще, что фотоаппарат был не на шее, а в сумке, а то вообще какая-то карикатура получилась бы, в эти минуты у меня можно было вытащить кошелек, паспорт и даже фотоаппарат из сумки, потому что оторваться от карты было совершенно невозможно.

На карте Брянск был прекрасен. Действительно, четыре больших и совершенно отдельных друг от друга района — Советский (центр), Бежицкий, Володарский и Фокинский. Затеяливо извивающиеся и стремительно уносящиеся вдаль четкие черные линии железных дорог. Петляющая голубизна Десны. Мелкая сетка белых улиц, энергичные струны оранжевых главных магистралей. Желтые пятна жилых массивов. Серость промзон. Зелень зеленых насаждений. Белизна пустых мест. Красота. Картографический экстаз.

Обнаружилась седьмая станция Брянск — Брянск-Город. Железнодорожное царство. Три больших вокзала. Куча более мелких станций в черте города.

Сориентировались. Стало понятно, где мы, откуда пришли и куда идем. Прогулка получила шанс стать более осмысленной.

По параллельной Арсенальной улице можно выйти к улице Калинина, а уже по ней спуститься к реке. Там площадь и куча значков, обозначающих достопримечательности.

На Арсенальной преобладают небольшие объекты и деревянность. Крошечные вросшие в землю домики, покосившиеся заборчики, церквушки.

Практически полное отсутствие людей. На одном из немногих недеревянных объектов (сером бетонном заборе) огромная надпись, нанесенная при помощи баллончика-пульверизатора: «Выборы – конкурс имиджей, революция – воля масс». Подпись – РКСМ (б). И серп-и-молот.

Чуть позже от одного из местных жителей узнали, что брянский комсомол (тот самый РКСМ с буквой «б») состоит из двух членов – первого секретаря и второго секретаря. Интересно, кто из них нанес на серый бетонный забор при помощи баллончика-пульверизатора эту энергичную надпись?

Набережная

Улица Калинина – более каменная и оживленная. Снуют троллейбусы (в Брянске троллейбусов больше, чем автобусов). Едут на телеге цыгане, машут нам приветственно руками. А, – негромко кричат цыгане. – Э. Мы им в ответ тоже машем руками, воздерживаясь от криков «а» и «э». Красивый корпус завода «Арсенал» с какой-то большой застекленной конструкцией на крыше, стекла выбиты, и сквозь конструкцию видно синее небо. Много небольших и относительно крупных фабричных и конторских строений. На одном из домов мемориальная доска, на которой написано, что в каком-то далеком году в этом доме что-то делал М.И. Калинин. Наверное, именно поэтому улица названа его именем. А может быть, не поэтому, а просто потому, что он был выдающимся государственным деятелем, и это так случайно совпало.

Когда я фотографировал невысокую пожарную каланчу, проходящий мимо парень сказал довольно неприятным голосом: «Давай, ты еще меня сфотографируй», при этом он даже не обернулся, он сказал эти слова на ходу, не остановился и ушел, он не собирался разговаривать или конфликтовать, и не совсем понятно, для чего он сказал эти, в сущности, бессмысленные слова.

Мимо снова проехали цыгане на телеге, трудно было определить, те же самые это цыгане или другие, может быть, это одни и те же цыгане бесконечно ездят по кольцевому маршруту, может быть, это такое цыганское маршрутное такси, а может, здесь пролегает специальная цыганская кочевая магистраль, по которой то и дело едут все новые и новые цыгане, трудно сказать, цыгане помахали нам руками и произнесли свои односложные междометия, а мы в ответ тоже помахали им руками.

Вышли на широкую площадь. Кинотеатр, фонтан. Набережная улица. С одной стороны Набережной улицы – несколько летних кафе, с другой – густой не то чтобы лес, а просто достаточно густые заросли кустов и деревьев. Если подойти к этому леску вплотную, сквозь массу деревьев видно, как внизу блестит на солнце неширокая река. К реке ведут совершенно разрушенные, раздолбанные ступени, раньше это было что-то вроде парадной лестницы к пристани, раньше это была действительно набережная, а сейчас лестница практически разрушена и напоминает результат раскопок какого-нибудь античного города, и густо заросла кустами и деревьями, и от набережной осталось только название.

Раньше на месте кинотеатра был огромный собор. После революции его закрыли и устроили в нем кинотеатр. А в 1968 году собор-кинотеатр разрушили и на его месте построили просто кинотеатр.

Посидели в летнем кафе. За соседним столиком — группа солидных кавказцев. К группе солидных кавказцев подходит довольно пожилой некавказский человек и предлагает солидным кавказцам купить у него собранные им собственноручно полезные для здоровья и применимые в кулинарии травы. Доносятся слова чабрец, мята. Показывает образцы трав. Кавказцы вежливо-скептически. Уважаемый, нам чабрец нэ нужен.

На вопрос о туалете официантка летнего кафе предлагает воспользоваться зелеными насаждениями, отделяющими Набережную улицу от реки. Судя по некоторым признакам, многие посетители кафе охотно принимают это предложение.

Таксист

Нет, так не годится. Уже полдня прошло, а мы увидели только три улицы, площадь, фонтан, летнее кафе и разрушенную лестницу посреди деревьев и нечистот. Так мы ничего толком не успеем увидеть в этом необъятном городе. Надо по-другому.

По бульвару Гагарина поднимаемся на гору, обратно к гостинице, к скопищу желтых такси. Водитель желтой «волги», крепкий жилистый мужик лет пятидесяти. А что вы хотите посмотреть. Да мы хотим посмотреть весь город. Как весь город. Что вас

конкретно интересует. Конкретно — ничего, просто хотим побывать во всех четырех районах, посмотреть на улицы, дома, проникнуться, так сказать, атмосферой города. Туристы, что ли. Да нет, журналисты, из Москвы, надо про ваш город написать. А. Ну, понятно. Ладно, сделаем вам экскурсию. Садитесь.

Едем сначала в Володарский район, «на Володарку». Проезжаем по уже слегка знакомому проспекту Ленина, по шоссе через пойменные луга, по мосту через Десну, по мосту через железную дорогу, и вот началась собственно Володарка. Тихий, малоэтажный район поселкового типа, это и есть бывший поселок, только очень большой и считающийся частью города. Едем по улице Пушкина, уезжаем в какую-то почти сельскую местность, троллейбусный круг посреди буйной зелени, домов не видно, зато рядом завод с живописными черными кондовыми заводскими трубами, фотографируем трубы, едем обратно в центральную часть Володарки (не всего Брянска), улица Красный маяк, здесь уже совсем тихо и окраинно, почти сплошной частный сектор, хотите я вам баптистскую церковь покажу, да, давайте, петляем по узким улочкам между заборами и выкруливаем к огромному церковному зданию, явно совсем недавно построенному, с иголки. Здание из красного и желтого кирпича, с легким намеком на готику, едва заметным. На фоне окружающей скромной пыльной одноэтажности эта кирха смотрится довольно вызывающе. Вокруг храма толпится народ, в основном молодой, строго одетые молодые мужчины, элегантно одетые женщины, у них тут конференция какая-то сейчас проходит, да похоже на то,

выходим из машины, подходим. Из ворот один за другим выезжают микроавтобусы, наверное, развозят гостей конференции по гостиницам, лица пассажиров светятся благополучием и довольством. Мы стоим у ворот, не понимая, зачем вышли из машины. На нас не то чтобы косятся, но от нескольких брошенных взглядов в голове начинает крутиться словосочетание «чужие на этом празднике жизни», мы садимся в машину и снова выкруливаем на улицу Красный маяк.

Да, много у нас в городе баптистов, вот такой себе храм отгрохали, да это не единственный, еще есть почти такой же в Бежице, я вам покажу, когда будем проезжать.

Переезжаем по мосту через одну из бесчисленных брянских железных дорог, пути внизу красиво ветвятся. Вон там фосфоритный завод, показывает таксист рукой куда-то влево. Правда, он сейчас не работает. Фосфоритного завода что-то не видно, только крыши низеньких домиков. А вот там — таксист показывает рукой туда же, на фосфоритный завод — поселок Полпино. Процентом тридцать населения — цыгане. Правда, обрусевшие. Выяснить, что такое обрусевшие цыгане, лень.

Долго едем среди полей и лесов, но все эти поля и леса — это тоже город Брянск, мы не выехали за пределы города, мы просто едем из одного района в другой, из Володарки в Фокинский.

Фокинский район Брянска назван в честь товарища Фокина. В городе существует (вернее, существовало) нечто вроде небольшого языческого культа товарища Фокина. Помимо Фокинского района, есть

еще целых две улицы Фокина (одна в самом центре, другая — в отдаленном, но входящем в состав Брянска поселке Радица-Крыловка) и еще куча всего его имени. Товарищ Фокин был председателем Брянского уездного исполкома. Товарищ Фокин участвовал в работе VIII съезда РКП (б), заразился там тифом и, возвратившись в Брянск, вскоре умер. Это произошло 13 апреля 1919 года. Товарища Фокина похоронили в сквере напротив несуществующего ныне кафедрального собора. Небольшой, покрашенный краской-серебрянкой монумент, посвященный товарищу Фокину, и по сей день стоит на углу улиц Горького и Калинина, а под ним покоится прах товарища Фокина.

34

Едем по Фокинскому району, по прямому и широкому Московскому проспекту. Много красивых новых домов, строящихся и уже построенных. Справа — гигантских размеров красный элеватор при мелькомбинате. Таксист то и дело говорит: вон в том доме наркотики продают, и в том тоже есть точка, во втором подъезде, и вот в этом. Видно, человеку приходится работать с соответствующим контингентом. Доза, говорит, пятьдесят рублей. Правда, это не героин, а (далее последовало название химического вещества, которое моментально стерлось из памяти).

Брянское солнце ослепительно сверкает на золотых зубах таксиста.

Въезжаем в центральную часть города, Советский район. Постепенно выясняется, что мы имеем дело не просто с таксистом, а с настоящим экскурсоводом. Город знает практически досконально. С точностью до года называет даты постройки симпатичных

домиков позапрошлого века в старой части города. Рассказывает о старых фабричных зданиях и храмах, о тюремном замке и подземном ходе, ведущем к нему от пристани на Десне. Рассказывает кратко и интересно, многим тарахтящим без умолку гидам есть чему поучиться у этого водилы в плане искусства подачи материала.

Брянск значительно старше Москвы. Датой его основания принято считать 985 год. В свое время Брянск был стольным градом удельного княжества. Древний город с богатой историей. Но от этой древней истории практически ничего не осталось — ни крепостных стен, ни средневековых храмов — ничего. Город выглядит совершенно советским, даже несмотря на немалое количество сохранившихся объектов XVIII и XIX веков. Советский город с вкраплениями старины. Причем, в данном случае «советский» — это вовсе не уничижительная характеристика. Хороший, местами очень красивый город.

Бежицкий район запомнился бесконечными уныло-живописными промзонами (частично действующими, частично заброшенными), железнодорожной станцией с поэтическим названием Орджоникидзеград и уютно-респектабельными улицами Ульянова и Куйбышева в центре района. Эти улицы уставлены симпатичными и основательными домами, которые строили пленные немцы. Тут и там виднеются недешевые по виду магазины одежды и бытовой техники. На проезжей части одной из таких респектабельных бежицких улиц, около тротуара, лежит огромный ком какого-то ужасающего тряпья, из которого торчит человеческая, кажется, нога, тоже

обмотанная каким-то тряпьем. На человеческую ногу надето нечто, что довольно трудно назвать обувью. Это у нас тут бабушка живет, говорит таксист, второй год уже. Всегда спит только на этом самом месте. Бабушка спит, люди прогуливаются в тени деревьев, магазины работают. Все нормально. Стабильность и процветание.

Видели в Бежице практически такой же баптистский храм, как на Володарке. То же сочетание красного и светлого кирпича, тот же легкий намек на готику, такая же аккуратно одетая, излучающая довольство публика. Две аккуратные, эффективно работающие фабрики по производству духовной продукции.

36

Бежица раньше была отдельным городом, который в 1956 году присоединили к Брянску.

Возвращаемся в центр, к гостинице «Десна». Расплачиваемся по счетчику. Сумма раза в три или в четыре меньше, чем за такое же путешествие по Москве. Не говоря уже о том, что в Москве вряд ли найдешь таксиста, который бы так же хорошо знал город.

Интересное дело. Находясь в каждом отдельном месте на территории Брянска, чувствуешь себя в небольшом городе. Все какое-то небольшое, без подавляющего величия. Даже слегка помпезные дома в самом центре — на самом деле не помпезные, а просто красивые, аккуратные. Да, небольшой вроде бы город. И при этом размеры его, особенно не нарисованные на карте, а, так сказать, данные в ощущениях, реально поражают. Мы ездили очень долго, какое-то нескончаемое путешествие, при том,

что водитель честно выбрал кратчайший маршрут, все эти переходящие друг в друга кварталы, поселки, поля и леса в черте города, бесконечно тянущиеся промзоны, не поддающиеся исчислению количество железных дорог, вокзалов и станций... И ведь мы далеко не все части города объехали, только самое главное посмотрели. Очень необычное ощущение. Небольшой бесконечный Брянск.

Дом 47

Леонид Иванович Добычин по сей день остается фактически полузабытым писателем, мало известным за пределами круга специалистов и просто ценителей русской литературы 20–30-х годов прошлого века. Зато в пределах этого круга за ним закрепился, как это сейчас принято говорить, культурный статус.

Добычин жил в Брянске с 1918 по 1934 годы. Город он, судя по всему, не любил, годы, проведенные здесь, считал, по его собственному выражению, «убитыми». Тем не менее здесь он написал большую часть своих рассказов, здесь он начал писать свой итоговый текст – роман «Город Эн». Реалии нелюбимого Брянска обильно отразились в его текстах, предельно лаконичных, точных, холодных, безэмоциональных, похожих на небольшие прямоугольные бруски чистого прозрачного льда.

На следующий день пошли смотреть на дом, где писатель жил с 1927 года до своего отъезда в Ленинград в 1934-м. Вернее, не на дом, а на то, что от него

осталось. Вернее, просто на место, где он раньше стоял. Потому что от него практически ничего не осталось. Октябрьская улица, дом 47. Это был обычный двухэтажный деревянный купеческий дом, построенный в конце XIX века, на каменном фундаменте и с частично каменным первым этажом. Дом снесли в 1983 году. На его месте хотели что-то построить, но так до сих пор ничего и не построили.

Быстро нашли нужный адрес. Дом 45, дом 49. Между ними пустое место, огороженное железным забором. Из-за забора хорошо видна полуразрушенная невысокая кирпичная стена — единственное, что осталось от дома 47. На остальной территории просто растет трава. И больше ничего нет. Заходим во двор дома 49, оттуда стену видно еще лучше, фотографируем. Женщина, выгуливающая собаку, спрашивает, что, мол, мы тут. Объясняем. Долго рассказывает нам о том, что с этой территорией постоянно что-то собираются делать: то строить элитный жилой дом, то присоединять ее к территории соседнего дендрария, то еще что-то. Говорит: а вот тут у нас рядом парк, там красивые деревянные скульптуры, сходите, там интересно.

Да, парк. Деревянные скульптуры.

На доме 49 висит мемориальная доска в честь писателя В.К. Соколова. Вот, значит, был такой писатель — В.К. Соколов.

Парк довольно густо уставлен деревянными скульптурами, вызывающими оторопь, смешанную с омерзением. В основном, это некие подобиya языческих идолов, вытянутые, гипертрофированно худые фигуры, увенчанные волосатыми, усатыми

и бородатыми головами, иногда — с клюками в руках. Или с посохами. С чем-то таким. Правда, есть и другие скульптуры. Например, скульптура, изображающая какое-то неизвестное скрюченное в три погибели существо, на спину которого забралось другое неизвестное существо, глумливо улыбающееся. Или скульптура, изображающая охотника с ружьем на плече и трех зайчиков, стоящих перед ним на задних лапах. Рост зайчиков сопоставим с ростом охотника. Зайчики, судя по всему, находятся под гипнотическим воздействием охотника, который, судя по всему, раздумывает, в которого из зайчиков совершить контрольный выстрел.

В парке есть летнее кафе «Брянские черты». Так называется местная фанатская группировка, поддерживающая футбольную команду «Динамо» (Брянск). Фанаты частенько собираются здесь и пьют пиво (стадион совсем рядом). Закралась мысль, что название кафе связано не столько с фанатами, сколько с деревянными скульптурами.

Чуть поодаль за столиком — группа хорошо одетых кавказцев. К группе кавказцев подходит пожилой человек и предлагает кавказцам купить у него собранные им лекарственные травы. Слышно, как человек произносит слово мелисса. Кавказцы не проявляют интереса к травам. Нэт, спасибо, мэлисса нам нэ нужна.

Возникло четкое ощущение, что всё, программа пребывания в городе Брянске исчерпана. Хотя еще полно времени, можно еще посмотреть то и это, но стоит ли, все, что нужно, мы уже увидели и почувствовали.

Побродили немного по улице Горького, пофотографировали стоящие на ней симпатичные, в основном сталинские, домики. После посещения останков дома 47 все окружающие улицы, дома и виды подернулись едва заметной пеленой легкой грусти. Грустно все это, товарищи. Что именно «все это» — не очень понятно, но все равно — грустно. Маленький, огромный, местами красивый и даже элегантный, местами — ужасающе провинциальный, немного грустный город. Хотя, наверное, ничего в нем особо грустного нет, просто настроение такое было в тот момент, да.

Вышли на проспект Ленина и, не сговариваясь, повернули к гостинице. Сидя в номере, скоротали за вялыми разговорами время до поезда, потом взяли такси, поехали на вокзал, сели в блестящий бело-синий поезд и уехали в Москву.

СЕВЕР И СТАЛЬ

Север

Поезд не очень быстро ехал где-то между Вологодой и Череповцом. За окном бесконечной лентой тянулась северная природа.

Северная природа, которую было видно из окна поезда, состояла в основном из трех слоев. Внизу блеклая трава, посередине — лес, скромный такой, тоже довольно блеклый, как и трава, о таком лесе не скажешь «величественный» или даже просто «красивый», и не скажешь, что он «стоит сплошной стеной», нет, он не стоит стеной, а, скорее, проплывает мимо бесконечной вяловатой зеленоватой массой, это, кажется, называется «смешанный лес», не березовый, не сосновый, не дубрава какая-нибудь, а просто лес, состоящий из просто деревьев, иногда мелькнет береза или сосна, или верхушки елей, но в основном он состоит из просто деревьев, даже трудно сказать, как называются такие «просто деревья», может, это осины, или вязы или какие-нибудь липы или тополя, трудно сказать, чем отличается, допустим, липа от осины, в общем, масса просто деревьев, с вкраплениями сосен, берез и елей.

Сверху — небо. Как некоторые говорят, «низкое северное небо», хотя никакое оно не низкое, вообще непонятно, как небо может быть низким, это облака могут быть низкими, но облака — это ведь не небо, небо не может быть низким, так что оно не низкое, а просто серое, равномерного серого цвета. Можно даже сказать — стального. Серое стальное северное небо.

Блеклая трава, невзрачные блеклые деревья, серое стальное небо. Как трехцветный (вернее, двухцветный) флаг тихой, затаившейся страны, не существующей на политической карте мира.

Иногда мелькали озера, речки, небольшие железнодорожные платформы, мельчайшие населенные пункты. А потом опять — трава, лес, серое небо.

Как же это прекрасно.

42 — Захотелось воспеть северную природу, спеть ей небольшой тихий гимн.

О, северная природа. Ты, северная природа, самая прекрасная из всех природ. Потому что другие природы стремятся показать себя, бесцеремонно бросаются в глаза, поражают воображение или буйством красок, или величественными скалами и льдами, или падением великих вод с огромной высоты, или еще чем-нибудь вызывающим и нарочитым. А ты, русская северная природа, не бросаешься в глаза и не стремишься выставить себя в лучшем свете, ты скромна и однообразна, если долго смотреть на тебя, северная природа, из окна поезда, то роение мыслей в голове постепенно сходит на нет, наступает прекрасная пустотная ясность, и ты, северная природа, своим неприметным мельканием не отвлекаешь от отсутствия мыслей, и можно вот так ехать, вперив остановившийся

взгляд в окно, часами, сутками, годами, ехать и ехать, и смотреть на проплывающую мимо тебя, скромная, однообразная, в лучшем смысле этого слова никакая северная природа. Слава тебе, блеклая трава. Спасибо тебе, смешанный лес. Приветствую тебя, уныло-строгое серое северное стальное небо.

Поезд остановился на небольшой промежуточной станции. Привокзальная площадь представляла собой бесформенный незаасфальтированный участок земли. На площади стояли два грязноватых автомобиля «Жигули». За привокзальной площадью — ряд двухэтажных дощатых домов, таких домов много на севере. На соседнем пути, чуть в стороне, — состав из нескольких грузовых вагонов с надписью «Северсталь» на бортах. По пешеходному мостику над путями медленно шло небольшое количество людей. Через несколько минут поезд тронулся, переехал по мосту довольно широкую реку, и за окном опять установилось монотонное мелькание северной природы.

Путешествие начиналось хорошо.

Сталь

Поезд остановился у высоченной и бесконечно длинной бетонной стены, покрашенной в противный ядовито-зеленый цвет. Станция Череповец. Приехали.

Таксист, подвозивший меня до гостиницы «Стале-прокатчик», оказался из словоохотливых. Быстренько выяснил цель приезда и род занятий. Написать о городе? Наверное, что-нибудь про Северсталь?

Скандальчик, наверное, какой-то очередной? К нам тут часто ездят, выведывают что-то, журналистские расследования там, то-сё. Да нет, скандалы меня не интересуют, просто написать про город, а чего про него писать, город у нас серый, обычный, ничего особенного. Ну как же, в каждом городе есть что-то особенное, вон, к примеру, какой дом симпатичный, да ну, обычный дом, нет, городок ничего, конечно, вот это улица Горького, а сейчас мы сворачиваем на улицу Ленина. У нас тут самое главное — Северсталь. Ну да, Северсталь, металлургический комбинат, крупнейший вроде бы в России, градообразующее предприятие, понятно. Да оно не градообразующее, оно... (таксист некоторое время подбирал подходящее слово) оно областеобразующее, с него вся Вологодская область кормится. Вон, видите — дым? Вот, это Северсталь. Этот дым, как подъезжаешь к городу, километров за двадцать видно. Или за десять. Ну, вот ваша гостиница. А дальше город кончается, дальше всё.

Дальше — всё.

Гостиница «Сталепрокатчик», снаружи выглядящая достаточно зловеще (обычная серая кирпичная пятиэтажка, на которой написано «Гостиница»), внутри оказалась оазисом комфорта и уюта, практически гостиничным совершенством (насколько оно возможно в провинциальном русском городе).

Север

Череповчанка Элина, моя знакомая по «живому журналу», любезно согласилась устроить мне

небольшую экскурсию. Встретились у здоровенного торгового центра «Интерсити» и пошли в сторону старого города.

Череповец возник на слиянии двух рек: Шексны (большой, на глазок – несколько шире Невы) и Ягорбы (поменьше). Вернее, сначала возник не Череповец, а Воскресенский монастырь. Это было в середине XIV века. Со временем монастырь оброс большой слободой, которая в XVIII веке получила статус уездного города Череповца. Правда, к тому времени монастыря уже не было – его своим указом упразднила Екатерина II (такое в те годы случалось). К началу XX века сложилась нынешняя старая часть города – довольно компактная территория вокруг бывшего Воскресенского, ныне Советского проспекта, типичный старый русский купеческий город. В 40-х годах XX века начали строить металлургический комбинат, срочно понадобилось жилье для строителей и рабочих, и очень скоро на огромных присоединенных к старому Череповцу территориях возник новый Череповец.

И вот мы шли из центра нового города по направлению к центру старого города, по улице Металлургов.

Сразу стало понятно: это город не районного масштаба, а областного. Нормальный такой областной центр. Каждый, кто основательно поездил по российской провинции, сходу на глаз отличит районный центр от областного. Райцентр – это все маленькое, низенькое, приземистое, а если и есть что-то высокое, большое, то оно все равно маленькое и приземистое, если не по реальным размерам,

то по духу, по настроению. А центр области — это все побольше, пошире, поосновательнее. Другой масштаб, другой дух. Вот Череповец как раз областной, а не районный. Широкие проспекты, продуманные архитектурные решения площадей, трамваи, оживленное движение, высокие и часто красивые дома. Нет, по своей стати это никак не райцентр.

Однако по официальному статусу — именно райцентр. И по населению, и по площади, не говоря уже о промышленном потенциале, — гораздо больше Вологды, областного центра. Правда, в 1918 году Череповец и стал центром новообразованной Череповецкой губернии, но период величия длился недолго: в 1927 году все вернулось на круги своя, и даже последующее строительство металлургического комбината не помогло Череповцу избавиться от своего скромного районного статуса.

46

Говорят, между Череповцом и Вологдой существует некоторая взаимная неприязнь. Вернее, не то что бы неприязнь, а нечто подобное отношениям, сложившимся между Москвой и Петербургом, Сыктывкарком и Воркутой или Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Некая ревность друг к другу, что ли. Череповчане считают Вологду городом недостаточно привлекательным и комфортным. Проще говоря — невзрачным и даже убогим, несмотря на имеющиеся там исторические памятники. Приходилось даже слышать, что жители Вологды весной и осенью повально ходят в резиновых сапогах, потому что в другой обуви ходить по тамошним непролазным улицам невозможно. Череповчане отчасти ревниво относятся к областному статусу

Вологды, считая, что его в гораздо большей степени заслуживает Череповец.

Интересно было бы послушать высказывания жителей Вологды на эту тему.

Вспомнились слова утреннего таксиста: а ведь город-то действительно серый. Может быть, это из-за серого неба. Но не только. Дома тоже в основном, серые. Не потому что так задумано, и их покрасили в серый цвет. А просто краска на большинстве домов поблекла, местами облезла, и они производят впечатление серых. Элина говорит, что их периодически подкрашивают, но делают это небрежно, не соблюдая технологий, и краска быстро блекнет.

Подумалось, что дело тут не только и даже не столько в нарушениях технологий и небрежности. Кажется, городу нравится быть серым. Серый цвет ему к лицу. Потому что это не убогая, жалкая серость. Нет, это серость строгая, сдержанная, суровая, северная. Не люблю это слово, но — стильная. Да, именно стильная. Серость северной стали.

Сталь

Между новой и старой частями города довольно большой парк. Раньше здесь было кладбище, а теперь парк. Современные череповчане прогуливаются по парку, а у них под ногами лежат другие череповчане. Это жизнь. Ничто не стоит на месте. Все течет, все изменяется. Старое отмирает, ему на смену приходит новое. «Младая будет жизнь играть», и уже играет.

Посреди парка стоит монумент — огромный вертикально стоящий неровный кривоватый параллелепипед, несколько расширяющийся кверху. То есть строго говоря, это не параллелепипед, а, скорее, усеченная и перевернутая пирамида. Естественно, металлическая. Памятник металлу. Усеченная пирамида стоит на одном краю длинного мраморного основания. На другом краю, так сказать, скульптурная группа. По мраморному основанию бодро шагает бодрый паренек примерно пяти лет. На нем рабочий комбинезон, тяжелые рабочие ботинки и металлургическая каска, слегка великоватая по размеру. Рядом, на том же мраморном основании, сидит взрослый металлический мужчина и смотрит на шагающего паренька. Автор скульптурной композиции, наверное, хотел придать лицу мужчины выражение умиления и гордости, но получилось не очень, выражение получилось довольно-таки каменное, вернее, металлическое, и если это лицо что-то и выражает, то разве что туповатое довольство своей жизнью и положением в обществе. Наверное, имеется в виду, что это отец и сын. Хотя никаких явных указаний на это нет. Вполне возможно, это дядя и племянник, или молодой дедушка и внук, или вообще это может быть какой-то совершенно посторонний дядька присел на парапет, смотрит на паренька и думает: во малец дает, каску напялил и расхаживает, ну чудной, блин, юный металлург, но, скорее всего, это все-таки какие-то близкие родственники, наверное, это все-таки отец и сын, и имеет место нечто вроде передачи трудовой эстафеты, отец всю жизнь горбатился на

металлургическом комбинате, теперь вот сын подрастет маленько и тоже горбатиться будет, хорошо, трудовая династия, на тебе, сынок, каску, носи, привыкай, я отмучаюсь, потом ты будешь мучаться, а потом и у тебя дети будут, и они тоже это самое, потому что такая наша жизнь, такая, сынок, наша с тобой жизнь.

Север

По мере приближения к старому центру стильная северная серость постепенно улетучивалась. Бывший Воскресенский, ныне Советский проспект, осевая магистраль старого Череповца – симпатичная, но в целом обыкновенная улица. Подобные есть во многих русских провинциальных городах. Небольшие старые домики, разной степени отреставрированности и ухоженности. Множество небольших магазинчиков. Людей мало, тишь и провинциальность. Здесь Череповец своим видом вполне соответствует своему районному статусу. Проспект упирается в бело-зеленый Воскресенский собор постройки середины XVIII века. Это все, что осталось от когда-то стоявшего на этом месте древнего монастыря, упраздненного Екатериной. В облике собора есть что-то странно деловитое и даже немного суетливое. Возможно, такое впечатление сложилось из-за суетившегося около собора свадебного кортежа.

От высокой Соборной горки спустились к Шексне. Широкая река, на противоположном берегу ведется интенсивное жилищное строительство, тут

и там торчат башенные краны. Рядом речной вокзал, располагающийся в огромном старом деревянном двухэтажном дебаркадере, выкрашенном зеленой краской, с многочисленными белыми колоннами. На дебаркадере написано Череповец. Дебаркадер навевает ассоциации с фильмом «Жестокий романс». Чуть подальше, вплитык к дебаркадере, пришвартован другой дебаркадер, точно такой же, как и первый, только совсем старый, готовый развалиться, заколоченный и не действующий. На нем тоже написано Череповец. Странное, чарующее и вместе с тем болезненное зрелище. В этом месте, как и на Воскресенском проспекте, тоже совсем не чувствовалась северная прекрасная серость, разлитая в атмосфере новых городских кварталов. Нечто подобное вполне можно увидеть где-нибудь на Верхней Волге или на Оке. Красиво, трогательно, даже гротескно, но... ничего особенного. А там, на улице Metallургов, среди серых облупленных домов, было особенное.

С Соборной горки к берегу осторожно спускается жених, несущий на руках невесту.

По небольшому переулку вышли к берегу Ягорбы, второй череповецкой реки. Серая северность постепенно стала возвращаться. Слева огромный массив высоких грязно-бело-серых жилых домов брежневской эпохи. На фоне массива одинокая, потерянная часовенка, не старая, а, кажется, недавно построенная. Сразу видно — часовенка не действующая, она какая-то заброшенная и покинутая, маленькая, желтая и беззащитная. Справа, на противоположном берегу Ягорбы — величественные портовые краны и бесконечные серые корпуса

судоремонтного завода. Эту картину можно было бы назвать убогой и безрадостной, но нет, это что-то другое, все это как-то соразмерно, спокойно и, опять на языке вертится неприятное слово «стильно», но действительно стильно, опять в строениях и объектах стала сквозить северная стальная серость, а ведь всего в полукилометре, около пристани и на Воскресенском, ничего такого не ощущалось.

Спрашиваю у Элины, как в Череповце с так называемой культурной жизнью: имеется ли какая-нибудь литературная активность, есть ли какие-нибудь интересные группы.

Нет. После Башлачева не было и нет ничего интересного.

Да, ведь в Череповце родился и долгое время жил Александр Башлачев, автор и исполнитель песен, культовая фигура советской подпольной музыки 80-х. Работал, кажется, на местном телевидении. Вроде как бы нельзя говорить о Череповце и не сказать о Башлачеве.

Нет, нет, не буду ничего говорить о Башлачеве. Не буду выяснять и описывать, в каком доме или домах он жил, какие объекты Череповца с ним связаны. Я совершенно равнодушен к творчеству Башлачева, немногочисленные его песни, которые я слышал, не оставили в моей душе ни малейшего следа, и было бы лицемерием сейчас что-то о нем писать, так что пусть тема Башлачева закроется, не успев открыться, пусть кто-нибудь другой придет в Череповец и напишет что-нибудь о Башлачеве.

Кстати, о культуре и, в частности, литературе: в Череповце есть улица Мамлеева.

Сталь

Объясняю таксисту задачу: надо посмотреть Северсталь. Не заезжать на территорию, а посмотреть из-за забора. Просто посмотреть. Полюбоваться индустриальностью. Нельзя ведь побывать в Череповце и не увидеть Северсталь.

Выяснив цель моего приезда, таксист произнес: город у нас серый.

Я не стал отрицать: да, серый, но вообще-то красивый. Ну, не знаю, что тут красивого. Город и город. Заводской, обычный. На комбинате сорок тысяч человек работает. Вон, впереди, видите — дым?

Впереди вдалеке действительно было довольно дымно.

52 — Вот, это Северсталь дымит. Когда к городу подъезжаешь, этот дым видно километров за пятнадцать. Или двадцать.

Приехали на небольшую площадь перед въездом на территорию комбината. Дальше — только по спецпропускам.

Как выяснилось, лучшего места для того, чтобы насладиться комбинатскими видами, нет. Сплошной забор, никаких возвышенностей, мостов, башен и т.п. вокруг, так что посмотреть с высоты нет никакой возможности.

Видно, что за забором нечто колоссальное. Заводские корпуса, трубы. Много труб. Практически над головой извивается исполинского диаметра трубопровод. Ощутимо пахнет гарью с металлическим привкусом. От проходной к площади ведет тропинка среди травы, и по ней группками и по одному идут

рабочие. Усталые рабочие, вид которых навевает воспоминания о романе Горького «Мать». Зарплаты у рабочих на Северстали маленькие. Рабочий мало получает, и через это он страдает, как сказал народный поэт. Восемь тысяч рублей в месяц считаются неплохой зарплатой для рабочего Северстали.

С интервалом примерно в минуту из-за забора доносится оглушительный протяжный металлический грохот, примерно такой, как если в здоровенный пустой железный контейнер медленно высыпать тонну гаек или болтов, только раз в сто громче. Спросил у таксиста, что это так грохочет. Хрен его знает, ответил таксист.

Подъехали к зданию заводоуправления. На здании заводоуправления надпись «ОАО Северсталь». На заднем плане возвышается шесть одинаковых черных заводских труб. Из одной из них валит густой черный дым. Сделал несколько снимков и поехал в центр.

Север и сталь

Улица Мамлеева – небольшая, малозаметная улочка, спускающаяся от здания мэрии города к Шексне. Справедливости ради надо отметить, что она названа не в честь Юрия Витальевича, а в честь Диниахмеда Набиулевича. Диниахмед Набиуевич Мамлеев был начальником треста «Череповец-Металлургстрой», под его руководством строился Череповецкий металлургический комбинат (ныне Северсталь) и застраивалась современная часть города. Череповчане,

будучи не в силах выговорить словосочетание «Диниахмед Набиулевич», называли Диниахмеда Набиулевича просто Дмитрием Николаевичем.

Несмотря на то, что улица названа в честь Диниахмеда Набиулевича, над ней довольно ощутимо витает дух Юрия Витальевича. Многие его ранние рассказы начинаются практически с описания этой улицы, например: «Среди ровненько-тупых домов-коробочек, в трехсемейной квартирке жил-затерялся холостяк, молодой человек лет двадцати восьми, Сережа Иков» или «На асфальтно-зеленой улочке расположились веселые, полные людей домишки» или «За гулом фабрик, за туманом пыли и бензина – приютилась... улица. Четырехэтажные коробки, слепые окна-глаза, зелень, детвора, старушки на скамейках, торопливые мужчины». С одной стороны улицы – сквер и огромное здание Дворца культуры, тоже имени Мамлеева. С другой – ряд сереньких кирпичных пятиэтажечек. В этих пятиэтажечках вполне могли бы жить герои Мамлеева – Вася Жуткин, Человек С Лошадиным Бегом или парень Витя из рассказа «Серые дни». На домиках висят таблички улица Мамлеева, дом такой-то, без уточнения имени-отчества. Заглянул в один из дворов. Обычный двор. Земля, трава. Качели, песочница. За деревьями в глубине двора виднеется желтая блочная пятиэтажка. На бортиках песочницы сидело несколько персонажей Мамлеева. Кажется, они выпивали. Один из них недобрительно посмотрел в мою сторону.

Улица Мамлеева оказалась в прямом смысле этого слова дорогой к храму – в конце улицы, за Т-образным перекрестком обнаружилась симпатичная,

недавно отреставрированная белая церковь Рождества Христова. От церкви открывался, что называется, Вид. Вид на широкую Шексну, на огромный вантовый мост через реку, на многоэтажные кварталы новостроек на другом берегу, на речной вокзал и величественные портовые краны... Этот вид можно было бы назвать открыточным, если бы он не был выполнен в таких подчеркнуто серых, стальных тонах.

Вышел на середину моста. Примерно час или полтора стоял неподвижно на мосту и смотрел туда, где почти у горизонта Шексна впадает в Рыбинское водохранилище. Правее внизу белела церковь Рождества Христова, еще правее скромно громоздились пятиэтажные домики улицы Мамлеева... Постепенно темнело. Образ Череповца как северного серого стального города обрел здесь завершенность. Серое мрачноватое небо, такое принято называть свинцовым, но в Череповце ведь делают не свинец, а сталь, значит и небо здесь не свинцовое, а стальное, холодная серая стальная река, невозможно красивый вантовый мост, висящий на стальных канатах толщиной с руку, прикрепленных к 85-метровой стальной опоре, вдали — серые дымы Северстали... Если бы это был июнь и белые ночи, можно было бы просто стоять здесь всю ночь, трудно оторваться, хочется бесконечно стоять на этом высоченном мосту и смотреть на небо, реку, церковь и мамлеевские пятиэтажки, но белые ночи уже кончились, темнеет, на горизонте показалась черная точка, она приближается, это какое-то судно, долго-долго это судно приближалось к мосту и приблизилось, оно оказалось

черно-белой самоходной баржей, баржа проплыла под мостом, два матроса (или как там называются служители речфлота) что-то прокричали и помахали мне руками, я тоже помахал им рукой и пошел в сторону гостиницы.

А на следующий день была, что называется, «хорошая погода», солнце, голубое небо. Пошел прогуляться по центру. В солнечную погоду город выглядел совсем другим. Куда-то исчезла северность, стильная северная серость. Дома теперь были не серыми, а блекло-цветными. Река, вчера еще строго-стальная, теперь призывно сверкала на солнце, словно бы приглашая к примитивным пляжным развлечениям.

56

Скучно, пустовато. Обычный город, ничего особенного. И ничего общего с тем городом, который я видел накануне. Солнце и «хорошая погода» сделали свое дело.

Незадолго до отправления поезда погода вдруг «испортилась». Снова стало пасмурно, серо. Поезд тронулся, замелькали за окном унылые железнодорожные постройечки. Въехали на мост через Ягорбу. Впереди виднеются серые многоэтажки Заречного района, справа — бесконечные корпуса судоремонтного завода, величественные портовые краны, слияние Ягорбы и Шексны, серая вода и небо, опять ставшее стальным. На прощанье Череповец снова принял свой истинный облик — облик серого стального строгого северного города, прекрасного в своей сдержанной серости, и именно таким я его и запомню.

ВОЗМОЖНО ОБРУШЕНИЕ ФАСАДА

Вот, говорят, Москва бьет с носка. Приезжий человек приедет в Москву с целью ее, Москвы, завоевания, с целью реализации своих амбициозных планов, в поисках лучшей доли, чуть заезвается, растеряется, и Москва — раз! — и ударит приезжего человека носком ноги. Приезжий человек пригорюнится, сделает неутешительные выводы, а потом расскажет другому приезжему человеку, менее опытному, что Москва — она такая. С носка бьет.

То же самое можно сказать и о Норильске. Только в другом смысле, не в московском. В том смысле, что Норильск с первых минут знакомства ощутимо ошарашивает нетривиальными впечатлениями.

Аэробус Ил-86 совершил посадку в норильском аэропорту Алыкель, покатился по взлетно-посадочной полосе, снизил скорость почти до нуля, но не остановился, а стал отклоняться куда-то вбок, к краю полосы. Возникли нехорошие мысли о так называемом выкатывании. Вдруг возьмет да и выкатится. Такое иногда случается. Ничего хорошего в таких случаях с самолетом и пассажирами не происходит. Но нет, не выкатился. Вместо выкатывания гигантский Ил лихо развернулся прямо на полосе, как какие-нибудь «жигули» на перекрестке, и бодренько порулил к аэровокзалу.

Выход в город — просто щель в сером заборе. Рядом со щелью надпись «Выход в город». Аэровокзал переживает реконструкцию, его уже частично облепили ярко-сиреневыми пластиковыми панелями, и скоро он, судя по всему, заработает на полную катушку и выход в город примет более цивилизованные формы, а пока — просто щель в заборе. Да какая в сущности разница.

За забором толпа людей. Встречающие и таксисты. Таксисты произносят слово «такси» с равными временными интервалами. Встречающие ничего не говорят, просто встречают. Бросается в глаза относительная молодость толпы (бывалые сорокалетние таксисты выглядят в этой толпе почти аксакалами) и обилие лиц, явно указывающих на криминальные наклонности их носителей. Бросился в глаза персонаж словно бы из сороковых или пятидесятых годов — кепка (не бейсболка), золотые фиксы, неброский пролетарский прикид с преобладанием черно-серых тонов. Про такого не скажешь «бандит» или даже «гопник», тут самое подходящее слово — «хулиган», да, именно хулиган, в Москве этот типаж уже давно вытеснен бандитами и гопниками, а тут вот сохранился, правда, в этой толпе он был один такой, а в остальном преобладали бандиты, гопники, бывалые таксисты и просто обычные люди.

Таксист выруливал со стоянки минут двадцать, совершая маневры потрясающей филигранности. Он то и дело высовывался из окна, и тогда происходили примерно такие диалоги: ты, сволочь, куда прешь, не видишь, люди стоят, а ты, сволочь, куда прешь, не видишь, люди едут, ты, козел, где встал, не видишь,

люди едут, а ты, козел, куда едешь, не видишь, люди стоят и так далее, с незначительными вариациями. Все эти слова произносились сторонами без какого бы то ни было выражения, в них не было агрессии, злобы и даже досады, это были просто дежурные слова, примерно как в офисе утром сотрудники, встречаясь в коридоре, бросают друг другу на ходу привет, как дела, и, не останавливаясь, идут дальше по своим офисным делам, так и здесь, водители просто приветствовали друг друга словами «козел», «сволочь» и некоторыми другими, это был просто ритуал, и если не сказать в нужный момент «козел» или «сволочь», то это будет, пожалуй, даже как-то невежливо, все равно что не подать руки или нарочито отвернуться при встрече.

В конце концов как-то вырулили, проехали мимо скопления небольших аэропортовых домиков и выехали на трассу. Кругом тундра, в это время года представляющая собой относительно ровную буровато-зеленую поверхность с намеком на травянистость. Слева, параллельно трассе, однопутная железнодорожная линия. Вдоль железной дороги тянулась череда столбов, такие столбы предназначены для подвески контактной сети, но никаких проводов не было, вернее, раньше были, раньше здесь ходили электрички, а потом электрички упразднили и провода сняли за ненадобностью, и столбы теперь стоят просто так, без проводов, бесконечный ряд проводов, уходящий вдаль, посреди буро-зеленой тундры, под облачным серым северным небом.

На горизонте показалось небольшое скопище современных высоких разноцветных домов. Дома

выглядели довольно бодро и оживляли пейзаж. Но по мере приближения дома все меньше оживляли пейзаж и выглядели все менее бодро. Когда подъехали совсем близко, выяснилось, что дома мертвые. В них никто не живет. В окнах нет не только стекол, но и рам. Брошенные дома. Построили (по виду домов — давно) и бросили. Таксист сказал, что это мертвый поселок Алыкель. Дома построили на рубеже 80-х и 90-х, здесь должен был быть расквартирован полк то ли истребительной, то ли бомбардировочной авиации, в домах должны были жить летчики, но перестройка и развал Союза смешали все карты, полк перевели куда-то в другое место или даже вообще расформировали, и дома так и остались пустыми и заброшенными.

60 — Выехали на трассу Дудинка — Норильск. Опять тундра, серое небо и железная дорога со своими мертвыми столбами.

Мост через речку Амбарная. Вернее, три моста рядом, параллельно друг другу, но на разной высоте, как бы карабкаясь друг за другом по склону небольшого холма. Внизу мост, по которому мы едем. Вверху железный железнодорожный мост. Между ними — деревянный мост, ветхий и перекошенный, по которому проложено примерно сто метров узкоколейного железнодорожного полотна. На этом обрубке узкоколейки стоит небольшой черный паровоз. Здесь раньше (до начала 50-х годов) проходила узкоколейка Дудинка — Норильск, и по ней ходили вот такие паровозы, потом построили нормальную железную дорогу, а узкоколейку за ненужностью разобрали, оставили только этот стометровый

кусок, ветхий деревянный мост и паровоз в качестве памятника.

Паровоз аккуратно выкрашен черной краской, с вкраплениями белого и красного, и выглядит, как новый.

В пролете железнодорожного моста, того, который сверху, висит белый транспарант с надписью: «Добро пожаловать в Норильский промышленный рай». Правый край транспаранта подогнут, он не уместился в рамку, с самого края видно начало буквы «о», наверное, создатели транспаранта имели в виду «район», но получился рай, Норильский промышленный рай, и сразу стало понятно — сейчас что-то начнется.

Началось, собственно, вот что: местность справа от дороги, до этого представлявшая собой плоскую равнину, вздыбилась горами, пусть и не высокими, и по мере нашего приближения к Норильску лавинообразно нарастала индустриальность.

Кайеркан, небольшой шахтерский город. Здесь добывают каменный уголь. Грузовая станция, несколько кварталов относительно современных домов. Рядом со станцией довольно-таки циклопическое промышленное здание из кирпича, покрашенное в страшный темно-зеленый цвет, прямо поверх кирпичной кладки. От циклопического кирпичного здания в сторону дороги отходит наклонная галерея, тоже кирпичная и огромная, покрашенная в страшный светло-зеленый цвет. По галерее раньше, видимо, транспортировалось нечто вроде угля. В стенах галереи имеются редкие слепые окна. При попытках представить, что там, внутри этой галереи,

становится очень страшно. Не доходя до дороги, галерея заканчивается гигантской грудой битого кирпича, рядом экскаватор и бульдозер. Галерею, судя по всему, целенаправленно разрушают при помощи экскаватора и бульдозера, судя по всему, эти мощные железные машины своими железными орудиями разрушают галерею, просто тупо фигачат по ней, разбивая на куски кирпичную кладку, видно, галерея утратила свое народно-хозяйственное значение, и ее теперь медленно приканчивают, как будто два хищных зверя отгрызают конечность у огромного, но беспомощного существа.

Что это, спрашиваю, такое. Галерея, после некоторой паузы отвечает таксист. Ломают галерею.

Ну да. Ломают галерею. Можно было и не спрашивать.

62

А это вот — надежда, говорит таксист, показывая на огромное скопление заводских корпусов, высоких дымящих труб и бесконечно змеящихся трубопроводов. В смысле — надежда? Ну, завод так называется — Надежда. Что, прямо вот такое официальное название? Ну да, Надежда. И завод, и место это так называется.

Надежда. Рай и надежда. Какой рай, такая и надежда.

Подъезжаем ближе к заводу. На дорожном указателе написано «Надежда».

Проехали Надежду, и Норильский промышленный рай предстал во всей своей красе. Справа горы, темные, угрюмые. Тут и там заводы, множество заводов, кажется, они везде, и прямо по курсу, и справа, у подножья гор, и где-то вдаль, из труб интенсивно

валит дым различных оттенков серого, переходящих в черный, дым сливается с обрывками низко летящих облаков, серое небо, вдали светло-серой массой маячит Норильск, кругом ветвятся железные дороги... Это даже трудно назвать «индустриальным пейзажем». Индустриальный пейзаж – неотъемлемая часть современной урбанистической среды, дело, в общем-то, обычное, даже если речь идет об огромных заводах-монстрах. А тут нечто другое. Какая-то совсем другая индустриальность, невероятная, запредельная, марсианская. Марс, на котором так и не зацвели яблони, зато дымят заводы и выплавляются цветные металлы.

Когда проезжали Медный завод, ощутило запахло серой. И долго еще пахло, как будто где-то неподалеку зажгли миллион спичек и одновременно потушили. Чувствуете, серой пахнет, сказал таксист и, хохотнув, широко улыбнулся.

Эта улыбка, которую вряд ли когда-нибудь удастся забыть, стала последним поворотом кубика-рубика, последним элементом пазла, придавшим окружающей картине завершенность. Оставшийся путь до гостиницы промелькнул, как в каком-то тумане. Оперативная память переполнилась и уже не могла воспринимать городские виды Норильска. Какие-то улицы, дома. Гостиница. Ну вот, приехали. Спасибо, всего вам доброго. И вам тоже удачи.

Войдя в гостиничный номер, поймал себя на мысли, что лучшим решением, пожалуй, было бы просто пересидеть весь срок командировки здесь, в этом относительно уютном одноместном номере, просто сидеть или лучше лежать, читать книжку,

переключать телевизор с первого канала на второй, а потом тихо смотреть в аэропорт и улететь в Москву, туда, где индустриальные пейзажи трогательны и патриархальны и где не пахнет серой.

Надо же, придет же такое в голову. Глупость какая. Нет, надо просто немного отдохнуть, оклематься или, как некоторые говорят, очухаться, и продолжить ознакомление с местностью.

Пока отдыхал и очухивался, пошел дождь, и знакомиться с Норильском пришлось под довольно сильным дождем. Ну а что делать.

От гостиницы по Советской улице вышел на Ленинский проспект, главную магистраль города. Первое впечатление — город по-северному, по-заполяроному суровый и настороженный. Похожее ощущение возникает в Мурманске и Воркуте. Проспект и прилегающие улицы уставлены довольно-таки монументальными домами 40-х-50-х годов постройки. Некоторые подчеркнута аскетичны, ничего лишнего. Другие, наоборот, украшены колоннами, карнизами и прочим декором. Почти все дома заметно обшарпаны — где-то отвалилась штукатурка, где-то неприятно темнеют подтеки воды. Заметил на стене одного из домов табличку: «Осторожно! Возможно обрушение фасада». Поначалу воспринял это как некий курьез. На следующем доме такая же табличка. И на других то же самое. Практически на всех старых домах в центре города написано про обрушение фасадов. Ну, понятно. Климат. Снег, пурга, дикие морозы. Перепады температур. Влажность. Фасады не выдерживают, от них отваливаются огромные куски штукатурки, элементы декора. Могут зашибить.

Обнаружил чудесную табличку на одном доме: «Осторожно, сосули!» И потом на некоторых других домах такие же видел, но гораздо реже, чем про обрушение фасадов. Наверное, фасады обрушаются повсеместно, а сосули свисают не везде, выборочно.

Народу на улице мало — дождь, да еще и выходной. Среди тех, кто все же изредка попадаетея навстречу, категорически преобладает молодежь.

Гвардейская площадь большая и круглая, образована двумя полукруглыми зданиями и одним обычным, прямоугольным. Отдаленно напоминает площадь Гагарина в Москве и питерскую Светлановскую площадь, только поменьше.

Постоял на Гвардейской площади, огляделся. Вообще-то, красивый город. Какой-то статный. Прямо стоящий. Нехилый. Вызывающий уважение, несмотря на бросающуюся в глаза обшарпанность зданий.

Еще одна парадная площадь — Октябрьская. В отличие от Гвардейской, она квадратная, ее обрамляют два огромных помпезных здания, образующих как бы торжественные ворота города. Фасады обоих помпезных зданий находятся в катастрофическом состоянии. С площади открывается вид на озеро Долгое. На берегу озера мрачный остов брошенной недостроенной девятиэтажки, рядом аккуратненькая веселенькая мечеть с толстеньким невысоким минаретом. Дальше вдоль берега — кварталы многоэтажных домов брежневской эпохи, так же, как и сталинские дома в центре, не отличающихся ухоженностью.

Раньше вдоль берега шла железнодорожная ветка, а на Октябрьской площади располагалась

железнодорожная станция Октябрьская. Отсюда отправлялись электрички до аэропорта, Кайеркана и Дудинки. Потом электрички упразднили, станцию разрушили, железнодорожное полотно вдоль озера разобрали. На этом месте ничего не построили, осталась просто пустая полоса земли вдоль берега, кое-где еще виднеются шпалы и выстроились в ряд столбы без проводов — опоры бывшей контактной сети.

Долго стоял на берегу озера, смотрел на гору Шмидтиху, на Никелевый завод и окружающие его другие предприятия, сросшиеся в огромную заводскую массу, состоящую из корпусов, труб и миллиона трудноопределяемых крупных и мелких предметов. Несмотря на всю монструозность этого пейзажа, ощущение, будто я на Марсе, как-то незаметно сошло на нет. Да, неуютно, да, дождь, ветер и холодно, да, трубы дымят и, несмотря на дождь, пахнет какой-то гарью. Но все окружающее перестало восприниматься как нечто чуждое и чужое. Нет, просто такой город. Очень промышленный. Здесь располагается компания «Норильский никель», крупнейший в мире производитель никеля и один из крупнейших в мире производителей меди. На Норильском никеле работает дикое количество людей, и все они живут в этом городе. Так что — ничего марсианского.

Не хотелось уходить — пейзаж был странно привлекателен, он состоял из огромного количества разнообразных объектов, как природных, так и антропогенных, их было захватывающе интересно рассматривать, от горы Шмидтихи веяло мрачным величием, все это было, можно сказать, даже прекрасно,

но дождь все усиливался, и пришлось уйти. Прошел мимо спорткомплекса «Арктика». Надо ли говорить, что фасад спорткомплекса... да, довольно обшарпанный. Здесь выступает мини-футбольная команда «Норильский никель», довольно сильная. В ее составе играет один бразилец. Интересно, как ему местный климат.

Дворами и арками пробрался к Ленинскому проспекту, поймал такси и вернулся в гостиницу.

Перед сном решил почитать купленную в небольшом магазинчике на Ленинском книгу Вадима Денисова «Неведомый Норильск». Оторвался только под утро, прочитав книгу целиком. Вадим Денисов — коренной норильчанин, писатель, местный краевед. Сейчас я скажу ужасно заезженные, банальные слова — увы, других у меня в данном случае нет. Вот эти слова: каждая строка этой книги пропитана любовью к родному городу и ностальгией по его блестящему, величественному прошлому. Хорошая книга, написанная хорошим языком хорошим, судя по всему, человеком. Подумалось, что каждый город стоит не только молитвами праведников (остались ли они сегодня?), но и трудами вот таких краеведов, как Вадим Денисов.

На следующий день поехал в Дудинку — морской порт на Енисее. Это примерно в 80 километрах от Норильска. Поехал для того, чтобы увидеть Енисей (побывать в Норильске и не увидеть Енисей — непροститительно) и чтобы более подробно осмотреть все те захватывающие и поразительные объекты, которые поразили меня накануне по дороге из аэропорта.

Практически сразу после выезда из города слева показалось строение, которое я накануне почти

не заметил, проскочил в состоянии легкой прострации. Между тем, это очень важное строение для Норильска – вокзал. Железнодорожный пассажирский вокзал. Попросил водителя остановиться, вышел, посмотрел.

Огромное трехэтажное здание, построенное в 1953 году в лучших (или худших) традициях сталинской архитектуры. Помпезное, угрюмо-величественное, одиноко стоящее. Сразу видно, что вокзал не действует. Действующий железнодорожный вокзал никогда не бывает так одинок. Вокруг него всегда люди, к нему в обязательном порядке примыкают какие-нибудь строения и строеньица. Даже если это самый что ни на есть мелкий провинциальный вокзальчик, рядом обязательно должен быть хотя бы крошечный газетный киоск или ларек с пивом и чипсами. Рядом с этим вокзалом не было ничего и ничего. Просто плоская ровная земля, и на ней отдельно от всего стоящий огромный вокзал. На закрытых дверях табличка – «Управление Норильской железной дороги». Бывший вокзал используется как офис. За вокзалом видны железнодорожные пути, на них стоит множество товарных вагонов. Видно, что эти пути и вагоны не имеют к вокзалу никакого отношения.

Этот вокзал построили в расчете на то, что Норильск будет крупной станцией на огромной трансарктической магистрали, которая должна была протянуться за Полярным кругом через всю страну с запада на восток. Норильский участок (80-километровую магистраль до Дудинки плюс многочисленные местные ответвления) построили раньше

других для обслуживания Норильского горно-металлургического комбината. На вторую половину 50-х было запланировано соединение Норильской дороги с остальной железнодорожной сетью Советского Союза. Но ничего из этого не вышло. После смерти Сталина великий проект был заморожен, а потом на нем и вовсе поставили крест. Решили, что это слишком дорого и утопично. Решили, что это непозволительная и ненужная гигантомания. Решили, что Норильску вполне достаточно воздушного сообщения и морского порта Дудинка. Так Норильская железная дорога стала железнодорожным островом, куском, обрубком железной дороги посреди бескрайней тундры.

При этом Норильская дорога продолжала развиваться. К началу 70-х большинство линий было электрифицировано, из Норильска в разных направлениях ходили многочисленные электрички. В те годы Норильск занимал одно из первых мест в СССР по объемам пригородных пассажирских перевозок. Электрички были главным местным транспортом. Людям было удобно добираться на них на работу или в аэропорт. Неприхотливые электрички, в отличие от автобусов, ходили строго по расписанию круглый год и в любую погоду, а автомобильную трассу на аэропорт и Дудинку зимой частенько закрывали.

Потом наступили 90-е, образовался «Норильский никель». Электрички были объявлены нерентабельными и нецелесообразными. Новые хозяева города начали методично сживать со света главный норильский транспорт, закрывая один маршрут за другим. В 1998 году норильские электрички были

упразднены полностью. Вокзал был закрыт, станция Октябрьская в центре города (главная городская станция электричек) ликвидирована, ветка по берегу озера Долгое разобрана. Заодно было решено провести, так сказать, деэлектрификацию — случай поистине уникальный. Старая контактная сеть требовала ремонта, люди с экономическим образованием подсчитали, что ремонт обойдется слишком дорого и что дешевле будет эту контактную сеть просто уничтожить. Наверное, тут еще сказалась специфика «Норильского никеля» — компании было невыносимо видеть, как медь, ценный цветной металл, болтается себе на ветру, подвешенная на каких-то столбах. Провода сняли, столбы по большей части оставили, электрички и грузовые электровагоны продали другим железным дорогам. Правда, Норильская железная дорога по-прежнему действует. Теперь по ней осуществляются только грузовые перевозки, довольно интенсивные. Тепловожы таскают туда-сюда вереницы товарных вагонов. Люди ездят на работу и в аэропорт на автобусах и «газелях». Или не ездят, когда дорогу перекрывают из-за сильных метелей. О великом трансарктическом мега-проекте сегодня напоминает только этот огромный вокзал, одиноко стоящий в пустынном месте у дороги.

Ладно, едем дальше. Проехали благоухающий серой Медный завод, Надежду, шахтерский город Кайеркан с его полуразрушенной кирпичной галереей. То есть все то же самое, что и вчера. Но... то же, да не то же. Все это воспринималось теперь как-то по-другому. Возможно, сыграли роль солнце и ясное небо (для Норильска это не такое уж частое

явление). Но не только. Исчезло ошеломляющее ощущение пребывания на какой-то другой, возможно, враждебной, планете. Прекратились эти вчерашние марсианские хроники. Ну да, заводы, дымящие трубы, неприятные запахи. Нормальные такие заводы. Просто очень большие, и их очень много. Ну да, галерея, страшного светло-зеленого цвета, хищные желтые бульдозер и экскаватор в нее вгрызаются, ну, что же делать, сооружение отслужило свой срок, его разбирают, страшновато, конечно, все это выглядит, но жить вполне можно, можно, можно жить.

В общем, виды окрестностей Норильска утратили свою апокалиптическую, сохранив живописность. Только мертвый поселок Алыкель был по-прежнему призрачен и страшен, и по-прежнему страшно и то скливо было смотреть в его пустые мертвые окна.

Хотел было написать про Дудинку и Енисей, но нет, не буду. Иначе получится очередное «описание природы», а это ведь совершенно не нужно, из литераторов, в разное время описавших реки разной степени величественности, можно составить мотострелковый батальон, если не дивизию, стоит ли присоединять свой голос к этому оглушительному какофоническому хору, Енисей прекрасен, широк и велик — и все, точка. Если бы у меня было достаточно времени, я бы стоял и смотрел на Енисей часов пять или десять, но пришлось ограничиться примерно получасом и уехать назад в Норильск.

В третий раз проехал мимо мемориального паровоза на кривом деревянном мосту, мимо несчастной кайерканской галереи, Надежды, Медного завода, вокзала. Какими-то чуть ли не родными

стали теперь для меня эти чудовищные, по сути своей, объекты.

Пошел гулять по Норильску. По Ленинскому проспекту, Пушкинской улице, мимо стадиона «Заполярьник», мимо церкви Всех Скорбящих Радости. Тихий теплый воскресный вечер, тут и там гуляют парочки, на скамейках сидят группки молодежи — кругом практически одна молодежь, изредка встретишь человека в зрелом возрасте, а пожилого человека за все время я встретил только одного, это был человек лет пятидесяти, у него было что-то с ногами, он передвигался с трудом и как-то боком и смотрел неподвижным взглядом перед собой, над ним смеялись мальчишки, а он никак не реагировал, возможно, он был глухой, трудно сказать. Других пожилых людей я в Норильске за два дня не видел.

72

У церкви ко мне подошли двое улыбающихся мужиков в пиджаках и галстуках. Здравствуйте, сказали мужики и заулыбались еще сильнее. Здравствуйте. Мы хотим предложить вашему вниманию брошюру, в ней рассказывается об актуальных проблемах современного общества, вот посмотрите, простите, какую организацию вы представляете, да, понимаете, мы не заостряем внимание на организации, сейчас это не столь важно, вот посмотрите, в этой брошюре рассказывается о, и все же, ну, в общем, свидетели Иеговы, спасибо, всего доброго, до свидания.

Пересек улицу Кирова, свернул на Талнахскую, потом на Павлова, пройду по абрикосовой, сверну на виноградную, хотелось гулять и гулять, долго, по этим тихим строгим норильским улицам, не

спеша вышел опять на Ленинский, пошел к площади Металлургов... Стало понятно и очевидно, что Норильск задумывался как очень красивый город, заполярный чудо-город, «город-сказка, город-мечта», как поется в одной довольно дурацкой песне, сияющий прекрасный город будущего, и это отчасти удалось. Только очень предвзятый человек может сказать, что супер-проект «Норильск» не удался, сам факт, что в таком совершенно непригодном для жизни месте существует такой большой город со всей необходимой инфраструктурой и промышленностью мирового уровня, следует считать чудом и победой. Проблемы разве что с фасадом, фасад, то бишь внешний антураж, у города не особенно блестящий, не такой, как задумывалось, не выглядит он сияющим чудо-городом, недаром на его домах везде висят таблички про обрушение фасада, да, с фасадом проблемы, и, конечно, с экологией, и еще очень жаль, что трансарктическая магистраль заглохла и электрички отменили.

На Ленинском около мэрии развлекается, как может, местная неформальная молодежь эмо-толка. Из магнитофона доносится громкая, но не особенно омерзительная музыка. Прошел еще пару кварталов, посидел на веранде летней кафешки...

Удивительно, но за эти неполные два дня я как-то привык к Норильску. Не то что бы полюбил или, там, сроднился с ним, разумеется, нет, а вот именно что привык. Самую малость, но все же. Немного привык к его строгим улицам и красивым облезлым домам. К его диковатым индустриальным пейзажам. Промелькнула даже мысль, что если бы вдруг возникла

необходимость провести здесь несколько месяцев, не больше, в длительной командировке, например, за хорошее вознаграждение, то это не стало бы большой проблемой. Конечно, зимой здесь люто, но ничего, как-то, наверное, можно выжить, люди ведь живут. Здесь можно жить, да. Хотя лучше все-таки жить не здесь, а в более приспособленных для этого местах.

Ил-86 перед вылетом из аэропорта «Алыкель» снова начудил: выехал на взлетку, проехал ее своим ходом из конца в конец, лихо развернулся прямо на полосе, как какая-нибудь «волга» на загородном шоссе, потом остановился, врубил двигатели на всю катушку, разогнался и полетел в Москву.

В Домодедово купил «Спорт-Экспресс». Выяснилось, что в первом туре чемпионата России по мини-футболу «Норильский никель» продул ЦСКА со счетом 0:5. Почувствовал что-то вроде легкой досады, чему немало изумился.

Электричка ехала из аэропорта в Москву мимо зеленых лесов и полей. Надо же, деревья, высокие, с густой зеленой листвой. В Норильске с деревьями напряженка, вернее, их там вообще нет, то есть совсем. А тут — зеленые деревья.

Если кто скажет, что в Москве нечем дышать и вообще плохая экологическая обстановка, то он... в общем, он будет неправ.

ПОЛЮБИТЬ КУПЧИНО

Рыбацкое

Станция Рыбацкое, самый край Петербурга. Тихий вечер. Сажусь на скамеечке. Передо мной железнодорожные пути, за ними длинное здание каких-то, судя по всему, станционных служб. За моей спиной — привокзальная площадь, вход в метро, маршрутки, автобусы, нагромождение домов микрорайона Рыбацкое. В окнах домов зажигается свет, и от этого возникает странное ощущение — смесь уюта и тревожности.

У платформы останавливается электричка из области. В электричке дикое количество народа. Странно, будний день — и такая толпа. Толпа вываливается из дверей электрички и идет по платформе в сторону метро. Преобладают дачники. Преобладают пожилые дачники. Преобладают старухи. Сколько же старух. Старухи, старухи и старухи. И старики. Старая старуха со старым стариком. Ветхий старик со своею древнею старухою. Или старик без старухи, но это редко. Или старуха с кем-то более молодым и здоровым. Например, восьмидесятилетняя старуха со своим более молодым шестидесятилетним сыном и совсем молодой сорокалетней внучкой,

которая в этой толпе выглядит практически как резвящийся непослушный ребенок.

Старуха со стариком, обоим лет по семьдесят. Подходят к скамеечке, старик ставит на скамеечку рюкзак. Старуха открывает рюкзак, роется в нем, что-то там в рюкзаке распределяет и упорядочивает, достает что-то из своей авоськи и кладет это что-то в рюкзак. Старик смотрит вперед, туда, где толпа спускается с платформы по лестнице на привокзальную площадь. Лестница неширокая, и толпа продвигается медленно, подобно песку в песочных часах. Старуха завязывает рюкзак, и старик говорит: пойдём, а старуха говорит: подожди, вон народу сколько, а он говорит: пошли, пошли, берет рюкзак, и на его лице такое выражение, что почему-то при взгляде на его лицо в голове проносится слово «блокада», и он идет туда, к лестнице, и его старуха следует за ним.

76

Совсем древняя старуха, ей лет девяносто или сто, или еще больше. Одна. Тащит тележку на колесиках. Она тоже, наверное, была на даче и вот, вернулась в город. Старуха медленно-медленно бредет к лестнице.

Электричка уехала, толпа постепенно просочилась с платформы на площадь и дальше к метро. На платформе никого не осталось.

Мимо медленно едет, погромыхивая, грузовой поезд, длинная цепочка цистерн, перевозящих нефтепродукты. Наконец, промелькнула последняя нефтеналивная цистерна, поезд уплыл в направлении далекой станции Мга. И стало совсем тихо.

Было только слышно, как где-то далеко идет поезд — в паре километров проходит параллельная ветка.

Это был один из тех редких, особенно в огромном городе, моментов, когда кажется, что мир затих и остановился. И даже звуки, которые объективно вроде бы имеют место (шум далекого поезда, гул транспорта в микрорайоне Рыбацкое, звуки человеческих голосов с площади), не нарушают тишины, они воспринимаются как составляющие части тишины. Мыслительный процесс постепенно сходит на нет, все внутри и снаружи замирает и останавливается, и хочется вот так сидеть долго-долго, и слушать эту звучащую тишину, но нет, удержать это состояние надолго не получается, темнеет, на платформе появляется шумная компания подростков, на путях зеленый маневровый тепловоз начинает таскать туда-сюда группы вагонов, надо уже ехать, пора, назначена встреча, люди ждут, да, пора ехать, пора возвращаться в повседневность.

Улица Белы Куна

Было время, когда я Петербург не очень любил. А потом полюбил. Причем, полюбил я его не за Невский проспект или Дворцовую площадь, не за Петропавловскую крепость, разводные мосты белыми ночами или «Неву, одетую в гранит». Так получилось, что я полюбил Петербург за Купчино, за проспект Энергетиков, за метро «Елизаровская» и «Ладожская», за улицу Савушкина. За все это вместе — за окраины.

На протяжении довольно долгих лет я ездил в Питер исключительно ради развлечения — к питерским

друзьям, один или в компании москвичей. Пребывание в Петербурге сводилось, в основном, к кухонным посиделкам и прогулкам по центру (по оси «Московский вокзал—Дворцовая площадь», по набережным, немного по Васильевскому и Петроградской). Плюс, конечно, Пушкинская, 10 (в ее еще первоначальном виде), выставки, концерты.

Мне довольно быстро надоели бесконечные сплошные ряды домов одинаковой высоты, прямизна нешироких улиц. Схема питерского метро с его сначала тремя, потом четырьмя линиями казалась мне верхом запутанности (в отличие от простоты и ясности схемы московской подземки с ее десятком с лишним линий). День на третий начинало дико хотеться в Москву. И когда я ранним утром выходил из Ленинградского вокзала на хаотичный пестрый простор Комсомольской площади, меня охватывал москвофильский экстаз.

Потом начались поездки в Петербург по делу— у меня появилась там работа. Я был главным (и единственным) редактором одной небольшой отраслевой газеты, которая выходила раз в месяц (что для газеты довольно-таки смешно). Две недели я находился в Москве, собирая информацию, делая интервью и так далее, а на следующие две недели ехал в Питер, где был офис газеты и где осуществлялась верстка. Нелепая схема работы, но она была продиктована некоторыми объективными обстоятельствами.

Это было девять лет назад, в конце 1998 года. В первый мой приезд начальство разместило меня в однокомнатной квартирке в Купчино, на пересечении улиц Бухарестской и Белы Куна. Квартирку, которая

располагалась в угрюмом сером девятиэтажном доме, предоставили какие-то знакомые, которые в это время жили в другом месте. Нормальная, даже довольно уютная квартирка. Кровать, холодильник, телевизор. В чистом и опрятном совмещенном санузле очень сильно пахло фекалиями. Что-то с канализацией, сказала хозяйка, все время такой запах.

Ну да, что-то с канализацией. Понятно.

Из окон была видна улица Белы Куна. По улице Белы Куна непрерывным потоком ехали машины, автобусы и маршрутки. Напротив стоял такой же дом, серый, с водяными подтеками на стенах. Правее виднелся перекресток с Бухарестской, там периодически погромыхивали трамваи. На Бухарестской тоже были серые дома, такие же, как на улице Белы Куна. Черный асфальт, грязный снег, машины, дома. Купчино.

Утром (не ранним) надо было ехать на работу — в офис на Невском или на верстку на Школьную улицу, в дальний северо-западный конец города.

Если надо было ехать в офис, садился на двадцать пятый трамвай. Двадцать пятый трамвай ехал сначала по Бухарестской улице, широкой и просторной. Странное дело: если в Москве какая-нибудь улица широка и просторна, то она выглядит бодрой и оптимистичной, а широкая и просторная Бухарестская улица была величаво печальна. Может, это из-за серого неба, снега и серых домов, трудно сказать. Вообще, маршрут двадцать пятого — это был какой-то путь скорби. Широкая, просторная и печальная Бухарестская, потом Волковское кладбище, остановка «Храм св. Иова Многострадального», угрюмейшая

Камчатская улица, потом Расстанная (тут все сказано названием), Лиговка (тут тоже все понятно, сами видели). У Московского вокзала я выходил. Дальше — пешком по Невскому или одну остановку на метро, ничего интересного.

Если надо было на верстку, ловил машину до «Электросилы» (тогда это стоило фантастически дешево, можно было за 20 рублей доехать), потом на метро до «Черной речки», на маршрутке по улице Савушкина мимо кварталов чудесных двухэтажных домиков, построенных пленными немцами, мимо супермаркета «Супер Сива» (Что такое Сива? Что означает это кошмарное, хуже матерного, слово?), а за супермаркетом начинается район новостроек, довольно приятный на вид, состоящий из симпатичных, хотя и очень простых, желто-белых домов.

80

Из квартиры дома на Школьной улице, где осуществлялась верстка, был виден Финский залив, Крестовский остров и стадион имени С. М. Кирова.

Обратно возвращался другим путем — до «Елизаровской» и потом на маршрутке. Отъехав от метро, маршрутка недолго петляла по сумрачным улочкам и выезжала на длинный-длинный мост около станции Фарфоровская. Внизу сияли прожектора, мелькали бесчисленные железнодорожные пути. Бесконечный мост заканчивался, начиналась улица Белы Куна, еще пару кварталов — приехали. Здравствуй, темный подъезд. Здравствуй, маленькая уютная квартирка. Здравствуй, запах фекалий.

И так каждый день. Утром с Белы Куна на Невский или на Школьную, вечером на «Елизаровскую» и на Белы Куна.

Иногда приходилось заезжать в переулок Каховского на острове Декабристов. Переулок Каховского — тихое полузаброшенное место недалеко от метро «Приморская». Там жил мой начальник-работодатель. От метро к искомому дому надо было идти по трудноопределимому пустому месту. Это была просто поверхность земли, из которой росли редкие деревья и по которой туда и сюда змеились протоптанные в снегу тропинки. Объясняя, как добраться, шеф сказал по телефону: выйдешь из метро, направо, а потом иди прямо и держись правее. Была масса возможных направлений, каждое из которых вполне соответствовало бы этому туманному описанию, но мне как-то все же удалось найти нужное здание — старый обшарпанный пятиэтажный дом, построенный, судя по всему, на рубеже XIX и XX веков. Вокруг стояло еще некоторое количество домов — в основном серые кирпичные хрущевские пятиэтажки. Тут и там шныряли какие-то люди, имевшие вид то ли опрятных бомжей, то ли местных жителей, ведущих нездоровый образ жизни. Было такое ощущение, что все люди, которые попадались мне от метро до переулка Каховского, вышли из окружающих серых домов за сигаретами или за пивом на опохмел.

Наконец, уже под Новый год, первый номер газеты вышел в свет. Получена первая после августовского дефолта зарплата, ура, теперь некоторое время будет на что жить, и даже можно потихоньку начать отдавать накопившиеся долги, домой, в Москву, в Москву. Промелькнул Обводный канал с вечной автомобильной пробкой на набережной, промелькнул

длинный-длинный мост рядом со станцией Фарфоровская, по которому ездила маршрутка от «Елизаветинской» до Белы Куна, промелькнули яркие оранжевые фонари проспекта Славы на высоком мосту, промелькнула станция Обухово, поезд «Аврора» набрал ход... Вдалеке виднелись огоньки далеких окраинных многоэтажек.

Вдруг с удивлением обнаружил, что очень не хочется уезжать из Петербурга, и хочется поскорее снова сюда приехать. Что-то неуловимо, но очень сильно изменилось в моих отношениях с этим годом за две предновогодние недели 1998 года, проведенные на улице Белы Куна. Все равно, как если бы был поверхностно знаком с человеком, часто встречался с ним в светской обстановке, общались на уровне привет-как-дела, вполне любезно, но не более того. Симпатичный, вроде, человек, да. А потом так получилось, что пришлось делать вместе с этим человеком какую-то длительную и непростую работу, познакомились ближе, побывал у человека дома, увидел его в житейских, бытовых ситуациях... И проникся к человеку не светско-поверхностной, а настоящей, сильной симпатией.

Вот примерно так и у меня с Петербургом вышло.

Проспект Энергетиков

В течение следующих двух лет я ездил в Петербург каждый месяц, а иногда и чаще. Останавливаться приходилось обычно в центре. Но однажды работодатели в силу каких-то обстоятельств поселили

меня в ведомственной гостинице ГИБДД на проспекте Энергетиков.

Что можно сказать об этом месте... Место, в общем, так себе. Наискосок за перекрестком — Большеохтинское кладбище. Вокруг — пятиэтажечки, какие-то гаражи, автомастерские, еще что-то в этом духе... В соседней с гостиницей пятиэтажке — не большой продуктовый магазин. Других магазинов поблизости не было. Около магазина постоянно сидела на корточках группа азербайджанцев. Иногда этих азербайджанцев можно было увидеть внутри магазина. Они периодически перебрасывались отрывистыми фразами на, кажется, азербайджанском языке.

Добираться до гостиницы надо было от метро «Ладожская». Тогда там еще не было Ладожского вокзала, и площадь около метро представляла собой замусоренную асфальтовую поверхность, уставленную какими-то неопрятными лотками, ларьками и торговыми павильончиками омерзительного вида. В сторону проспекта Энергетиков ходили старые раздолбанные желтые маршрутки, это были даже не «газели», а «рафики», таких сейчас уже практически не осталось, а тогда еще были. Полуразваливающиеся «рафики» с надсадным ревом своих изношенных донельзя двигателей ехали от метро «Ладожская» к проспекту Энергетиков мимо каких-то свалок, сараев, кособоких построек и прочего ужаса.

Гостиница ГИБДД имела форму стоящего вертикально довольно высокого цилиндра. Меня поселили в двухместный номер, пообещав никого не подселять. В номере было две кровати, стол и два стула.

Удобства в прихожей, одной на два номера. Удобства довольно неудобные, можно было бы назвать их неудобствами, ну, это ничего. Ни телевизора, ни холодильника, естественно, не было. Скорее общежитие, чем гостиница.

Во всей гостинице, а особенно непосредственно в номере, за, видимо, долгие годы установилась вязкая, почти осязаемая атмосфера скуки, тоски и уныния. В номере сильно пахло человеческой грязью, такого запаха можно достичь, если взять одежду, которую, не снимая, носило человек пять в течение примерно двух недель, кинуть ее в ванну, залить водой и так оставить на несколько дней. При этом никаких видимых источников этого запаха обнаружено не было. Возможно, это просто запах скуки, тоски и уныния.

84

— Я старался проводить в гостинице как можно меньше времени. Приходил ближе к ночи или совсем ночью, стараясь особо не смотреть по сторонам и не дышать носом, входил в номер, запирали его на ключ, ложился и засыпал. Утром во мне боролись два желания: подольше поспать, благо график свободный и можно особо не торопиться, и поскорее покинуть это во всех отношениях прекрасное помещение. Побеждало обычно второе.

Как ни странно, после этого не совсем приятного опыта Петербург стал для меня совсем как родной. Если продолжать аналогию с человеческими отношениями, это примерно то же самое, что вместе с хорошим приятелем, который еще пока не стал другом, побывать в какой-нибудь переделке или, допустим, сильно, нелепо и смешно напиться.

Наутро приятели идут к метро и, конфузливо улыбаясь, прощаются, давай, старик, весело получилось, да, ну ладно, ничего страшного, прорвемся, давай, завтра увидимся, и хотя в пережитом совместно приключении не было ничего особенно хорошего, оба чувствуют, что оно их каким-то образом немного сблизило. Нечто подобное я чувствовал, когда сдавал ключи администраторше гостиницы ГИБДД, ловил такси до вокзала, а потом ехал в московском поезде мимо Обводного канала, станции Фарфоровская и ярко освещенного проспекта Славы.

Веселый поселок

А недавно я приехал в Петербург на два дня специально, чтобы погулять по его окраинам. За эти два дня удалось довольно много где побывать. Проехал по Дороге в деревню Новая (это официальное название дороги), немало удивив таксиста такой экзотической, с его точки зрения, просьбой. Побывал на станции Ржевка, там, где начинается Дорога Жизни. Побродил по Рябовскому шоссе мимо аккуратно-скромных желтых домиков и желтых же деревьев. Побывал в удивительном, потаенном месте — на плотине Порохового завода. Прошел пешком насквозь Веселый поселок. Помню, лет восемь назад один питерский таксист рассказывал мне страшные вещи о Веселом поселке. Говорил, там одни наркоманы, могут запросто убить среди бела дня прямо на улице, и якобы таксисты отказываются туда

ехать. Решил прогуляться по этому страшному месту, дворами. Ничего такого не обнаружил. Все тихо, мирно, мамыши с колясками прогуливаются, мужички пьют пиво у магазина, группка молодежи в майках «Алисы» и с жалкими подобиями «ирокезов» на головах идут куда-то по своим молодежным делам. Дома пятиэтажные и повыше. Кое-где строятся дома новые, пусть и не «элитные», но вполне добротные. Нормальный такой поселок. Пусть и не особо веселый.

Побывал на станции Рыбацкое, в Озерках и Шувалове с их древними разошедшимися дачками и неприступными коттеджами.

И еще в некоторых местах побывал.

Не могу сказать, что я увидел или почувствовал что-то принципиально новое, что бы изменило мое восприятие петербургских окраин. Разве что как-то особенно бросилось в глаза, насколько они отличаются от московских. Московские основательны, петербургские – призрачны и зыбки, как и, собственно, весь этот город, простите за чудовищную банальность. Московские органично связаны с центром, о петербургских такого не скажешь. Московские местами нарядны и вызывающи, петербургские – скромны и даже словно бы стесняются самих себя. Московские... Петербургские... Опять получаются какие-то банальности, не хочется продолжать этот бесконечный ряд московско-питерских противопоставлений, все эти поребрики и бордюры до невозможности надоели, просто очень сильно отличаются окраины двух столиц, если для кого-то это не очевидно, следует всего лишь визуально

и эмоционально ознакомиться с предметом, и станет ясно, что перепутать петербургские и московские окраины может только человек, находящийся в таком же состоянии, что и главный герой фильма «Ирония судьбы, или С легким паром» в момент его прибытия в Ленинград.

Яхтенная

Станция Яхтенная на самом краю города, даже не станция, а небольшая платформа пригородных электричек. До московского поезда оставалось еще часа два с половиной, гулять было уже лень, и я решил прокатиться немного на электричке, просто так, как в детстве. Справа над железной дорогой возвышается длинная эстакада, по ней проезжают редкие машины. Стоило ли строить такую огромную эстакаду ради этих редких машин, тем более поезда здесь ходят редко. Еще правее – дома Школьной улицы, в одном из которых девять лет назад осуществлялась верстка той самой небольшой отраслевой газеты. Левее эстакады – горы непонятно чего, то ли грунта, то ли мусора. Туда один за другим приезжают КамАЗы и вываливают из своих кузовов то ли грунт, то ли мусор. На соседней скамеечке сидит полная хорошо одетая интеллигентная женщина. Она элегантно, с достоинством пьет из банки пиво «Охота крепкое». Сейчас приедет старая, с округлой физиономией, электричка до Финляндского. Не хочется уезжать, но надо, скоро поезд, в Москву, в Москву.

Москва

Когда я ранним утром вышел из Ленинградского вокзала на хаотичный пестрый простор Комсомольской площади, увидел бомжей на остановке сорокового автобуса, ментов, проституток, уборщиков мусора в оранжевых куртках, синие туалетные кабинки, темную громаду гостиницы «Ленинградская», огромную рекламу фабрики «Большевичка», серую башню здания МПС с часами, высотку бывшего минтрансстроя, Казанский вокзал, универмаг «Московский»... когда я все это увидел, меня охватил москвофильский экстаз.

ТЕМНО, НО КРАСИВО

За довольно короткий период времени удалось побывать в четырех крупных городах Украины. Это было перед самыми выборами в украинский парламент. Правда, я старался обращать внимание на вещи, с политикой не связанные. Однако кое-что из выборной шелухи все-таки попало в поле моего зрения.

Дедушки и темнота

Первое, что я увидел во Львове, — старенький и очень сильно пьяный дедушка крестьянского вида. Дедушка пытался войти в здание вокзала, но отклонился в сторону, упирался в стену вокзала и падал. После чего мучительно вставал и повторял попытку — опять неудачно. Так повторилось раза три. Рядом стоял украинский милиционер, неподвижный и безмолвный. Тут я вспомнил, что надо поменять рубли на гривны, и углубился в вокзальные помещения. Потом вернулся и обнаружил, что дедушка таки сумел войти в вокзал. Он стоял посреди кассового зала и громко произносил разрозненные звуки. Это было трудно назвать речью, хотя, возможно, дедушка говорил на каком-то незнакомом мне языке.

Чуть поодаль стоял другой дедушка. Одет он был в нечто невообразимое, но при этом опрятное. У дедушки было заскорузлое и грубое, но на редкость продолговатое лицо. Лица такой степени продолговатости встречаются разве что у представителей правящей элиты США. Продолговатое лицо дедушки венчала такая же нелепая, как и вся его одежда и обувь, шапка – кожаная, на меху, очень высокая и с козырьком. Почему-то подумалось, что обладателем такого облика вполне мог бы быть отставной фельдфебель австро-венгерской армии.

Дедушка-фельдфебель неподвижно смотрел на расписание отправления поездов дальнего следования и беззвучно шевелил губами. А первый дедушка, пьяный, пошатнулся, издал какой-то громкий звук и упал.

90

Было довольно трудно оторваться от наблюдения за львовскими вокзальными дедушками, но я все же сделал над собой усилие и вышел в город. Вернее, не вышел, а вышли – мы поехали вместе с моим товарищем и коллегой Артемом, которому тоже надо было во Львов по его журналистским делам.

Второе после дедушек сильное впечатление от Львова – темнота. Привокзальная площадь была освещена несколькими тусклыми фонарями. Прилегающие улицы тоже, как говорится, тонули в темноте. Очень странное ощущение – такого ни в одном российском городе не увидишь.

В привокзальной темноте оранжево светились фонарики на крышах такси. Улица Квитки-Основьяненко, гостиница «Электрон», сказал я по-русски. Двадцать гривен, ответил таксист по-украински. Поехали.

Г. Ф. Квитка-Основьяненко — драматург, один из основоположников украинской литературы. Родился в 1778 году, умер в 1843 году.

Недолго попетляли по узким темным улочкам, мощенным брусчаткой, и приехали к серой хрущевской пятиэтажке, над одним из подъездов которой было написано «Електрон». Попросили таксиста подождать. В подъезде нет совершенно никакого света, то есть вообще. Поднимаемся практически на ощупь на пятый этаж. На площадке пятого этажа горит тусклая лампочка, над некрасивой деревянной дверью написано «Готель Електрон».

Перед отъездом методично обзвонил все львовские гостиницы. Мест нет — якобы это из-за Львовской книжной ярмарки, на которую приехало очень много людей. А может быть, из-за чего-то еще. Удалось забронировать номер только в гостинице «Електрон». Женщина, которая говорила со мной по телефону, сразу предупредила, что это, скорее, не отель, а общежитие — удобства в коридоре и так далее. На комфорт, мол, не рассчитывайте.

Так оно все и оказалось. Довольно-таки ужасный отельчик. Даже, можно сказать, ужасающий. Тетенька на ресепшене сразу предупредила: вода строго с шести до девяти утром и вечером. В одну минуту десятого вода пунктуально исчезает. Причем, речь идет о холодной воде. Горячей нет. Правда, среди удобств, которые в коридоре, имеется бойлер. Побросали вещи в номере, спросили у тетеньки, не знает ли она, где во Львове можно обнаружить интернет-кафе. На улице Дудаева, кажется, есть, сказала тетенька.

На улице Дудаева. Вот оно как. Тетенька сказала, чтобы приходили не позднее полуночи, «потом мы закрываемся».

Улица Джохара Дудаева – симпатичная узкая улочка практически в самом центре города. И интернет-кафе сразу нашлось, с вежливым админом, говорящим по-русски. Можно было бы даже назвать эту улочку прекрасной, если бы не, скажем так, не совсем удачное название.

После интернет-кафе вышли на располагающийся в двух шагах проспект Шевченко. Надо немного прогуляться по городу, несмотря на поздний час.

На проспекте Шевченко тоже темно, хотя и не так, как на вокзале – центр Львова освещен лучше. Хотя все равно непривычно темно, по сравнению с Москвой или Питером. Людей на улице довольно много. Вдоль улиц – сплошные ряды красивых домов европейского вида. Все центральные улицы, в том числе главные магистрали, довольно узкие. Бросается в глаза огромное количество ресторанов, кафе, кафешек и забегаловочек – просто невероятное количество, они практически в каждом доме.

Зашли в одно из небольших кафе. К нам довольно скоро подсел не очень трезвый мужичок лет тридцати. На его круглом лице лежало выражение крайней хозяйственности и рачительности, и было件нятно, что это выражение не сходит с его лица вообще никогда. Мужичок сразу опознал в нас москвичей, завязался разговор, мы говорили по-русски, мужичок – по-украински, но это совершенно не мешало беседе – все всё понимали. Мужичок рассказал, что когда-то, в самом конце 80-х, служил в армии

в Москве, служилось ему в Москве здорово, а сейчас уже совсем забыл русский, но к России и «москалям» относится хорошо, в его речи часто встречались обороты типа «братья-славяне», «нам делить нечего», в общем, беседа, хотя и была несколько сумбурной, протекала в сдержанно-дружеском ключе.

Потом к нам подсел другой мужик, сотрудник местного телевидения. Он пришел в кафе со своей огромной собакой — гулял с ней и вот, зашел. Он тоже безошибочно распознал наше происхождение и сразу стал говорить по-русски. И вот так мы четвером сидели и довольно-таки душевно беседовали, потом разошлись, заверив друг друга в чрезвычайно дружеском расположении.

Честно говоря, мы ожидали от львовян немного другого — если не открытой враждебности и конфликтов, то хотя бы мелких неприятностей в общении. Но ничего такого не было — ни в первый вечер, ни в следующие два дня. Если, конечно, не считать проявлением неприязни тот факт, что, когда обращаешься к кому-нибудь на русском, отвечают в 90% случаев на украинском, в том числе и те люди, который в силу своего возраста русский наверняка знают. Даже когда не понимаешь и переспрашиваешь — все равно отвечают по-украински. А в остальном — никаких неприятностей не возникло. Не берусь судить, насколько такое отношение к русским в целом характерно для жителей Львова — возможно, нам просто повезло.

На следующий день пошли знакомиться с городом уже основательно. Долго гуляли по беспорядочно ветвящимся улочкам Старого города...

Я честно пытался удержать себя от говорения банальностей, но это решительно невозможно. Невозможно удержаться от высказывания двух чудовищно заезженных банальностей.

Банальность первая: Львов — очень красивый город.

Банальность вторая: Львов — очень европейский город.

Да, красивый и европейский. Это есть правда и истина. С вашего позволения, тему красоты и европейскости Львова я далее развивать не буду — это сделали до меня и еще сделают в будущем бесчисленные описатели этого города.

94 Не хватает промежутков

Ходили мы, ходили, и где-то к середине дня я почувствовал: что-то здесь не так. Какая-то во всей этой прекрасности была дисгармония, что-то мешало безмятежному наслаждению всеми этими чудными видами.

На одном из перекрестков в ожидании зеленого света я случайно задержал взгляд на каком-то коротко стриженном паренке в черной кожаной куртке. Паренек тоже ждал зеленого сигнала, очень сосредоточенно глядя перед собой. И тут я вдруг понял, в чем дело: город ощутимо контрастирует с собственным населением. Я долго подбирал слово, которым можно было бы охарактеризовать преобладающий во львовской уличной толпе типаж, и, кажется, нашел: лавочник. Разумеется, не только и не

столько как род занятий, а как психотип. По улицам быстрым шагом ходят толпы сосредоточенных людей, у которых на лицах написано: дела, дела, мы делаем дела. Причем, дела не большие, масштаба магазинчика, склада, цеха по производству мороженого, автомастерской. Делать дела, не отвлекаться, не зевать, зайти в контору А, успеть в магазин Б, встретиться с поставщиком В, принять товар, сдать отчет, оформить накладные... Накладные – вот еще одно ключевое слово! Такое ощущение, что у половины львовских пешеходов в их папках, портфелях и карманах лежат накладные, которые они несут из магазина Г на склад Д, чтобы «отчитаться за товар». Почти каждый из этих людей вполне органично смотрелся бы за прилавком собственного маленького (именно маленького), но твердо стоящего на ногах магазинчика. И почти у каждого на лице написано осознание чрезвычайной важности своей небольшой, негромкой деятельности.

А город (за вычетом людей) – совсем не такой, как эти люди с накладными. Местами величественный, по-австрийски имперский. Очень древний. До невозможности культурный (опять банальности, но что делать). На главной площади стоят жилые дома XVI века, построенные еще венецианскими купцами, в них живут люди. Львов был вторым культурным, интеллектуальным центром Польши после Кракова, местный университет основан 400 лет назад и до сих пор, теперь уже как украинский, высоко котируется в научном мире... Но почему-то как-то малозаметна на львовских улицах многочисленная львовская университетская и прочая интеллигенция,

студенты. Не видно и маргиналов — нищих, бомжей, молодых фриков. Зато видно людей с накладными. Люди с накладными быстрым шагом идут мимо костелов, памятников, венецианских домов и прочей красоты, и у них очень серьезные, озабоченные и сосредоточенные лица.

Ближе к вечеру встретились с одним пожилым львовянином (о встрече договорились заранее, еще в Москве). Он — из тех русских жителей города, чьи отцы приехали сюда в конце войны на танках, в прямом или переносном смысле.

Мы встретились в кафе на площади Адама Мицкевича, выпили по чашке кофе и пошли гулять по Старому городу. Когда за очередным поворотом узкой улочки перед нами открылся какой-то особенно великолепный вид, наш спутник сказал: да, современные львовяне такого города бы не построили, а потом засмеялся и добавил: как, впрочем, и современные москвичи не могут выстроить XVII век. Чем в некотором смысле подвел итог моим поверхностным наблюдениям за львовской уличной толпой. Мы гуляли и разговаривали, и старый львовянин успел часа за три рассказать нам массу интересного. О том, как после войны из города выселили почти всех поляков, которые на протяжении веков составляли во Львове большинство населения. О том, как после этого Львов заселялся украинцами, в большинстве своем выходцами из близлежащих сел. Как во время войны было истреблено несколько сотен тысяч евреев, треть населения города. Как в 90-е годы была уничтожена большая часть львовской промышленности. О русских школах, которых осталось всего пять.

О том, что в восьмисоттысячном Львове в конце 80-х официально числилось 120 тысяч русских, а сейчас только 60 тысяч — кто-то уехал, кто-то записался украинцем. О нескольких действующих во Львове русских национально-культурных организациях, малорезультативных и к тому же враждующих друг с другом. О том, как традиционно многонациональный, многоукладный город стремительно утрачивает свое прежнее разнообразие. И, конечно — о домах и улицах, мимо которых мы проходили. О том, какой дом кому когда принадлежал, что в нем было «при поляках» и «при австрийцах» и что в нем сейчас, о том, почему именно так называется эта маленькая улочка и какой из нескольких украинских христианских конфессий принадлежит тот или иной храм. В общем, за три часа как-то очень много удалось узнать о Львове, хотя здесь нет места, да и необходимости все это подробно пересказывать.

Когда в конце встречи я спросил у нашего гида, можно ли сослаться на его имя в материале, он засмеялся, махнул рукой и сказал:

— Можно. Но лучше назовите меня львовским Манкуртом. Ведь мы, русские львовяне, для галичан — пятая колонна, а для вас, россиян, — тоже непонятно кто, люди без рода и племени, так, разве что экскурсию провести...

Что ж, спасибо львовскому Манкурту.

Еще вот что заметил: взгляду русского путешественника во Львове не хватает промежутков. Таких промежутков, из которых в значительной степени состоит любой русский город, — просторов широких проспектов, огромных, открытых со всех

сторон дворов, пустырей, бесхозных пространств между домами, брошенныхстроек, пустых мест, огороженных заборами. Львов — какой-то слишком сплошной. Каждый квадратный метр территории использован рационально — его занимает дом, или тротуар, или проезжая часть, или специально разбитый сквер с памятником посередине, или еще что-то такое, сознательное и осмысленное. Это поначалу восхищает («порядок», «Европа» и так далее), а потом перестает восхищать и как-то незаметно начинает утомлять. Взгляд постоянно во что-то упирается, ему некуда разогнаться, растечься. К тому же то, во что упирается взгляд, — понятно и рационально, это опять-таки дом, или костел, или памятник Адаму Мицкевичу или еще кому-нибудь, князю («королю») Даниилу, например, и практически нет мест или объектов, при взгляде на которые остается только застыть в недоумении, развести руками и поразиться: что же это за удивительная, непонятная хреновина такая! А без промежутков и непонятных хреновин русскому человеку тяжело.

Хорошо гулять по самому центру Львова поздно вечером. Темно, но все-таки не так, как в районе вокзала или на улице Квитки-Основьяненко, в центре освещение худо-бедно со своей задачей справляется. Народу мало, и от этого как-то рассеивается дневная атмосфера всеобщего не тяжелого, но монотонного труда и озабоченности. Я брожу по площади Рынок — главной площади Львова. Это огромный прямоугольник, посередине которого — здание ратуши с высокой башней, а по периметру сплошной стеной стоят древние дома, те самые, построенные еще венецианскими и генуэзскими купцами и прочими знатными

жителями средневекового Львова. На каждом доме — табличка: дом XVI века, дом XVII века. Я хожу от дома к дому, читаю таблички. Шольц-Вольфовичи, Любомирские, Бандинелли, Корнякты. Польские короли и молдавские господа когда-то были хозяевами этих домов. А вот в этом Петр Первый подписывал «Вечный мир» с Польшей. Нельзя сказать, что эти дома как-то особенно красивы. Есть, конечно, выдающиеся сооружения, например, так называемая Черная каменица (здесь сейчас исторический музей). Но в большинстве своем — обычные дома. Сила этих домов не в красоте, а во времени. Ведь если даже самое обычное, неказистое строение простоит четыреста лет, и не одно, а окруженное другими такими же старцами, то оно неизбежно обретет некоторое величие. И я почувствовал величие этого древнего места, бродя по площади Рынок от дома к дому, читая таблички с историческими сведениями.

Только я успел почувствовать величие этих домов, этого места и этого города, как из соседнего кафе донесся дикий крик, какая-то пьяная женщина орала в истерике, она не звала на помощь, просто проклинала какого-то человека или группу людей, все вы козлы, суки и так далее, и она долго так материлась на всю площадь Рынок, и я понял, что программу пребывания в городе Львове можно считать исчерпанной.

Голубое и оранжевое

В Киеве удалось провести всего часть дня, проездом, по пути из Львова в Москву.

До этого я был здесь восемнадцать лет назад. Кажется, город с тех пор не особенно изменился. Да, внешних изменений много: все увешано рекламой, построено много так называемого «элитного» и просто нового, добротного жилья, открылась масса магазинов, торговых центров и прочих капищ общества потребления. Но все это не изменило в целом облика и атмосферы киевского центра, чего не скажешь, например, о Москве. Кстати, о Москве: Киев за эти годы стал на нее довольно сильно похож. Он и раньше обладал столичной статью, но сейчас добавился какой-то особый лоск — сказываются столичные функции и сопутствующие этим функциям финансовые потоки.

Бегом, бегом. Скоро уже поезд. Надо успеть туда, сюда. Поэтому впечатления фрагментарны.

100

Парковая дорога вдоль высокого берега Днепра. Отсюда, что называется, открываются виды. На противоположном берегу тут и там виднеются огромные новые жилые массивы. Сегодня суббота, свадебный бум. Свадебные кортежи ездят туда-сюда и оглушительно библикают. Бесчисленные новобрачные, их бесчисленные друзья и родственники бесконечно фотографируют себя на фоне днепровских видов, на фоне садово-парковой зелени, просто на фоне чего попало. Пьют шампанское и водку из пластиковых стаканчиков. Вот какую-то пару снимают на видео. Паренек (можно даже сказать, парубок) невозможно провинциального вида, стриженный почти наголо и при этом с челкой, в дорогушем костюме, в дорогуших ботинках и вообще во всем дорогушем, держит в руках полноватую невесту

в белом, естественно, платье, тоже, наверное, доро- гущем, и с невестой на руках совершает вращатель- ные, вокруг своей оси, движения, словно какой-то необычный городской дервиш, а оператор, слегка присев, фиксирует эти дикие движения при помо- щи профессиональной видеокамеры, хорошо, хоро- шо, ребята, еще круг, вот так, и еще вращение, и по- смотрели в камеру, ставим невесту и смотрим оба в камеру, вот так, отлично, паренек осоловело поша- тывается, а невеста виснет у него на шее и они, если можно так выразиться, сливаются в долгом поцелуе, вот так, отлично, ре бята, отлично, спасибо, отлично сработали.

Меняю деньги в обменном пункте, расположен- ном внутри небольшой аптеки. У аптечного прилав- ка дядька, в годах, но еще очень крепкий, чрезвы- чайно широкого телосложения. На его лице такое выражение, какое бывает у людей, испытывающих чистую, незамутненную радость от факта собствен- ного физического существования. Дядька зачиты- вает длинный список препаратов. Пожилая ин- теллигентная продавщица любезна сверх всяких пределов, такое бывает, когда человек получает от собственной вежливости удовольствие и даже на- слаждение. Она пространно консультирует дядьку насчет лекарств, противопоказаний, побочных яв- лений, способов применения. Наконец список со- гласован, продавщица: а у вас есть дисконтная кар- та, дядька: шо, продавщица: ну, карта, мы по карте скидки даем, дядька: та ни, я с села, и жизнерадост- но смеется, а продавщица улыбается и говорит: надо же, а по вам и не скажешь, и они оба смеются,

заходите к нам еще, да, спасибо, они довольны собой и друг другом, дядька уходит, я покупаю у чрезвычайно любезной продавщицы бутылку аква минерале с газом, и она улыбается мне.

На площади Независимости (майдане Незалежности) обнаружилась предвыборная политическая жизнь. Автомобильное движение было перекрыто, и вся площадь, а заодно и весь Крещатик чуть ли не до Бессарабского рынка были уставлены голубыми палаточками. Голубых палаточек было просто-таки неисчислимое количество. Рядом с одной из голубых палаточек была установлена стойка с баскетбольным кольцом. Молодые ребята в баскетбольной форме играют в так называемый стритбол – разновидность баскетбола, в которой две команды по три человека в каждой играют под одним кольцом, стараясь накидать в это кольцо как можно больше мячей. Ребята играют, а женщина непрерывно говорит в мегафон, и из ее говорения следует, что здесь проходит праздник баскетбола, организованный для горожан Партией Регионов. Ребята-стритболисты заканчивают свою игру, и женщина объявляет в микрофон, что теперь каждый желающий может попробовать забросить мяч в кольцо. Усатый коренастый мужичок приседает, нелепо подпрыгивает и промахивается. Дама на высоких каблуках бросает мяч мимо кольца, делает неловкое движение и чуть не падает. И еще несколько человек промахнулось. А вот какой-то мужичок взял да и попал. Ура, тихо закричали окружающие. Молодец. Женщина в мегафон тоже сказала, что мужичок молодец. В голубой палаточке мужичку выдали

какой-то поощрительный приз — кажется, набор буклетов и плакатов Партии Регионов, а может быть, еще что-нибудь.

Среди моря голубых палаточек затесалась одна оранжевая палаточка. Почему-то только одна. В палаточке тихо, без мегафона, сидела женщина и раздавала желающим листовки и брошюры другой партии, соперницы Партии Регионов. Кажется, эта партия называется «Наша Украина». Рядом — скамеечка, на скамеечке сидят и около скамеечки стоят люди и спорят о политике. Главный спорщик — грузный высокий дядька, чрезвычайно неопрятно одетый. На нем грязные, местами рваные коричневые брюки (они сползают, и он их постоянно подтягивает), грязная и мятая бело-зеленая спортивная куртка и бейсболка, находящаяся примерно в таком же состоянии, что и брюки с курткой. Причем, это специфическая неопрятность, в корне отличающаяся от неопрятности бомжа. Это неопрятность человека, у которого, скорее всего, есть дом, семья и даже, наверное, работа, просто он довольно долго вынужден ночевать в каких-то случайных местах, где нельзя толком помыться и привести в порядок одежду, но он, судя по всему, не особенно обращает на все это внимание. Из его сбивчивой громкой раздраженной речи следует, что он приехал из Харькова и уже давно находится в Киеве, приехал специально к выборам, поучаствовать в предвыборной кампании. Видно, что это, скорее всего, хороший и добрый человек, но слишком близко к сердцу воспринимающий политику и на этой почве несколько озлобленный. Его собеседники — две молоденькие девушки, которые,

кажется, приехали из области или откуда-то с окраин в центр — «погулять», низенький, квадратного телосложения, человек Олег и какой-то оборванный старичок, который в основном молчал, изредка бросая в пространство короткие реплики, на связанные с ходом общей беседы.

Беседа проходит примерно так. Человек из Харькова всплескивает руками и восклицает: Олег, ну что ты такое говоришь?! Ну что ты все Янукович да Янукович?! Что он сделал, ваш Янукович?! Олег, вынув сигарету изо рта, что-то очень коротко и тихо отвечает, человек из Харькова вскакивает со скамеечки, еще сильнее всплескивает руками, как актер провинциального театра, и вскрикивает: да что же это такое?! Да вы все с ума посходили! А, что с вами говорить... Человек из Харькова отходит от скамеечки, делает по тротуару Крещатика несколько быстрых нервических кругов, потом возвращается к скамеечке, садится на свое место и продолжает: а вы, девушки? Что вы тут про Ющенко говорили? Да вы не понимаете ничего! Вот вы, прежде чем рассуждать о Ющенко, о том, что он может и что он не может, ответьте мне на простой вопрос: Украина — это какая республика? Президентско-парламентская или парламентско-президентская? Девушки, помявшись, говорят, что президентско-парламентская. Человек из Харькова вскакивает со скамеечки и всплескивает руками: а-а! Да что вы говорите! Девушки, запомните, у нас парламентско-президентская республика, а не президентско-парламентская, вы элементарных вещей не знаете, а туда же, о политике рассуждать. Оборванный старичок неожиданно

громко произносит: гнать этого вашего Ющенко. На него никто не обращает внимания. Олег, вынув изо рта сигарету и отхлебнув пива «Оболонь» из пластиковой бутылки, что-то тихо говорит человеку из Харькова. Человек из Харькова всплескивает руками, вскакивает, нарезает круги по тротуару. Потом заходит в оранжевую палаточку, достает оттуда детский школьный рюкзачок каких-то диких расцветок, что-то фиолетово-салатовое, садится на свое место на скамеечке, достает из рюкзачка половину батона белого хлеба, пакет кефира. Ну вас нафиг, с вами без толку говорить, ни хрена вы не понимаете, беретесь рассуждать, о чем не знаете. Жует хлеб, отхлебывает кефир. Олег что-то тихо говорит девушкам, девушки улыбаются и отвечают: да мы не знаем, мы так, просто посмотреть приехали. Оборванный старичок громко произносит: и Юлю эту вашу тоже гнать поганой метлой, развели тут, паразиты, и произносит еще несколько неприличных слов. На него никто не обращает внимания.

Пришлось довольно быстро уехать из Киева, надо было возвращаться в Москву, жаль, что такой краткой и обрывочной получилась встреча с этим любимым мной городом после восемнадцатилетнего перерыва. Ну, ничего. Бог даст, еще будет возможность приехать сюда. Зато в Лавре побывал. Приехать в Киев и не побывать в Лавре — это уж как-то совсем ни в какие ворота не лезет. А я побывал. Слава Тебе, Господи.

Кстати, в темное время суток в Киеве тоже довольно темно, хотя и не так, как во Львове. Наверное, это что-то общеукраинское.

Метро «Тракторный завод»

В Харькове много огромного. Огромные размеры. Огромное население — полтора миллиона. Огромное, по нестоличным меркам, метро — три длинные ветки, охватывающие все основные районы города. Огромная площадь Конституции — это даже не площадь, а короткий широченный проспект с сумасшедшим движением. Огромное здание университета. Огромное конструктивистское здание Госпрома, циклопических размеров, прекрасное. Огромный памятник великому украинскому поэту Тарасу Григорьевичу Шевченко. Скульптор изобразил поэта то ли снимающим, то ли надевающим пальто. При этом на поэте уже есть какая-то длиннополая одежда типа пальто, и он то ли, озябнув, натягивает на себя второе пальто, то ли, наоборот, решил, что для теплого харьковского климата два пальто — это слишком, трудно сказать. Металлический Тарас Григорьевич возится со своим вторым пальто, видно, что ему неудобно, и лицо у него такое сурово-насуспенное, видно, умаялся он совсем с этим пальто. Тараса Григорьевича окружает множество фигур поменьше, некоторые из них — явно украинской национальности. Фигуры либо занимаются тяжелым физическим трудом, либо стоят на страже чего-то с оружием в руках. У одной из фигур в одной руке пучок колосьев какого-то злака, в другой — почему-то разводной ключ, на голове шляпа.

Вместе с тем в Харькове много маленького. Маленькие улочки и домики старой части города. Маленькая река Харьков, маленькие мосты через нее.

Множество маленьких магазинчиков и ларечков. Город чрезвычайно уютный и, кажется, дружелюбный к человеку, несмотря на свою огромность.

Долго гулял по центру, любуясь огромным и маленьким. Увидел на карте станцию метро «Тракторный завод». Надо бы там побывать. Поехал. Вышел на поверхность, огляделся. Невдалеке от метро – роскошное сталинское здание, на котором написано «Харьковский тракторный завод». Наверное, заводоуправление. Самого завода не видно – кругом много деревьев. В другую сторону от метро – железнодорожная платформа. У платформы стоит электричка, на платформе никого. Между заводоуправлением и платформой – обширное относительно пустое пространство, трава, деревья. У самого выхода из метро – торговый павильон, в торце которого оборудовано окошечко, в котором Наливают. Люди алкогольно-пролетарского вида подходят к окошечку и отходят с пластиковыми стаканчиками, выпивают. Потом еще подходят и отходят, и еще. Все это стоит какие-то совсем смешные, даже по украинским меркам, деньги. Чуть поодаль – другой павильон, такой же страшный, как и первый. Там клиенты первого павильончика покупают закуску – inferнальные беляши, пельмени и сосиски в тесте, которые тут же, рядом с прилавком, жарит не очень опрятная женщина.

Побродил туда, сюда. Ознакомился с огромным стендом, на котором фотографически запечатлена история Харьковского тракторного завода. Купил бутылку воды (жарко). Чего я сюда приехал? Зачем? Ну, ладно. Пошел к платформе посмотреть

расписание — может, вернусь в центр на электричке. Иду по тропинке к платформе. Рядом с тропинкой на складном стульчике сидит немолодая женщина. Она настолько неброско одета и вообще вид ее настолько небросок, что я заметил ее только приблизившись практически вплотную. Женщина играет на струнном инструменте, похожем на гусли, кажется, это называется бандура, и тихим голосом поет печальную песню на украинском языке.

Да, именно так.

Немолодая женщина играла на бандуре.

И пела украинскую песню.

Она играла на бандуре и пела украинскую песню не в переходе метро, не на людном проспекте, не у входа в торгово-развлекательный центр.

Она играла и пела в диковатом, полузаброшенном месте.

Недалеко от станции метро «Тракторный завод».

Недалеко от окошечка, где Наливают.

Недалеко от чебуреков и хот-догов.

Рядом с тропинкой к железнодорожной платформе, среди травы и деревьев. По этой тропинке практически никто не ходит. Эту женщину никто не видел и не слышал.

Вероятность встретить в таком месте немолодую женщину, играющую на бандуре и поющую грустную украинскую песню, не просто мала. Она равна нулю.

Я, стараясь не привлекать к себе внимания, отошел подальше, в сторону платформы, остановился и немного послушал. Нельзя сказать, что это было виртуозное исполнение — нет, пела и играла эта

женщина так себе. Но это, конечно же, в данном случае было совершенно не важно.

Вот для чего, оказывается, я приехал на станцию метро «Тракторный завод».

Основа всего

Машинально, словно в каком-то тумане, прошел мимо платформы, вернулся обратно к метро «Тракторный завод», поехал в центр. Надо было как-то развеяться. Ни с того, ни с сего понесло меня на вокзал Левада. Это такой харьковский вокзал, от которого отправляются пригородные поезда по всему огромному Харьковскому железнодорожному узлу. Захотелось проехать немного на электричке. Это, как мне кажется, один из способов поближе познакомиться с городом в условиях дефицита времени.

Купил билет до станции Основа. Всего третья остановка от вокзала. Основа — это район Харькова, совсем близко. Именно здесь родился украинский драматург, один из основоположников украинской литературы Г.Ф. Квитка-Основьяненко. Тогда это было село Основа. Квитка — это фамилия, а Основьяненко — псевдоним. В честь населенного пункта Основа.

Я никогда в жизни не видел настолько переполненной электрички. Она была заполнена под завязку. Каждый тамбур был забит пассажирами, в основном молодыми людьми, пьющими пиво, плюющими на платформу и ругающимися матом. Они постоянно высывались из дверей и окон и противными

голосами орали: Серега, иди к нам, мы здесь, или Андруха, или другие имена. Поколебавшись, я все-таки решил ехать, втиснулся в тамбур. Там, прижавшись друг к другу, стояло человек пятнадцать. У одних дверей—группа учащихся десятого или одиннадцатого класса, несколько парней и одна девушка, они все пили пиво, курили, матерились и гоготали. У других дверей—группа рабочих, судя по всему, с одного предприятия. Они тоже пили пиво, курили, матерились и гоготали, правда, не так громко, как школьники. Двери закрылись, подростки придержали створку двери и вставили между створками пустую бутылку, образовалась широкая щель, подростки радостно заржали, и электричка поехала.

110
—

Электричка ехала очень медленно, со скоростью не больше 15 километров в час. Первая остановка, Верещаковка. Двери открылись, и в электричку вошло Очень Много Народу. Вроде бы, куда еще больше. Оказалось, есть куда. В вагоне люди уже чуть ли не сидели друг у друга на головах, в тамбуре, плотно прижавшись друг к другу, стояло человек тридцать. Поехали дальше. Школьники обсуждают половой вопрос, рабочие—производственные и микроэкономические реалии. Ржание, пиво, рыгание, сигаретный дым, мат. На второй станции, Харьков-Червонозаводский, картина повторилась—электричку опять взяла штурмом здоровенная толпа. Поехали дальше. Моим соседям по тамбуру уже трудно поднимать и опускать руки с бутылками пива, они держат их на уровне ртов, отхлебывая. Я стою в середине тамбура. Следующая—Основа, надо пробираться к выходу. Мужики, спрашиваю, на Основе на какую сторону

выход? Не знаем, говорят, по-разному бывает. Ой-ой-ой. Как же быть. Электричка медленно ползет, ползет и приползает на станцию Основа. Школьники говорят: на этой стороне платформа, проходите сюда, Серега, дай человеку пройти, каким-то чудом протискиваюсь к открывающим дверям, там, на платформе, невообразимая толпа, с криками «дайте выйти!» прорываюсь на платформу. Опять повторяется штурм, электричка уже физически не может вместить новых пассажиров, но они лезут, напирают, с криками, с матом. Какая-то женщина страшно закричала: «Пустите!» Как они все поместятся в эту электричку? Что будет на следующей станции?

Станция Основа погружена во тьму. Ни в станционном здании, ни в пристанционных домиках — ни огонька. Я, наивный, изучил карту, думал, выйду по Вокзальной улице на проспект Гагарина, а там на чем-нибудь доеду до центра, такси поймаю, если что. Да, щас. В этой полной тьме гораздо больше шансов сгинуть навсегда, чем найти Вокзальную улицу и выйти по ней на проспект Гагарина.

На соседнем пути стоит электричка, в вагонах горит свет, сидят люди. На табличке написано — Харьков-Балашовский, это в центре города, ура, я, кажется, спасен. В вагоне — блаженный простор и малолюдность. Электричка тронулась, я встал у открытого окна. Мимо проплывал гигантский, почти до горизонта, частный сектор — узкие улочки, маленькие украинские домики. Надо же — такой крупный индустриальный город с развитой инфраструктурой, с метро, и такой обширный частный сектор, фактически, огромная деревня посреди города.

Балашовский вокзал, как и следовало ожидать после ознакомления со станцией Основа, не сиял огнями. Единственный освещенный объект — туалет. И это очень хорошо. Где-то тут рядом должно быть метро «Завод имени Малышева» и, судя по карте, оживленная Плехановская улица. Иду за людьми, которые вместе со мной ехали в электричке. Темнота не отступает, только где-то далеко впереди неясно мерцают огоньки.

Наконец, показалась какая-то цивилизация. Ряд магазинчиков, торговых павильончиков, ларьков. Небольшое кафе, оглушительная музыка. Там, видимо, какое-то торжество. На улице рядом с кафе тяжело пританцовывают три бабы. Они курят, они основательно пьяны, они нестройно подпевают отвратительной песне, доносящейся из кафе. Рядом курят несколько мужиков в костюмах и белых рубашках.

Вот и метро. Ну, вы, наверное, уже догадались. Да, рядом с метро было очень, очень темно. Было еще не поздно, работал в практически полной темноте рынок, работали ларьки и магазинчики, каковых в Харькове великое множество. Территория вокруг метро освещалась только светом этих магазинчиков, и еще немного — фонарями Плехановской улицы.

Хотя, может, это только по сравнению с Москвой кажется, что в украинских городах темно, может быть, харьковчан степень освещенности пяточка около станции метро «Завод имени Малышева» вполне устраивает. Все-таки, Москва — самый освещенный город Европы.

В поисках России

В Донецке, вернее, в Донецкой области, я сначала безуспешно искал Россию, а потом нашел символ Украины.

В первый день мы вместе с моими донецкими друзьями Владимиром Сергеевичем и Сергеем Анатольевичем ходили и ездили по Донецку. Центр города сияет всевозможным великолепием. Апофеоз благоустроенности, ухоженности и нарядности. Розы, фонтаны, красивые дома. Рядом со стадионом «Олимпийский» строится новый огромный футбольный стадион к чемпионату Европы 2012 года. Недалеко от строящегося стадиона — памятник Иосифу Кобзону. Иосиф Кобзон изображен чуть выше своего натурального роста. Одет Иосиф Кобзон в костюм и крылатку, что придает ему некоторое сходство с Пушкиным. На другой центральной улице — памятник выдающемуся прыгуну с шестом Сергею Бубке. Бронзовый Бубка приготовился к прыжку, направив свой шест вперед и вверх. К правой ноге Бубки приварена металлическая птичка. Наверное, это знак того, что Сергей Бубка провел много времени, паря в небесах рядом с птицами.

Весь город увешан рекламными щитами, на которых изображен мулат в оранжево-черной форме донецкого «Шахтера». Мулат делает рукой приглашающий жест — приглашает болельщиков на матч «Шахтер» — «Карпаты». Интересно, как бы отреагировали на такой плакат болельщики «Шахтера» 70-х или 60-х годов.

Еще повсюду висят рекламные щиты, на которых изображена симпатичная блондинка с косой, повторяющей очертания ее, блондинки, головы.

Самое интересное было во второй день. Мы поехали в Донецкую область по направлению к небольшому шахтерскому городу Селидово. Пока ехали, я обнаружил на карте крошечную железнодорожную станцию Россия. На карте было написано по-украински—Росія. Эта станция, судя по карте, находилась на небольшой боковой ветке, которая отходила от более крупной магистрали. Очень захотелось там побывать. Отклонились от первоначального маршрута, стали искать Россию. Выяснилось, что «Россия»—это довольно крупная действующая угольная шахта. Подъехали к площадке перед въездом на территорию шахты, оставили машину, вышли пройтись и размяться. У проходной стояли два автобуса, у ларька с пивом стояли, пили пиво и курили шахтеры, отработавшие смену. Скоро шахтеры сядут в автобусы, и их развезут по домам, по окрестным шахтерским поселочкам. Шахтеры перебрасываются негромкими фразами, на их лицах написано утомление. Молодежи среди шахтеров не видно, все больше сорокалетние мужики. На нас они вроде бы не обратили внимания. Рядом столовая. Зашли. Обычная советская столовая, видно, что она была такой же и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Посетителей в столовой нет. Пахнет традиционной советской столовой едой. За раздаточной стойкой неподвижно стоят две поварихи. Перед ними—баки с пищей. Одна из поварих держит в руке половник, опущенный в бак с борщом или каким-то другим супом. Она готова по первому требованию посетителя привести в движение свой половник и налить борщ из бака в тарелку, но посетителей нет, и поварихи

просто стоят, тихо и неподвижно. За кассой дремлет пожилая кассирша. Можно было бы, в принципе, перекусить, но как-то не хотелось нарушать эту сонно-знойную тишину и неподвижность, и мы вернулись на площадь перед проходной.

Шахту «Россия» мы нашли, а как же станция? Спрашивать у шахтеров как-то неудобно (не очень понятно, почему именно, но факт). Решили заехать с другой стороны, через небольшое село рядом с шахтой.

Село состоит из белых домиков с зелеными наличниками, очень симпатичных и даже умильных, часто совсем маленьких, в два окошка. Они ослепительно белы, их белят два раза, в крайнем случае — один раз в год. Ослепительная белизна и чистота домика — один из главных признаков хозяйственности его хозяина. Если домик серенький, грязноватый — значит, хозяин плохой.

Мы медленно едем через село. Спросили у идущей мимо женщины — где тут станция Россия? Нету такой, сказала женщина, тут есть ветка, но она к шахте относится, это грузовая станция, туда не проехать. Жаль. Ну, что же делать.

Едем дальше по селу. Небольшая площадь. Белое одноэтажное здание деревенского магазина, к ярко освещенной солнечным светом стене прислонен старый велосипед. Около магазина стоит пожилая женщина в халате и тапочках. Она смотрит туда, где вдали возвышается гигантский террикон шахты «Россия».

Мы притормозили. Женщина не обращала на нас внимания и смотрела вдаль. Больше никого вокруг не было. Мы немного постояли, посмотрели на

белый магазин, прислоненный к стене велосипед, на женщину в халате и тапочках. И поехали дальше.

Есть немало объектов, которые вполне годятся для того, чтобы служить символами Украины. Трезубец, желто-голубой флаг. Днепр. София Киевская. Богдан Хмельницкий, Степан Бандера. Олег Блохин, Андрей Шевченко. Харьковские трактора, донбасский уголь. Борщ, сало, в конце концов. Кому что нравится.

А для меня теперь символ Украины – это белый одноэтажный сельский магазин, прислоненный к его стене старый велосипед и пожилая женщина в халате и тапочках, которая смотрит вдаль, туда, где возвышается огромный террикон угольной шахты «Россия».

ТОШНОТА

В Ульяновске я поступил как образцовый, лояльнейший, дисциплинированный советский турист или командировочный: вышел из поезда, прочитал надпись на здании вокзала «Добро пожаловать в город Великого Ленина!», на такси доехал до гостиницы «Венец», заселился в гостиницу (о, это прекрасное слово «заселился») и пошел в Музей-мемориал Владимира Ильича Ленина.

Мемориал располагается прямо напротив гостиницы, через улицу. Правда, его практически не было видно — в Ульяновске в тот день был просто невероятный туман. Улицу с трамваями, машинами и людьми еще как-то худо-бедно можно было разглядеть, а мемориал лишь смутно маячил впереди тяжелой бледной массой.

Огромное здание, квадратное в плане. Облицованное белым, кажется, мрамором. Напоминает Центральный дом художника. Только поменьше.

Внутри здание состоит из концертного зала и собственно музея. Витрина у входа в концертный зал сплошь заклеена многочисленными афишами певцов, певиц, певческих и танцевальных коллективов, в основном татарских. Через стеклянную дверь видно, как в холле за стоячим высоким столиком стоит балерина в пачке и шерстяных гольфах и пьет что-то

типа чая или кофе. В двери концертного зала постоянно входят какие-то люди, около входа курит пара мужичков. Культурная жизнь.

У входа в музей никого. У гардероба — тишина и спокойствие.

Входной билет — 30 рублей. За фотосъемку надо доплатить еще 35 рублей.

Смотрительница, продающая билеты, — верх предупредительности. Вы один? Вот, пожалуйста, начинайте отсюда, осматривайте все последовательно, слева и справа, и продвигайтесь по круговому маршруту.

Экспозиция поражает воображение своими размерами. Очень огромная экспозиция. Состоит она в основном из стендов с документами, фотографиями и прочей бумагой. Объемных объектов, предметов быта, макетов — гораздо меньше.

118

Сначала — семья, родители. Илья Николаевич Ульянов. Документы, формуляры. Фотографии старых домов, пейзажи волжских городов. Приказы о служебных переводах Ильи Николаевича туда, сюда. Указ о присвоении Илье Николаевичу потомственного дворянства за успехи на чиновничьем поприще. Анкета Ильи Николаевича. Великоросс, вероисповедания православного, имения нет.

Нормальный русский чиновник, успешный, честный. Нормальная семья. И на тебе: сначала Саша, потом вообще Володя. Такая злая судьба.

Большая картина маслом Никаса Сафронова «Старый Симбирск».

В экспозиции появляется маленький Ленин. Когда был Ленин маленький с кудрявой головой. Большой

карандашный портрет маленького Ленина, каноническое советское изображение. Этакий симпатичныймышленный малыш, слегка умильный. Примерно такими изображаются дети на китайских пропагандистских плакатах. Рядом с портретом — нелепо-трогательные ботиночки невозможно маленького размера. Вряд ли эти ботиночки принадлежали крошечному Ленину — наверное, просто где-то откопали дореволюционную детскую обувь и внедрили ее в экспозицию.

Школа, разнообразные документы, свидетельствующие о феноменальной успеваемости маленького Ленина. Опять фотографии старого Симбирска, домов, где жила семья. Маленькие симпатичные деревянные домики. Патриархальный волжский город.

Вот Ленин постарше. Большая картина маслом советского художника, не запомнил фамилии. Называется «Экзамен» или как-то похоже. Сверхзадача этой картины — показать, что уже в подростковом возрасте у Ленина прослеживались деструктивные наклонности, которые в будущем сделают этого нагловатого отличника величайшим злодеем вселенского масштаба. На картине Ленин-подросток сдает устный экзамен, видимо, по Закону Божьему. Экзамен принимают пожилой протоиерей в рясе и два строгих учителя в штатском. У молодого негодяя чрезвычайно дерзкое выражение лица, подбородок заносчиво задран вверх, правая рука сжата в злобный остренький кулачок. Облик старого протоиерея выражает смущение и страдание, правой рукой он держится за сердце. Кажется, наглый гимназист

говорит что-то богохульное, типа «Бога нет» или что-нибудь еще в этом роде. Хотя, наверное, это не более чем фантазия художника – в гимназии Ленин учился примерно и по Закону Божьему имел твердую пятерку.

Фотография брата Александра, несостоявшегося царевубийцы. Мрачный, сосредоточенный молодой человек, не имеющий практически ничего общего с тем романтическим, слегка раскосым юношей, каким его принято было изображать в официальной советской иконографии.

Дальше понеслось. Казанский университет, студенческая сходка, тюрьма, исключение. Первые марксистские кружки. Портреты их организаторов и участников. Дикие, с безумным блеском в глазах, лица людей, причастных к марксистским кружкам.

Фотографии старой Казани – университет, шахматный клуб (исключенный из университета Ленин одно время увлеченно резался в шахматы). Фотография тюрьмы предварительного заключения рядом с Казанским Кремлем, в которой Ленин провел два дня. В этом здании сейчас онкологическая больница.

Арест, ссылка в Шушенское. Фотография 25-летнего Ленина, сделанная в Охранном отделении после ареста. Очень характерная, непохожая на другие. Кажется, что камера тюремного фотографа запечатлела Ленина в переломный момент его жизни. На снимке мы видим человека, сознательно сделавшего свой выбор в пользу служения злу. Он уже давно занимался всякими революционными пакостями, но, видимо, окончательный перелом приходится именно на этот возраст.

У 25-летнего Ленина очень неприятное лицо. В нем есть что-то бешено-крысиное, странное сочетание злобного азарта и растерянности, даже испуга (последнее понятно – все-таки арест). Молодой, но уже сформировавшийся душегуб.

Дальше начинается лихорадочная социал-демократическая свистопляска. Масса каких-то чудовищных листовок, газет. Фотография ветхой приземистой избы в Минске, в которой проходил I съезд РСДРП. Огромная масса материалов, посвященных II съезду РСДРП. Лица делегатов, на которые невозможно смотреть без содрогания.

Лист с заметками Ленина о прениях на втором съезде. Множество отрывочных, практически нечитаемых записей мелким почерком. Почему-то среди фрагментов текста несколько крупных надписей печатными буквами «БЕРЕЗА». В другом месте другая крупная надпись – «ВРЕД!».

Карикатура П. Лепешинского о внутривнутрипартийной борьбе на съезде, большого формата, фактически целый комикс. Называется «Как мыши кота хоронили». Много текста и несколько картинок. На картинках в разных конфигурациях изображены группа мышей и кот. Мыши символизируют противников Ленина на съезде, кот – самого Ленина. Кот изображен с туловищем кота и головой Ленина. Сначала мыши куда-то тащат кота с головой Ленина, кажется, бездыханного. Потом с котом-Лениным происходят некоторые эволюции, в результате которых он оживает и становится страшно могущественным. В финале комикса ленинокот одерживает над деморализованными мышами полную и безоговорочную победу.

Светлым пятном — фотография молодой Крупской. Оказывается, в период своего знакомства с Лениным она была довольно симпатичной.

Лондон, Брюссель, Женева, французские, бельгийские товарищи, вся эта эмигрантская хренотень, Лонжюмо ты мое, Лонжюмо. Эмигрантская газета «Социальдемократ».

Первая мировая, карты театра военных действий. Все летит в тартарары. Та сложная и содержательная жизнь из первой части экспозиции (где про детство-отрочество) стремительно разрушается сознательными усилиями главного героя экспозиции. Последние мирные годы доживают патриархальные волжские города с их купеческими домиками, баржами и спусками к реке.

122

Ленин тут, Ленин там. Ленин едет туда, Ленин выступает здесь. Среди экспозиции замелькали красные тряпки с белыми орущими буквами. Листовки, прокламации. Целый стенд, сплошь увешанный листовками, от которых рябит в глазах.

Ленин выступает, Ленин говорит, Ленин организует, Ленин, Ленин, Ленин... Портреты Ленина, фотографии Ленина, бесчисленные.

В какой-то момент я почувствовал почти физическую тошноту. Не могу больше смотреть на эти портреты, не могу видеть буквосочетание «Ленин», не могу видеть это лицо с хитрым прищуром, эти «добрые» свирепые оледенелые глаза. И физиономии соратников Ленина не могу видеть. И красные тряпки с античеловеческими белыми буквами. И броневики. И матросов.

А еще я вдруг почувствовал себя на экскурсии по аду. По тому кругу ада, где, может быть, томятся

революционеры. Ад революционеров — это место, где вечно длится революционная борьба. Революционеры вечно дискутируют на вечно-втором съезде РСДРП, вечно печатают в подполье вечные «Искру» и «Социальдемократъ», веками изучают «Манифест коммунистической партии» и «Капитал», выступают перед адскими рабочими на вечном адском заводе Михельсона, и неподвижная адская «Аврора» светит им своим вечным прожекторным мертвенным лучом.

Дверь, ведущая в прилегающий к экспозиции конференц-зал, открылась, и из нее вышла небольшая толпа людей разного возраста. Судя по всему, это были участники конференции лениноведов, которая как раз проходила в это время. Мимо меня прошли два пожилых дядьки. Один говорил другому что-то о Ленине, о его личных качествах, да вы поймите, он был абсолютно открытым человеком, честным, никогда ничего не скрывал от товарищей по борьбе, ему было нечего скрывать, абсолютно чистый и честный человек. Дядьки, как и остальные участники конференции, спешили на обед в столовую, и окончание рассказа о личных качествах Ленина растворилось в гулких объемах мемориала.

Потом Ленин умер, и экспозиция заметно посвежела. Тошнота отошла куда-то на задний план, хотя ее приступы иногда возвращались. На смерти Ленина экспозиция и не думала заканчиваться, впереди была еще страшная масса стендов и экспонатов. Устроители мемориала, судя по всему, хотели донести до посетителей идею о том, что Ленин даже после смерти все равно продолжает незримо управлять советским

государством со своих революционных багровых небес. Чуть что — опять Ленин, опять его портреты. Колхозники колхоза имени Ленина вырастили невиданный урожай зерновых и зернобобовых. А совхозники совхоза имени Ленина достигли каких-то сверхчеловеческих надоев молока. А рабочие завода имени Ленина в рекордно короткие сроки соорудили колоссальных размеров механическую железяку, крупнейшую в Европе. А ученые института имени Ленина открыли такое вещество, которым можно уморить всех насекомых в Солнечной системе.

Великая Отечественная война. Казалось бы, какой уж тут Ленин. Тут Сталин должен преобладать. Ан нет — все равно преобладает Ленин. Все-таки, это мемориал Ленина, а не Сталина. Дивизия имени Ленина. Эскадрилья имени Ленина. На флаге нарисован Ленин. На ордене нарисован Ленин.

Ну и потом мирное хозяйство. Опять под сенью Ленина. Никуда не деться от Ленина.

Наконец, возвращаюсь к исходному пункту — столу смотрительницы, продающей билеты. Ой, как вы быстро. Вы внимательно все посмотрели? Я вот заметила, вы совершенно не обратили внимания на последний зал, где собраны подарки нашему мемориалу со всего мира. Давайте я вам покажу. Вот видите, портрет Ленина на бивне мамонта. А вот один слесарь сделал портрет из металлических пластинок. Встаньте вот сюда. Видите — Карл Маркс. А вот теперь сюда — смотрите, уже Ленин, а если сюда отойдете, то увидите Энгельса, вот такой удивительный портрет, а вот этот ковер нам прислали из Ирана, а вот эта ваза от чехословацких коммунистов.

Простая такая ваза, цилиндрической формы. Ни портрета Ленина, ни надписи — просто ваза. Молодцы чехословацкие коммунисты.

А не хотите литературу приобрести, буклетики? Вот, смотрите, эту брошюру написал наш земляк, ульяновец, исследователь жизни Ленина. Он брал за основу только проверенные факты, знаете ведь, как у нас иногда очерняют Владимира Ильича, все-таки нельзя ведь так очернять великого человека.

Очерняют, значит, Владимира Ильича. Очерняют великого человека. Вот оно как. Надо же. Как же это у них получается? Как его можно очернить?

На следующий день побывал в казанском музее Ленина. Это небольшой деревянный домик, сохранившийся со второй половины XIX века. Здесь жила семья Ульяновых после смерти Ильи Николаевича. В том числе и молодой Ленин, выгнанный из университета. Очень приветливая дама-экскурсовод провела для меня, единственного на тот момент посетителя, прекрасную, подробную экскурсию. Здесь уже совсем другое ощущение, чем в ульяновском мемориале. Понимаешь, что этот упырь был, как ни странно, просто человеком, у него была мать, сестры, он лежал на кровати, сидел на стуле за столом, читал книжки, ел первые и вторые блюда, пил чай с сахаром, гулял по казанским улочкам, ходил в шахматный клуб, ходил в театр на премьеры.

В конце экскурсии экскурсовод сказала, что Ленин, хоть и не был верующим, на практике реализовал главные идеалы всех религий — свободу, равенство и братство. Возражать я не стал.

После музея я пошел гулять по Казани. В городе повсюду свирепствует и торжествует точечная застройка. Старая Казань сносится целыми кварталами, и на их месте строится что-то кричаще-помпезное, а-ля Лужков. Я вдруг подумал, что точечная застройка — это не так уж плохо. Вернее, плохо, но есть одно место, где она была бы чрезвычайно уместна. Это Ульяновск, высокий берег Волги, место, где раньше была Стрелецкая улица, а сейчас стоит Музей-мемориал Владимира Ильича Ленина. Я подумал, что было бы неплохо сровнять с землей этот мемориал вместе со стоящими рядом мемориальными деревянными домиками, в которых жила семья Ульяновых. Уничтожить это дикое капище. И построить на этом месте что-нибудь жизнеутверждающее. Например, элитное жилье. Или бизнес-центр. Или торгово-развлекательный комплекс. Или все это вместе. Или ничего не построить, так оставить.

И переименовать Ульяновск обратно в Симбирск.

MAIN STREET

Прямая, довольно длинная (километра два) улица. От пункта А (автостанция) до пункта Б (музей Ивана Сусанина). Главная и чуть ли ни единственная улица поселка городского типа Сусанино Костромской области.

Есть, конечно, и другие улицы, отходящие в обе стороны от главной. Но они больше напоминают просто проходы и проезды между домами, чем улицы.

Тротуар (полоса утоптанной земли) — только с одной стороны главной улицы. С другой стороны тротуара нет, вдоль асфальтовой дороги лежат комья глины. Вообще, здесь много глины. Она валяется тут и там здоровенными комьями. Сейчас сильный мороз, и глина замерзла, а вот осенью и весной, наверное, грязь непролазная.

Главная улица по сторонам уставлена некоторым количеством жилых домов, учреждений и зданий неясного производственного назначения. Зданий выше трехэтажных я не заметил. Две церкви — одна поменьше, действующая, другая — большая, видно отовсюду, недействующая. В ней находится музей Ивана Сусанина. Трогательный стадиончик — кочковатое футбольное поле с остатками пожухлой травы, неровное, с заметным уклоном, деревянные

скамейки по бокам, полуразрушенная деревянная раздевалка. На ограде стадиона висит таблица розыгрыша первенства Костромской области по футболу. Из таблицы следует, что команда «Сусанино» заняла в чемпионате второе место, лишь на несколько очков отстав от победителя — «Костромы».

Ни на одном доме нет таблички с названием главной улицы. Может быть, она вовсе никак не называется, просто Главная улица, Main street, как в небольших американских городках.

Маленький, тихий, ультрапровинциальный райцентр. При этом Сусанино — поселок знаменитый. И не только уроженцем здешних мест Сусаниным, но еще шапками, грачами и, отчасти, сыром.

128

Сусанин

Я прошел всю главную улицу и пришел к церкви, вернее, к музею Сусанина. У музея главная улица заканчивается, и вообще поселок заканчивается, дальше дороги нет. Дальше — природа: леса, болота. Что в какой-то степени символично. Куда завел ты нас, Сусанин.

В музее, кроме смотрительницы и охранника, никого не было. Смотрительница сказала, что она не экскурсовод, но все же постарается что-нибудь рассказать. После чего провела высокопрофессиональную экскурсию по музею, бегло называя даты, имена, географические названия и исторические подробности. Видно было, что человек знает материал назубок. Если таковы смотрительницы, то каковы же тогда экскурсоводы?

Сказать, что музей Ивана Сусанина поражает воображение посетителя, было бы преувеличением. Довольно-таки обычный музей. Предметы старины, документы. Оружие, кольчуги. Боевые топорики. Это все, спрашиваю, аутентичное? XVII век? Да нет, что вы, какой там семнадцатый век. Новодел, конечно. Летописная книга о Смутном времени – муляж. Но есть и не новодел пи не муляж. Сабля польского воина сусанинских времен – подлинная. Найдена при разборе какой-то печи. Одно из доказательств исторической достоверности подвига Сусанина.

Крестьянская одежда того времени, бедная, убогая. Жалованная грамота царя Михаила Феодоровича зятю Ивана Сусанина Богдану Сабинину и его потомкам на освобождение от податей. Судя по всему, копия. Фотографии потомков Сусанина (одна из ветвей рода, Белопаховы, прослеживается до сего дня). Свидетельства об аналогичных подвигах времен Гражданской и Великой Отечественной войн. Документы, имеющие отношение к опере Глинки «Жизнь за царя». Музыкальная шкатулка, воспроизводящая одну из мелодий оперы. Смотрительница завела шкатулку, и из нее полились звуки, не слишком ласкающие слух.

Отдельный стенд посвящен Осипу Ивановичу Коммисарову, уроженцу села Молвитино (так раньше назывался поселок Сусанино), крестьянину, шившему шапки и торговавшему ими в Петербурге. В 1866 году Коммисаров, торговавший шапками в Петербурге, спас от покушения Александра II. Он ударил под руку террориста Каракозова, целившегося в монарха. В результате Каракозов промахнулся и вскоре был

повешен, а Коммисарову были дарованы потомственное дворянство и имение в Полтавской губернии.

Целых два спасителя русских монархов на одно костромское село. Высокая, однако, плотность.

В завершении экспозиции — большой бюст Ивана Сусанина работы скульптора Лавинского. Сусанин изображен в виде величественного дядьки с огромной бородой, довольно сильно похожего на Льва Толстого.

Вот, собственно, и все. Небольшой совсем музей.

А ведь есть довольно распространенное мнение, что на самом деле никакого Ивана Сусанина не было. А если был, то никакого подвига не совершал. И никаких поляков в этих краях не было. Ничего, ничего не было. Забудьте.

130

Осмотрев экспозицию музея Сусанина, я как-то особенно остро почувствовал, насколько омерзительно вот это «восстановление исторической правды» в сторону ее, правды, ухудшения. Когда доказываешь, что нечто великое, во что верили люди, на самом деле просто выдумка, пшик, пустой звук. Не было достижения, не было подвига, не было изобретения, не было путешествия, не было открытия, не было мужества и высоты духа, а были и будут лишь человеческая низость, эгоизм и прагматизм.

Собственно, какая разница, был в истории подвиг Ивана Сусанина или не был? Если даже это и миф, то миф правильный и полезный для национального сознания, а это гораздо важнее, чем «историческая достоверность». Если подвига Сусанина не было, то его нужно было придумать, и очень хорошо, что придумали (если придумали).

Смотрительница сказала, что если есть транспорт, можно съездить на гигантское болото (очень много сотен гектаров), куда Иван Сусанин завел поляков. Транспорта у меня, увы, не было.

Шапки

Рядом с церковью-музеем — флигелек, где располагается краеведческий мини-музей. Экспозиция совсем крошечная — небольшая комнатка. Экскурсию проводит другая женщина, тоже не экскурсовод, а смотритель.

Центральное место в экспозиции занимают шапки. Молвитино было крупным центром шапочного производства, известным по всей России. Стенд с шапками. Круглые такие, довольно странные по нынешним временам. Некоторые — меховые, некоторые — непонятно, из какого материала. Фотография А.И. Чичагова, главного молвитинского шапочного промышленника. Аскетичное, худое лицо, большая борода, горящие фанатическим огнем глаза. Рядом — нарисованная от руки схема географического распространения чичаговских шапок. В центре — красный кружок, изображающий село Молвитино, и во все стороны стрелки — Петербург, Варшава, Москва, Нижний Новгород, Кавказ, Турция. На Чичагова работало 12 мастеров, 6 мастериц и 50 надомников. Опытный мастер зарабатывал до 160 рублей в год, то есть чуть больше тринадцати в месяц. Негусто. Эксплуатация человека человеком. Шапки стоили от 5 до 25 рублей, картузы — от 15 копеек до 1 рубля.

Уже к середине XIX века сельским хозяйством ни один молвитинец не занимался, так исторически сложилось. Все зарабатывали ремеслами или отхожим промыслом. Село было довольно большое и богатое. Быт у многих селян был отчасти городской. Среди музейных экспонатов — наряд молвитинской модницы начала XX века — цветастое платье и маленькие ботиночки на шнуровке. Рядом другой предмет тогдашней роскоши — граммофон. Как и в случае с музыкальной шкатулкой, смотрительница продемонстрировала возможности устройства — звук, надо сказать, тошнотворный. Даже хуже, чем у шкатулки.

В центре села красовалась гостиница «Париж» — большое добротное двухэтажное здание, первый этаж каменный, второй деревянный. Сейчас этого дома нет, осталась только музейная фотография.

Еще какие-то предметы быта, лапти, туесочки, полотенца, маслобойка, кувшин для свекольного (!) кваса, еще что-то. Поговорил со смотрительницей, расспросил про, так сказать, сегодняшний день. Современная экономика Сусанино стоит на трех китах: швейном производстве, маслосырдельном заводе и птицефабрике. Последняя особенно преуспевает. Все это было приватизировано в 90-е годы местными крошечными олигархами. Швейная фабрика — наследница старого шапочного производства. Сейчас сусанинские швейники с шапок переориентировались на пошив военной формы по госзаказу. Сырдельный завод тоже работает довольно бойко, спрос на местный сыр устойчиво высок. Сельское хозяйство в полном упадке, хотя при советской власти

в районе было много крупных хозяйств. Сейчас все разрушено, ничего не осталось. Ничего-ничегошеньки. При этом, когда я спросил, откуда поступает молоко на сыродельный завод, выяснилось, что с местных хозяйств, коих вокруг, оказывается, немало. Противоречивая информация. Ну да музейная тетенька – не районный отдел статистики. По оценкам смотрительницы, живут сусанинцы в целом «неплохо». Жить можно, в общем. Хотя молодежь из поселка уезжает. Жилье новое не строится в принципе. А рабочие места хоть и есть, но они в основном для женщин, а молодому мужику развернуться особо негде. Разве что скоро должны открыть цех по производству тротуарной плитки – появится примерно сорок новых рабочих мест.

При этом молодежи на главной улице довольно много. Она, сусанинская молодежь, ходит туда-сюда по одиночке и небольшими гопническими стайками, впрочем, довольно мирными. У большинства молодых людей на головах очень маленькие, откровенно не по размеру, шерстяные шапочки, лихо торчащие на макушках нелепыми колпачками. непонятно, как они удерживаются на вершинах голов, может быть, сусанинские парни прикрепляют их к волосам специальными прищепочками, как религиозные евреи, или приклеивают, трудно сказать.

Прошел по главной улице в обратном направлении, от музея до автостанции. Несколько раз пытался отклониться от прямого пути, сворачивал в боковые проулки и каждый раз обнаруживал вокруг себя очень мало организованную реальность, нечто такое, что нельзя назвать каким-то определенным

словом, то есть это не улица, не переулок, не двор, не площадь и не площадка, а непонятно что. И, в очередной раз обзрев это неизвестно что, я опять возвращался на главную улицу.

Меня обогнали два молодых человека, совершенно одинаково одетых. Не похоже, не однотипно, а в буквальном смысле совершенно одинаково. Одинаковые черные куртки, одинаковые синие джинсы, одинаковые круглые черные шапки и одинаковая же черная обувь. Эта одинаковость очень бросалась в глаза. И роста они были одинакового, и телосложения. Может быть, это были близнецы, кто знает.

Ни одного предприятия общественного питания, ни кафешки, ни даже захудалой столовки. Вообще нет ничего такого. Видно, не нужно это сусанинцам. Поесть можно дома или в фабричной столовой, количество приезжих стремится к нулю (хотя в музей Сусанина довольно часто приезжают туристические группы, в том числе иностранные).

Зато очень много магазинчиков, в основном продовольственных. Просто на каждом шагу. Магазинчики очень маленькие. Зашел погреться в «Олежкин магазин». Это, наверное, уменьшительное от Олега. Две бабульки обсуждают друг с другом и с продавщицей повышение цены на какой-то продукт с восьми до восьми с половиной рублей. Одна из бабулек долго называет продавщице список покупаемых продуктов, продавщица все это долго взвешивает, упаковывает и наконец называет общую сумму — двадцать восемь рублей шестьдесят копеек.

Зашел в магазин, принадлежащий ООО «Сыродел». Чтобы войти в дверь, надо согнуться в три

погибели. Спросил: это у вас местный сыр, сусанинский, да, ответила продавщица и даже как-то засветилась от гордости, конечно, наш сыр, наш, вот, пожалуйста, покупайте, вот еще масло, сметана есть, все наше, все свежее, берите, спасибо, я только сыра взял бы, граммов триста, конечно, возьмите, давайте я вам взвешу, тут триста пятьдесят получилось, ничего, нормально, оставьте, вот, спасибо, надо ведь ваш сыр попробовать, конечно, попробуйте, как же, побывать в Сусанино и не попробовать наш сыр, а вы сами откуда будете, из Москвы, ну, приезжайте еще, приходите к нам, милости просим, да, конечно, обязательно.

А ведь не приеду. И не зайду. Никогда. Если только жизненные обстоятельства вдруг не сложатся причудливым образом.

На двери магазина «Чайка» объявление: «В продаже имеются воздушные шары и наклейки на свадебные автомобили». Хотел зайти и полюбоваться свадебными наклейками, но стало как-то неловко, и не стал заходить.

Грачи

Имеются в виду грачи, которые «прилетели». На знаменитой картине знаменитого художника-передвижника Саврасова изображено село Молвитино. В центре композиции — церковь с шатровой колокольней, в этой церкви сейчас музей Сусанина. Действительно, знаменитый на всю Россию поселок: его унылый, но бесконечно родной пейзаж знаком

любому человеку, окончившему советскую среднюю школу. Только не очень понятно, где Саврасов нашел такую точку для обозрения пейзажа – вокруг не наблюдается никаких возвышенных мест. Загадка.

Вот и автостанция. В зале ожидания довольно холодно, но в целом терпимо. На скамейке – несколько подростков. Они ржут, матерятся, вообще всячески шумят, но все это как-то спокойно и неагрессивно. То и дело достают мобильные телефоны и врубают на полную мощность отвратительные песни криминального содержания. Сидеть, читать книжку, ждать. До костромского автобуса полтора часа.

P.S. Вернулся в Москву, попробовал сусанинский сыр. Отличный.

ДВА ДНЯ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Решил съездить в Абрам-мыс. Вернее, даже не съездить, а сплавать туда, на другой берег залива, на крошечном пассажирском суденышке. Крошечное пассажирское суденышко плавает в Абрам-мыс и обратно пять или шесть раз в день, по расписанию.

Если смотреть в сторону Северного Ледовитого океана, то Мурманск находится на правом берегу Кольского залива, а Абрам-мыс — на левом.

Кольский залив очень длинный и довольно узкий, на глазок — немного шире Невы. При этом дико глубокий — в районе Мурманска, говорят, до ста метров. Поэтому в него спокойно заплывают циклопических размеров ледоколы, танкеры и другие гигантские плавучие железные предметы.

Заплывают — конечно, неправильное слово. Правильно говорить — заходят. Плавают только фекалии в проруби, а корабли ходят. Как и суда. Не плавают, а ходят. Не самолет, а воздушное судно. Не можно, а разрешите. Не страница, а полоса. В Кольский залив заходят гигантские суда.

Залив не замерзает круглый год. Сказывается близость Гольфстрима.

Спрашиваю одного мурманчанина: а что там, в Абрам-мысе? Да ничего, говорит мурманчанин. Просто поселок, несколько домов. Раньше был

небольшой рыболовецкий колхоз, ловили и в Баренцевом море, и прямо тут, в заливе. А сейчас просто поселок. Люди живут. А почему называется Абрам-мыс? Да кто его знает. Наверное, был там какой-то Абрам.

Абрам-мыс назвали в честь какого-то Абрама. Логично.

В Мурманске как раз началась полярная ночь. Это когда солнце не появляется над горизонтом больше 24 часов подряд. На полярном круге полярная ночь длится одни сутки. На полюсе — полгода. Таковы особенности движения небесных тел. В Мурманске полярная ночь длится около месяца — с середины декабря до середины января.

138

Ночью темно, утром темно. Часам к одиннадцати утра наступают темноватые сумерки, в два начинается ощутимо темнеть, в три уже темно, и дальше весь оставшийся день, вечер и всю ночь темно, до следующих темноватых сумерек.

По случаю полярной ночи Мурманск очень ярко освещен. Из окна гостиницы, расположенной на высоченной сопке, город выглядит как широкая волнистая полоса почти сплошного разноцветного переливающегося света.

Стоял у окна ночью полчаса, час. Даже не хотелось это фотографировать, процесс фотографирования казался каким-то пошловатым по отношению к этой красоте. Все-таки не удержался, пофотографировал. Зря. Снимки получились никудышными, естественно.

Накануне, в первый день, было пасмурно и тепло — около нуля. Из-за сплошных облаков полуденные

сумерки получились довольно мрачными и совсем короткими. И день получился какой-то обычный, почти как в Москве. Москва, в конце концов, тоже северный город, и в пасмурные зимние дни здесь сумеречно и серо, и рано темнеет, только вроде недавно утро было, а глядишь, уже темень. Обычный серый зимний день. Много ездил по городу, туда-сюда.

Ездил на базу атомных ледоколов. На КПП спросил охранника: можно пройти, он говорит, можно, только не далеко, там еще КПП будет, туда уже нельзя, прошел по дороге среди унылых скал вдоль берега. Ледоколы стоят могучей плотной кучкой у причала, борт к борту, издалека даже не очень понятно, сколько их, то ли четыре, то ли три. Борты у ледоколов черные, а надстройки красные. Очень внушительные ледоколы, хотя в их облике есть что-то трудолюбиво-смирненное. Трудяги.

Ездил на Гору Дураков. Это крупный жилой массив, построенный на излете советской власти. Множество серых девятиэтажных домов карабкается по скалистым склонам высокой сопки. Вроде обычные дома, а получилось в результате красиво — и снизу (серые дома на кажущихся отвесными серых скалах), и сверху (с Горы Дураков открываются головокружительные виды на город и залив). Свое неофициальное название район получил из-за труднодоступной планировки извивающихся улиц и еще более трудноуспеваемой нумерации домов. Например, на улице Кильдинской дом десять стоит вплотную к дому один, а рядом с домом двенадцать стоят два дома — четырнадцать и восемнадцать. А на Верхне-Ростинском шоссе стоит дом девять по

Кильдинской улице, сама же Кильдинская улица петляет где-то далеко внизу. Первые жители района долго путались в этих петляющих улицах, частенько не могли найти в темноте свои дома. При этом они весьма экспрессивно обсуждали умственные способности градостроителей, что в сильно смягченном виде отразилось в неофициальном названии района.

Ездил в поселок Дровяное. Это на противоположном берегу залива, недалеко от поселка Абрам-мыс. Но, в отличие от Абрам-мыса, в Дровяное не ходит крошечное пассажирское суденышко по расписанию, и туда можно добраться только автомобильным транспортом. Попросил таксиста отвезти меня в Дровяное. Там ничего нет, сказал таксист. В смысле — ничего нет? Ну, поселок, пристань. И все. Все-таки, давайте съездим. Да, конечно, съездим, нет проблем, ваше дело платить, мое — баранку крутить, хе-хе, поехали. Через недавно построенный длинный мост, по дороге вдоль берега, вот и Дровяное, ехать всего ничего. Уже совсем темно, дело к вечеру. Три пятиэтажных жилых дома. Что-то вроде клуба. Еще какое-то здание. У маленькой пристани — маленькое судно, кажется, рыболовецкое. Около подъезда одного из домов курят и пьют пиво два молодых парня в кожаных куртках. Дверь другого подъезда открыта, за ней виднеется прилавок, продавщица, полки с консервами и бутылками. Никакой надписи — ни магазин, ни продукты, ни мини-маркет, ни 24. Просто — открытая дверь, войдя в которую, можно купить консервы и бутылки. И сигареты. И чипсы. На открытой двери — большой постер с рекламой пива «Карлсберг».

И больше ничего нет.

Развернулись и поехали обратно в Мурманск.

Навалилась тупая усталость, как в Москве после суетливого зимнего темного дня, усталость не от физической работы, а от мелкой суеты, от отрывочных вялых полу-действий. Немного побродил по центру, в районе вокзала, и поехал в гостиницу.

До отправления крошечного пассажирского суденышка на Абрам-мыс еще минут сорок, можно погулять вокруг центральных кварталов сталинской постройки, постоять на пешеходном мостике над железнодорожными путями. Сегодня на небе ни облачка, чистое голубое небо, солнца нет, но довольно-таки светло, странное сочетание. Свет ниоткуда. Небо наполнено светом, а источника его не видно. Цвет неба тоже необычный, поразительный, голубой и какой-то светящийся. Стоял на мостике над железной дорогой, смотрел то на юг, туда, где из-за горизонта невидимо светило солнце, то на север, где Гора Дураков и памятник Алеше, солдату-освободителю. С ума можно сойти от такого неба и света.

Тем не менее Абрам-мыс зовет. Крошечное пассажирское суденышко отправляется в 14.15. В вестибюле старого здания Морского вокзала сидят будущие пассажиры крошечного пассажирского суденышка — человек пятнадцать, примерно половина из них — люди пожилые. Наверное, все они живут в поселке Абрам-мыс. Наверное, они все приехали утром по каким-то делам в Мурманск, и теперь возвращаются в свой Абрам-мыс. Хотя, может быть, кто-то из них, наоборот, едет по каким-то делам в Абрам-мыс, а вечером вернется в Мурманск.

Трудно представить себе человека, у которого есть какие-то дела в поселке Абрам-мыс.

Морской служивый мужичок в бушлате гаркнул: на посадку! И все пошли на посадку. Причал, будочка кассы. 17 рублей в одну сторону. Крошечное пассажирское суденышко имеет закрытую кабину с лавками для пассажиров и открытую корму. Пассажиры рассаживаются по лавкам под крышей, я остаюсь на открытой корме. Им-то что, они каждый день тут «ходят», чтобы не сказать «плавают», они тут все видели уже сто или тысячу раз, а мне надо посмотреть.

У соседнего причала стоит белый пассажирский лайнер «Клавдия Еланская». Он круглый год совершает регулярные рейсы вдоль берега Баренцева моря. Можно купить в кассе билет, взойти на палубу лайнера «Клавдия Еланская», в 19.00 отправиться в путь, а в 10.00 на следующий день прибыть в населенный пункт Йоканьга. А вечером отправиться в обратном направлении. Жаль, что нет времени для совершения этого, должно быть, захватывающего путешествия.

На небе начинают проступать первые звезды, хотя оно продолжает оставаться лазурно-светящимся.

Крошечное пассажирское суденышко отчаливает, разворачивается и берет курс на Абрам-мыс. Проплываем (проходим) совсем близко от атомного ледокола, стоящего в плавучем доке. Ледокол красной горой возвышается над Кольским заливом. У ледокола три огромных гребных винта. Этот ледокол способен преодолевать лед толщиной два метра восемьдесят сантиметров.

Через десять минут крошечное пассажирское суденышко достигло Абрам-мыса. Длинный и широкий причал, загроможденный какими-то контейнерами. На высокой сопке — монумент в виде военного самолета, закрепленного на изогнутой опоре. Пассажиры вышли, другие пассажиры вошли. Сзади и сбоку голос: что, интересно плавать? Обернулся — полуинтеллигентно-помятый дядька лет пятидесяти, в длинной кожаной куртке, шарфе и шерстяной шапочке, надвинутой на глаза. Ну да, интересно. А вы просто так поехали? В общем-то, да, из чистого любопытства. Вот, я тоже из любопытства. Интересно же, правда. А вы кем работаете. Журналистом. По работе приехали? Да, в командировку. Я тоже по работе. Проводником в багажном вагоне. На почтово-багажном из Питера приехал. А вы из Москвы, наверное. Да, из Москвы. А я из Питера. На почтово-багажном. Сорок два часа из Питера идет. Я уже двадцать пять лет на почтово-багажных ездю туда-сюда. Раньше в почтовом вагоне работал, теперь в багажном, а, какая разница. Всю страну объездил. Я знаете, как считаю, я считаю, что самое интересное в жизни — это путешествия. Я везде был — и в Средней Азии, и в Воркуте, в общем, везде.

Тем временем морские служители отвязали от береговых тумб свои толстые канаты, и крошечное пассажирское суденышко отправилось в обратный путь.

Хорошо тут, на воде, правда, вот, только тут и можно почувствовать север, а там, в городе — фигня, что там, ну, проспект Ленина, ерунда это все, а тут вода, волны, океан практически, а вы журналист,

да, журналист, а я вот на почтово-багажном, работа у меня такая, а что, мне нравится, я все время путешествую, я даже в Душанбе был, туда неделю ехать, путешествия, я считаю, это самое интересное, что может быть в жизни человека.

Да, да, да, да. Да, журналистом. Да, в командировку. Да, путешествия—это интересно. Да, Душанбе—это очень круто. Да.

Наступил такой промежуток времени, когда небо уже ощутимо потемнело, но все еще сохраняло свою призрачную прозрачную светимость. Гора Дураков вдруг засияла закатным светом (хотя никакого заката, как и восхода, не было), окна домов со странной нумерацией стали золотыми, Господи, какая же красота, вроде бы, полярная ночь—это должен быть мрак, темень, а тут такие игры света, о которых в нашей средней полосе можно только мечтать... А вы, значит, журналист, да, понятно, а я вот на почтово-багажном. Хорошая, знаете, работа, все время в пути, постоянные путешествия, проходим мимо ледокола в доке, мимо его громадных гребных винтов, я даже в Ереване был, и в Баку, там знаете как интересно, вот уже совсем рядом лайнер «Клавдия Еланская», а вот и пристань, крошечное пассажирское суденышко швартуется, наш морской поход окончен. Не то чтобы он был как-то особенно интересен и познавателен—нет, просто очень красиво светилось небо и красиво сияли окна домов на Горе Дураков, сентиментальный человек от такого вида мог бы даже, пожалуй, прослезиться, и еще была какая-то странная радость от этого маленького плавания, как в детстве, когда даже самая короткая

поездка на автобусе или электричке выглядит увлекательным путешествием.

Ну, до свидания, рад познакомиться, да, до свидания, пойду я в свой почтово-багажный, надо отдохнуть перед рейсом, все время в пути, все время на колесах, да, такая уж у меня работа, а мне нравится, ведь путешествие, если так подумать, это ведь самое интересное в жизни человека.

Я потом еще долго, несколько часов гулял по городу, прошел довольно большое расстояние. Странно, вчера была вялая усталость, а сегодня, после поездки в Абрам-мыс и тупо-закольцованных бесед с проводником почтово-багажного поезда — какая-то необыкновенная бодрость. Я прошел по улице Челюскинцев до подъема на Гору Дураков, потом свернул на Папанина, на этой улице, как и на Челюскинцев, то и дело попадались старые деревянные двухэтажки, такие очень специфические северные дома, их сейчас постепенно сносят, они ветхие, жить в них, судя по всему, ужасно, но они хранят в себе, в своем облике, в своих дощатых щелях и покосившихся окошках дух освоения севера, и когда их окончательно уничтожат, это, наверное, послужит городскому благоустройству, но что-то очень важное из облика города пропадет... Пока еще эти дома стоят, и в них еще живут люди. Долго шел по длинной улице Папанина, дошел аж до Полярных Зорь (это тоже такая улица), километров десять, не меньше, прошел, и еще гулял бы и гулял, необыкновенная бодрость, но уже поздно, завтра самолет в восемь утра, вставать вообще в пять... Пора возвращаться в гостиницу, на верхушку огромной сопки,

туда, откуда открывается вид на этот прекрасный город, сияющий переливающимся, почти сплошным светом.

Гуляя, я иногда останавливался и подолгу глядел на черное звездное небо – вдруг там обнаружилось северное сияние. Должно быть, в эти моменты у меня был чрезвычайно глупый вид. Все напрасно: наверное, для северного сияния в Мурманске в эти дни было слишком тепло.

ЗДЕСЬ ТОРГУЮТ

Салон связи «Связной» рядом с вокзалом. Девушка-продавец, она же консультант, щебечущей скороговоркой объясняет тонкости маркетинговых промо-акций молчаливому набычившемуся пареньку в меховой кепке. Злоупотребляя при этом уменьшительно-ласкательными суффиксами. За каждую покупочку у нас вам на счетик капает бонус, за любую покупочку, телефончик, например, купите, или даже какую-нибудь мелочишку, сумочку для телефончика, там, или сим-карточку, и у вас на счетике образуются бонусы, они накапливаются, и при следующих покупочках мы вам даем скидочки. Я ч-чѐто не очень п-понял. Я ч-чѐ, щас куплю, и мне с-скидка будет? Нет, сейчас не будет, давайте я вам объясню. Вот вы сейчас покупаете у нас телефончик по обычной цене, и вам на счетик капнет несколько бонусных баллов, и когда вы у нас еще что-то будете покупать, мы вам сделаем небольшую скидочку, и у вас еще бонусиков прибавится, и когда еще сделаете покупочку, скидочка уже больше будет, ну, в общем, накопительная система, вы у нас покупаете, а вам каплют бонусики. А, ну, п-понятно, вообще-то я ч-чѐ-то запутался, давайте я вам объясню, да ладно. Парень надвигает меховую кепку на глаза и порывисто выходит из «Связного».

Торговый центр «Гринн», магазин меховых шапок. Женщина, а вот это вот, это что, кролик? Ой, да что вы, женщина, какой же это кролик, это бобер, да, а что-то на кролика похож, да что вы такое говорите, женщина, смотрите, вот это кролик, а вот это вот — это никакой не кролик, а самый настоящий бобер, ну посмотрите сами, сравните, ну вообще-то практически одно и то же, я бы сказала, ну женщина, ну вы что, ну вы сами подумайте, если бы это был кролик, я бы вам разве сказала, что это бобер, я бы вам так бы и сказала — кролик, зачем же мне вас обманывать, мне обманывать нельзя, у меня репутация.

Салон «Евросеть» там же, в торговом центре «Гринн». Солидная тетенька бальзаковского возраста пытается молодого консультанта на предмет плееров. Скажите, а у вас есть такие плееры, чтобы и MP3 проигрывали, и видео? Есть, конечно, вот, смотрите, вот этот, например, видео играет, и этот тоже, да они вообще в этом ряду практически все видео воспроизводят. А чем они отличаются, почему цены такие разные? В основном емкостью. Вот этот два гигабайта, этот и этот по четыре, а вот этот — восемь, сюда много влезает. А вот у этого экран хороший, большой, как раз чтобы удобно было видео смотреть. Ой, какой симпатичный. А можно его посмотреть? Вообще, он хороший, да? Да, хорошая модель. А сборка чья? Сборка наша, российская. Ой, российская?.. Ну да, а что? Ну ведь российская — это же ведь ужас. Почему ужас? Чем вам российская сборка не нравится? Что, думаете, китайская лучше? Ну, не знаю... Китайская — наверное, тоже не

очень, но главное — чтобы не российская, нет, я российскую сборку брать не буду, российская — это же ужас, ужас.

Тот же салон «Евросеть». Девушка-консультант через весь зал кричит другой девушке, которая сидит за столиком и оформляет покупки: Люда, смотри, а это золотой телефон? Да, золотой. А почему он такой серебряный? Это ничего, нормально, это просто золото такое.

Один из бесчисленных курских супермаркетов. Продавщица средних лет говорит другой продавщице, совсем молоденькой: сходи на раздачу, передай вот это Марине. Какой Марине? Ну, Марина, страшенькая такая девушка на раздаче. Страшная такая, ни с кем не спутаешь. И продавщицы ехидно улыбаются друг другу.

Хожу по курским магазинам, смотрю и слушаю. Магазинов, супермаркетов, салонов связи и торговых центров в Курске видимо-невидимо. На вокзале, ожидая, когда утренняя мгла сменится светлым днем, случайно разговорился с одним курянином. Где, спрашиваю, тут у вас самый большой торговый центр? Ой, сказал курянин, да у нас их тут полно, этих торговых центров. Две большие конкурирующие сети плюс еще много отдельных торговых комплексов. И в центре их много, и по окраинам. По словам этого курянина, Курск занимает второе место в России после Москвы по степени концентрации торговых учреждений — то ли на душу населения, то ли на единицу площади. Проверить затруднительно, но, погуляв по городу, начинаешь этому утверждению верить.

Поезжайте, сказал курянин, в «Гринн», там рядом еще торговые центры есть, и Центральный рынок.

«Гринн» — огромное новое здание, похожее на наш московский «Атриум» у Курского, кстати, вокзала. Четыре этажа. Море магазинов, большой супермаркет, несколько ресторанов. В принципе, мало чем отличается от большинства московских торговых центров. Разве что практически нет фирменных магазинов, зато много индивидуальных предпринимателей, арендующих в «Гринне» помещения. Бросается также в глаза обилие маленьких лавчонок, торгующих мобильными телефонами, бывшими в употреблении. Из любопытства обозрел ассортимент двух таких лавочек. Практически все телефоны в ужасающем состоянии, потертые, поцарапанные, с неразличимыми цифрами и буквами на клавишах. Это относится и к дорогим моделям. То ли куряне неаккуратно пользуются своими «трубами», то ли здесь просто не принято часто менять аппараты.

Из второго этажа «Гринна» можно попасть непосредственно в современный застекленный пешеходный переход через улицу Дзержинского. В переходе стоит бабулька, перед ней — напольные весы, обычные, старые, облезлые, видимо, от частого употребления. Можно заплатить десять рублей, встать на эти весы и узнать свой вес вместе с весом зимней одежды и обуви. Услуга.

Прошел по переходу и спустился к Центральному рынку. Центральный рынок состоит из торговых рядов под открытым небом и огромного рыночного павильона. Побродил по рядам. Бросается в глаза преобладание головных уборов. Целые ряды головных

уборов. Шапки, кепки, береты, меховые, шерстяные. Мужичок в мятых тренировочных штанах и кожаной куртке меряет меховые кепки, продавщица держит зеркало, жена в пуховике и кожаных брюках оценивающе смотрит. Мужичок примеривает черную меховую кепку, лоснящуюся, блестящую. Ничего вроде, да? Да, ничего. Нормально. А ну-ка вот эту померяй. Мужичок примеривает другую меховую кепку, светло-серую с голубоватым отливом. Кепка большая, объемистая, переливающаяся. О, вот эта хорошая, тебе идет, да, вроде ничего, хорошо смотрится, и на голове сидит, как влитая, мужичок поворачивается из стороны в сторону и смотрит в зеркало. Видно, что ему очень нравится светло-серая меховая кепка с голубоватым отливом, и жена одобрительно смотрит на него.

Стенд с женскими шапками. Шапки разные, большие и поменьше, высокие и беретобразные. По большей части из меха или из чего-то, напоминающего мех. В основном совершенно чудовищных конструкций и расцветок. Особенно одна шапка поразила. Что-то такое накрученное, наверхенное, свисающее бахромой, бесформенно-огромное, топорно-вычурное. Если бы Алла Борисовна Пугачева с ее манерой одеваться не была популярной московской певицей, а была бы курянской со средним достатком, она бы обязательно купила и носила такую шапку.

В рыночном павильоне торгуют съестным. Бабушки русского народного вида продают овощи, соленья, семена. Вот у одной бабульки — большие горы семечек трех видов. Семечки «Лакомка» — самые

дорогие, по 16 рублей стакан, красивые, черно-блестящие, аккуратные, пригожие. «Маслѐнка» — тоже ничего, но не такие великолепные, как «Лакомка», обычные, нормальные семечки, по 12 рублей. Есть и третья горка семечек, рядом лежит картонка, на которой написано «Птичкам». Семечки «Птичкам» — чрезвычайно убогие, серовато-грязные, отвратительные. Некоторые семечки поломаны и раздавлены, на многих отсутствует шелуха. Кажется, что эти семечки как-то специально избивали и мучили перед тем, как выставить на продажу. Стоят семечки «Птичкам» какие-то жалкие 8 рублей. Семечки «Лакомка» отличаются от семечек «Птичкам», как Сокол от Капотни, как «Красная стрела» от поезда Волоколамск — Ржев, как BMW седьмой серии от румынского автомобиля «Дачиа» 70-х годов выпуска, гордости диктатора Чаушеску. Целая пропасть между этими двумя сортами семечек. А посередине — «Маслѐнка». Голд, классик и лайт. Премиум, стандарт и бюджетный класс. Всюду брендинг, всюду маркетинг, всюду жизнь.

Потенциальный покупатель спрашивает у веселой бабульки: а это ваша картошечка? Моя, сынок, моя. А свекла? Тоже моя, а чья же еще? А вот лучок — тоже ваш? Мой, сынок, мой, и картошка, и лук, все мое, — делает широкий охватывающий жест, — все, все мое! И заразительно смеется.

Рядом — несколько фруктовых рядов. Там совершенно другая атмосфера, сухая и отчужденная, как в супермаркете. Из нескольких десятков продавцов обнаружен только один кавказец, остальные русские.

Дальше — мясные ряды. Мясо, сало, субпродукты. Аккуратно отрубленное рыло свиньи. Куры, утки. Прилавок с зайцами. Зайцы разделаны и распластаны. Внутренностей у зайцев нет, только жилистое розово-белесое мясо. На заячьих лапах оставлен черный мех, судя по всему, специально. От этого длинные мертвые заячьи лапы похожи на камыши.

Поднялся на второй этаж, на галерею, квадратом окружающую помещение рынка. Там ничего интересного — какие-то небольшие магазины одежды, кондитерских изделий, еще какой-то ерунды. Зато интересно смотреть сверху на мясные ряды. Мясо и люди. Люди и мясо, почки, сердца, языки, печень, сало. Люди режут мясо и покупают мясо. Много мяса, и много людей среди мяса.

Вышел на улицу Дзержинского, огляделся. Вокруг просто море всякой торговли. Вот торговый центр «Покровский». Он очень сильно отличается от торгового центра «Гринн». Прежде всего, своей обшарпанностью и общим убожеством. Этот так называемый торговый центр — просто каре старых домов, в которых расположилось множество мелких неказистых магазинчиков, а посередине — обычные торговые ряды. Народу мало, товары жалки.

Совсем рядом — другой торговый центр, «Сосновский». Не такой внушительный, как «Гринн», но и далеко не такой ничтожный, как «Покровский». Просто большой старый дом, внутри которого все снесли и оборудовали торговые помещения. Побродил по «Сосновскому». Опять маленькие магазинчики, специализация магазинчиков пугающе разная, от свадебных платьев до крепежных изделий.

В салоне свадебных платьев — пусто, светло и бело, и почему-то возникают очень отчетливые похоронные ассоциации. В магазине крепежных изделий огромный стенд, на котором в четком порядке расположены десятки, если не сотни, болтов, шурупов, гаек, винтов. Вспоминаются инсталляции Кабакова. Чьи это болты? Это болты Нелли Петровны. Где гайка Маргариты Николаевны? Она у Михаила Иосифовича.

Одна продавщица говорит другой: все будет хорошо, я тебе даю установку, как Кашпировский: все будет хорошо, все будет хорошо, и делает над головой собеседницы страшноватые пассы.

Магазинчик, где продаются фляжки, стаканчики, зажигалки и другие нелепые сувениры. Болтают две молодые продавщицы, одна по ту, другая по эту сторону прилавка. У обеих в руках мобильные телефоны. Смотри, какая классная — продавщица нажимает кнопку, и из хилых динамиков доносится ритмичное бдын-бдын-бдыщ. Секунд двадцать слушают, замороженные. Да, клево, слушай. А когда я на своего злюсь, я на его звонки вот такую ставлю, слушай. Из телефона доносится другое бдын-бдыщ, мало отличимое от первого. Ой, здорово как, я тоже такую хочу, дай скачать, девушки включают блютуз, и бдын-бдыщ перетекает из одной «раскладушки», розовенькой, в другую, серебристую.

Ходил по курским магазинам часа четыре. Сколько можно. Решил съездить в Коренную пустынь. Это такой монастырь в тридцати километрах к северу от Курска, в поселке Свобода, один из важнейших центров православного паломничества. Там хранится

список с чудотворной богородичной иконы, которая так и называется — «Коренная». Оригинал в силу исторических обстоятельств находится за границей. Побывать в Курске и не посетить Коренную пустынь было бы немного странно.

Середина дня, часа три, зашел в Знаменский собор на Красной площади, спросил тамошних бабушек, как добраться до Коренной пустыни. Бабушки сказали, что от Введенской церкви недалеко от вокзала каждые полчаса ходят маршрутки, очень удобно. Насчет расписания они точно не знали, но вроде часов до семи или до восьми должны ходить, или даже позже.

Введенская церковь, аккуратная и ухоженная, стоит посреди довольно безобразного места. Вокруг — кособокие, вросшие в землю домики частного сектора, несколько пятиэтажек, какие-то замызганные ларьки... И тут же, рядом с автобусной остановкой, бодрыми темпами строится торговый центр, большой, яркий и пестренький, похожий на торговый центр «Варшавский» в Москве, рядом с одноименной станцией метро. Строящийся торговый центр чудовищным образом контрастирует с окружающей серо-патриархальной обстановкой.

Прождал на остановке почти час, скопилась огромная толпа пассажиров. Подъехала Газель, и в нее ментально втиснулось невероятное количество людей, они набили своими телами все внутреннее пространство микроавтобуса, они были готовы целый час ехать, согнувшись в три погибели, ужас. Что же делать. Что же делать. Минут через десять пришел автобус — старый желтый Икарус, и все, кто не

смог влезть в маршрутку, влезли в Икарус, тоже дикое количество народа, ну ничего, как-нибудь.

Окна Икаруса равномерно покрыты грязью, сквозь них совсем ничего не видно, то есть вообще. В салоне горят только три лампы, темно, тесно. А что делать.

В полшестого приехали в Свободу. Зашел в крошечное помещение автостанции, посмотрел расписание — последний автобус на Курск отправляется ровно в шесть. Кассирша подтвердила. Сказала, что есть еще маршрутка, но последняя идет тоже примерно в шесть. А сколько до монастыря идти, не подскажите? Да тут рядом, минут семь ходьбы.

Ладно, раз приехал, надо идти, а там посмотрим. Очень быстрым шагом добрался до ворот обители минут за пятнадцать, по территории монастыря до храма еще очень далеко пришлось идти... Невысокий, но просторный храм, полумрак, только-только началась всенощная, тец читает девятый час, народу всего человек десять, спрашиваю у монаха, как можно отсюда в это время выбраться, он говорит, уже никак, последний автобус в шесть, а до электрички семь километров пешком, но можно здесь переночевать, это не вариант, уже куплен билет на поезд, да и вообще. Поклонился святыне и ушел.

А и хорошо. Смысл паломничества — в том, чтобы совершить поклонение, и чтобы пожертвовать ради этого некоторым количеством времени, сил и средств. И все. Остальное — впечатления, ознакомление с достопримечательностями, возвышенные переживания — необязательно, опционально. Есть — хорошо, нет — ничего страшного. Вот так

и получилось. Паломничество в чистом виде — пришел, поклонился, ушел. Слава Богу.

Может, еще успею на маршрутку. Почти прибегаю к автостанции. Пусто, темно, автостанция закрыта. Ни души.

Вообще место довольно глухое. Дорога, ряд деревенских домов, несколько тусклых фонарей. Тихо, безлюдно. Но даже в таком глухом месте имеется довольно большой продуктовый магазин, светлый, хорошо оборудованный, открытый до одиннадцати вечера, с неплохим ассортиментом. Как-то неправдоподобно хорошо на курской земле с магазинами. Спросил у продавщицы, не приходила ли маршрутка и не ожидается ли какой-нибудь еще транспорт. Маршрутка уже ушла, другого транспорта до утра не будет. Поголосуйте на дороге, может, кто подбросит.

Стоял, голосовал. Машины проезжают примерно раз в три минуты. Проезжают мимо, не останавливаются.

Что делать, что делать. Еще какое-то время пытаться остановить машину, если не получится — идти в монастырь и проситься на ночлег. Билет на поезд — коту под хвост. И еще целый день ошиваться в Курске. Да... Что называется, попал. Зато побывал в Коренной пустыни, что не может не радовать.

У магазина остановилась машина с черными на оранжевом таксистскими шашечками. Водитель что-то купил в магазине, вернулся к машине. До Курска не подбросите? Опоздал вот на автобус. Вообще-то, я не собирался ехать, но ладно, если нормально заплатите, давайте отвезу. Деньги есть?

Есть, есть. Ура.

Вышел на улице Ленина, главной улице Курска. Только недавно было бесприютно, одиноко, тревожно и немного безнадежно, а теперь – хорошо, комфортно, уютно. Улица Ленина освещается не столько уличными фонарями (они довольно тусклые, мертво бледные), сколько витринами бесчисленных магазинов. На расстоянии примерно пятидесяти метров друг от друга, наискосок через дорогу – два одинаковых салона «Евросет». В пределах зрительной досягаемости – огромный супермаркет и несколько немаленьких продуктовых магазинов. Курпеческий город Курск.

В ресторанчике за соседним столиком – молодая пара, судя по всему, студенты, из, как это говорится, хороших семей. Формат их общения можно обозначить как «воркование». Доносится фраза: вот мы сейчас сидим здесь, разговариваем, а я все вспоминаю тот наш с тобой эпизод на Хрущева...

Эпизод на Хрущева. Это проспект такой есть в Курске. Наш эпизод на Хрущева.

Очень отчетливо почувствовал, что не могу больше слушать речи курян, произносимые ими при совершении актов потребления. И еще почувствовал чистую, незамутненную радость от осознания того, что на вокзале уже ждет фирменный поезд «Соловей» и что примерно через десять часов буду уже в Москве.

По этому городу трудно ходить. В самом прямом смысле. Потому что все тротуары, дорожки и другие участки земли, предназначенные для пешего передвижения, покрыты льдом. Скользким серым льдом. Без какого-либо намека на песок и другую обработку. Просто скользкий серый лед.

Люди ходят по скользкому серому льду, скользят, падают. От человеческого хождения лед становится еще более скользким.

Еще здесь разрыта земля рядом с вокзалом. Прорыли какие-то траншеи и, кажется, бросили. По крайней мере, в будний день в рабочее время никаких работ не велось.

Рядом с вокзалом стоит одноэтажный кирпичный домик с полностью сгоревшей крышей. Рядом с вокзалом валяются в больших количествах какие-то железки. Судя по всему, строительные. Еще рядом с вокзалом стоит большая бревенчатая церковь, новая, красивая.

Сам вокзал со стороны путей прикрыт какой-то гигантской тряпкой. Она неряшливо свисает с крыши. Вокзал на ремонте, хотя и продолжает работать. Ни суеты строительных рабочих, ни деловитого копошения строительной техники не видно, как, впрочем, и самих рабочих и техники. Может, деньги кончились, кто знает.

Рядом с этим вокзалом останавливается самая знаменитая русская электричка — Москва — Петушки. Да, речь идет именно о Петушках, райцентре во Владимирской области, в двух часах езды от Москвы.

Я вышел на улицу, отходящую от привокзальной площади перпендикулярно железной дороге, и пошел в сторону центра. Мне была нужна библиотека.

На ветхой избушке табличка: «Ул ЛЕН Н». На другой избушке, чуть менее ветхой, табличка: «л. ЛЕ ИН». На красивом новеньком коттедже табличка: «Улица Ленина». Аккуратная такая синяя табличка с белыми буквами. Других подобных зданий и табличек я в городе не заметил (хотя они наверняка есть).

Бабулька шла-шла, поскользнулась, но не упала.

Мужичок шел-шел, поскользнулся, упал. Встал и пошел дальше. Опять поскользнулся, но не упал, устоял.

Я тоже поскользнулся, но не упал. И так было еще раз двадцать или тридцать.

Частный сектор кончился, началась городская застройка. Серые пятиэтажки. Дом культуры. Главная площадь — пустая, равномерно покрытая серым скользким льдом. Площадь окружает непонятно что — какая-то замусоренная пустота. С одной стороны — дом культуры. С другой — какие-то кустики, ларек Роспечати, торец пятиэтажки, еще что-то такое...

Я люблю русскую провинцию. Люблю очаровательную кособокость маленьких русских городков. Даже пятиэтажки люблю — жить в них ужасно, но в их облике есть что-то смиренное, аскетично-прекрасное. Я не фанат порядка и регулярности, подстриженных газонов и вымытых с шампунем тротуаров. Облезлый

серый бетонный фасад не вызывает у меня отвращения, вид брошенного мимо урны окурка или валяющейся на дороге пивной банки не вызывает у меня приступа праведного цивилизационного гнева. Я все это понимаю, принимаю и, как уже было сказано, люблю. И еще: когда я еду в какой-нибудь незнакомый город, я всегда заранее по-доброму к нему настроен. Он мне заранее, заочно нравится. И, как правило, разочарований не происходит.

Но тут меня пробрало. Город выглядит без преувеличения безобразно. В прямом смысле этого слова — никакого образа, никакой цельной картины, лишь набор случайно, как попало расставленных неказистых объектов. Причем, нельзя сказать, что картина поражает каким-то особым убожеством. Нет, обычный, в принципе, город, обычные дома и магазины, по улицам ездят красивые машины (за примерно час прогулок по Петушкам мне встретились две старые, «двадцать первые» «волги» в идеальном состоянии, сверкающие и великолепные, одна ярко-синяя, другая черная). Все по отдельности вроде бы вполне сносно, но общая картина как-то до ужаса уныла и... да, именно безобразна, другого слова не подберешь. И кругом этот лед, скользкий серый лед.

Я шел по улице Маяковского, скользил, спотыкался и думал о библиотеке города Петушки. Моему воображению рисовались мрачные картины. Никому не нужное, жалкое, крошечное учреждение с одинокой сонной библиотекаршей в пустом читальном зале. Ветхие стеллажи с потрепанными, никому не интересными книгами, оставшимися от старых советских времен. Упадок и запустение.

А оказалось все совершенно иначе. Как поется в одной хорошей песне, да только вышло по-другому, вышло вовсе и не так.

Библиотека располагается в первом этаже жилой пятиэтажки. Небольшой холл уставлен картонными коробками с, кажется, мебелью, пачками книг. До открытия еще полчаса, но жизнь в библиотеке, что называется, кипит. Директор, представительная интеллигентная дама, сославшись на необходимость срочно ехать «в область», отвела меня в кабинет, где за новенькими жидкокристаллическими мониторами сидели три других интеллигентных дамы. Вот поговорите с товарищем, из Москвы корреспондент приехал, расскажите о нашем житье-бытье. Вы уж извините (обращаясь ко мне), что не могу вам уделить внимание — в область надо ехать. И уехала в область.

162

Из того, что за полтора часа рассказали мне Валентина Михайловна, Алла Леонидовна и Галина Ивановна, стало понятно, что я посетил библиотеку Петушинского района в момент ее наибольшего процветания за последние двадцать лет. Все оказалось не только не так плохо, как я предполагал, а напротив, довольно-таки хорошо. В чем-то даже прекрасно. Хотя и не во всем.

Наконец-то президент повернулся к нам лицом, сказала Валентина Михайловна.

Наконец-то власти обратили на нас внимание, сказала Алла Леонидовна.

Наконец-то нам дали нормальное финансирование, сказала Галина Ивановна.

В 2007 году Петушинской районной библиотеке из федерального бюджета был выделен один миллион

рублей. По нашим столичным миллиардным меркам это сущие копейки, а для районной библиотеки – серьезные деньги. После многолетнего перерыва возобновилось поступление в библиотеку новых книг. Библиотека была полностью компьютеризирована, подключена к интернету, закуплена новая мебель.

Районная библиотека координирует работу еще двадцати пяти библиотек – сельских, деревенских. В небольших деревеньках петушинского района работают небольшие библиотеки. Жители небольших деревенок читают книги, периодику. Для сотрудников сельских библиотек периодически устраиваются семинары, повышение квалификации. Вот оно, оказывается, как.

В библиотеках Петушинского района зарегистрировано двадцать тысяч читателей. Это при том, что население Петушков составляет примерно 18 тысяч, а всего района – 76 тысяч. Больше четверти всего населения, в том числе сельского, пользуется библиотеками. Поразительная цифра.

Вот только зарплаты у нас маленькие, сказала Валентина Михайловна.

Шесть тысяч всего, сказала Алла Леонидовна.

А пенсия у бывших библиотекарей – три тысячи в среднем, сказала Галина Ивановна.

Зарплата у библиотекарей выросла до шести тысяч только после поворота президента лицом по направлению к библиотечной отрасли. А раньше, когда президент был повернут к библиотечной отрасли спиной или боком, зарплаты были еще меньше.

Ну и как на такие деньги можно прожить, риторически спросила Валентина Михайловна.

А коммуналка у нас, между прочим, две тысячи в месяц, сказала Алла Леонидовна.

Никак на такие деньги не проживешь, сказала Галина Ивановна.

При этом каждая из моих собеседниц проработала в библиотеке не один десяток лет. К нам если человек приходит работать, то он или сразу сбегает, или, если не сбегает, то уж остается на долгие годы, сказала Алла Леонидовна. Всего в библиотеке пятнадцать сотрудников. Нужно еще, кадров не хватает. Катастрофически не хватает сотрудников со специальным, библиотечным образованием. В колледже культуры на библиотечном отделении учится то ли шесть, то ли восемь человек, не больше.

А раньше, когда я поступала, конкурс был восемь человек на место, сказала Валентина Михайловна.

Спрашиваю, что же удерживает этих образованных, умных и интеллигентных женщин здесь, в библиотеке, при практически полном отсутствии материального стимулирования. Спрашиваю, и знаю, что они ответят. И, к счастью, они говорят именно то, что я ожидал услышать.

Профессия для нас — не пустой звук, сказала Валентина Михайловна.

Мы любим свою работу, сказала Алла Леонидовна.

Неизвестно еще, что важнее — деньги или возможность делать хорошее, нужное дело, сказала Галина Ивановна.

«Мы любим свою работу» — так многие говорят. Такое частенько можно услышать от разнообразных столичных менеджеров и прочего офисного пролетариата. «Мы любим свою работу, вау». Только вот

когда слышишь это от менеджера, сразу становится понятно, что любит он не саму работу, а те реальные и, в большей степени, воображаемые бонусы, которая она приносит (статус, деньги, образ жизни). Потому что любить работу менеджера — это все-таки очень трудно, на грани возможного. Такое мало кому под силу.

А когда такое говорят библиотекари петушинской районной библиотеки — как-то им веришь. Да, они действительно любят свою работу. Потому что с бонусами тут не густо.

Библиотеку посещает в среднем около пятидесяти человек в день. Читательская аудитория состоит из двух групп — учащаяся молодежь и пенсионеры. Люди работающие в библиотеку не ходят. Вообще. Разве что как редкое исключение. Молодежь берет учебники и справочную литературу, пожилые — массовое чтиво типа Донцовой, книги исторической тематики, периодику (видел на стенде «Роман-газету» — я думал, ее уже давно не существует). Классику, что русскую, что зарубежную, читают очень мало.

Читатели не только берут почитать библиотечные книги, но и дарят библиотеке свои собственные. Много дарят того самого бульварного чтива — такие книги не ставят на полку, не перечитывают. Прочитал один раз — и отнес в библиотеку. Пусть другие почитают.

Однажды нам целую пачку «Госпожи Бовари» подарили, сказала Валентина Михайловна.

Даже не знаем, кто это был, сказала Алла Леонидовна.

Утром приходим на работу, а на пороге — пачка книг, двадцать штук, сказала Галина Ивановна.

Впрочем, нынешнее библиотечное оживление может скоро закончиться. Валентина Михайловна рассказывает, что над библиотекой дамокловым мечом висит федеральный законопроект, согласно которому все библиотеки должны финансироваться только из бюджетов городских и сельских поселений, а поступления из федерального центра и субъектов федерации прекращаются. Это вернет всю ситуацию с библиотеками фактически в 90-е годы, то есть попросту убьет библиотечное дело в российской провинции. В частности это будет означать полное упразднение сельских библиотек. Валентина Михайловна со смехом рассказывает, что в неких инстанциях есть «чудесный» план – ликвидировать все деревенские библиотеки и заменить их «библиобусами» – передвижными библиотеками. Один такой библиобус уже есть – автобус с книжками и читальным мини-залом колесит по Ленинградской области. Представляете, вместо библиотеки – какая-то автолавка, говорит Валентина Михайловна. По ее словам, если закон будет принят, ни о каком библиобусе в Петушках нечего будет и мечтать – на его покупку денег в городе не найдется никогда.

А что, спрашиваю, в девяностые люто, наверное, было. Да даже не люто, а просто ничего не было, отвечает Алла Леонидовна. Просто ничего не было, вообще ничего. Как выжили, как библиотеку сохранили, до сих пор непонятно. Чудо.

Но мы не унываем, надеемся на лучшее, сказала Валентина Михайловна.

Бог даст, не примут этот закон, только ведь налаживаться все стало, сказала Алла Леонидовна.

Все-таки, президент повернулся к нам лицом, сказала Галина Ивановна.

Галина Ивановна провела меня по помещениям библиотеки. В читальном зале царил беспорядок, впрочем, у него был приятный повод: привезли и устанавливают новую мебель. На одном из столиков — два только что распакованных компьютера. В книгохранилище — ряды стеллажей, уставленных многочисленными и довольно потрепанными книгами — в основном, наследство советской эпохи. Большой, тщательно подобранный краеведческий раздел. В отделе комплектования, которым, собственно, и заведует Галина Ивановна, — стопки совсем новых книг. Разных — учебников, книг для детей. Есть и современная литература — Прилепин, Дмитриев, Улицкая, Быков, Слаповский. Галина Ивановна рассказывает, что, каждый раз бывая в Москве, изучает новинки современной литературы, но заказывает мало и осторожно: знаете, говорит Галина Ивановна, у меня такое ощущение, что большинство книг современных российских писателей в состоянии читать только, извините, сумасшедшие. Нормальный человек такое читать не будет.

Хотел было сказать Галине Ивановне, что и пишут эти книги по большей части люди, которых нормальными назвать затруднительно, но не стал. Из соображений писательской солидарности.

Галина Ивановна берет в руки какую-то красивую детскую книгу в твердом переплете и говорит: такую книгу и в руках подержать приятно, ведь правда?

Правда.

В библиотеку пришел дедушка. Симпатичная молодая сотрудница, сидящая на, как бы сказали

в Москве, ресепшене, разговаривала с дедушкой не как с клиентом, а как с добрым соседом. Дедушка вернул какую-то книжку и взял две других, по виду — старых, советских. В названии одной из них присутствует слово «выстрел» — про войну что-нибудь, наверное. Дедушка ушел, и тут же прибежала девушка, старшеклассница или студентка. Быстренько взяла какую-то толстенную книженцию и убежала. Получилось, что передо мной промелькнули представители двух основных категорий читателей — пенсионеров и молодежи.

У нас замечательный коллектив, практически семья, сказала Галина Ивановна. Бывает, допоздна засиживаемся. У нас тут литобъединение «Радуга» собирается, оно уже больше сорока лет действует. Что, и молодые литераторы есть? Да, и молодые тоже есть. Стихи пишут, рассказы.

У нас, можно сказать, очаг культуры, сказала Галина Ивановна.

Мы привыкли, что словосочетание «очаг культуры» произносится с иронией, и при его произнесении надо иронично улыбнуться. А тут почему-то не захотелось иронически улыбаться, даже про себя. Потому что действительно — очаг культуры. В полном смысле этих затасканных слов.

Иду к станции, впереди меня идет семья — коренастый мужичок в кожаной куртке, дородная высокая дама в длинной шубе. Они держат за руки маленького мальчика в комбинезончике и валенках. Мальчик то и дело поскользывается и не падает только потому, что его придерживают за руки родители. Пытаясь удержать мальчика от падения, мужичок

и дама сами то и дело чуть не падают. У дамы к тому же высокие каблуки.

Очень скользко.

Перед входом в какой-то магазинчик видны следы воздействия человека на лед. Примерно два квадратных метра ледяной поверхности тротуара истыканы ломом. Человек взял ломик, подолбил им лед несколько минут, умаялся и бросил это бесполезное занятие.

Какой-то паренек поскользнулся и упал. Полежал, встал. Пошел, скользя.

Подумалось, что у молодого человека, живущего в таком городе и имеющего склонность к самовыражению посредством художественного слова, есть все шансы вырасти в мрачного гения, певца тотальной абсурдности и бессмысленности, и литобъединение «Радуга», по идее, должно изобиловать новыми местными кафками, беккетами и ерофеевыми (венедиктами). Но, скорее всего, дело, увы, ограничивается подражанием «деревенской» прозе 70-х, складно рифмованной «любовной лирикой» и стихами о «природе родного края».

А вдруг нет?

УГОЛЬНАЯ ДЕПРЕССИЯ

Мы с Женей идем по району Красная Горка к его дому. Евгений Некрасов — музыкант и пользователь «Живого журнала». В информации о пользователе в графе «местоположение» у него стоит ссылка «Прокопьевск». Если кликнуть по этой ссылке, открывается список прокопьевских ЖЖ-юзеров, состоящий из одного Евгения. Других пользователей «Живого журнала» в Прокопьевске нет.

170

Район Красная Горка представляет собой массив двухэтажных, когда-то желтых, а ныне неопределенного цвета домов, построенных в 40-х или 50-х годах прошлого века. Во дворах (пустых территориях между домами) длинными рядами стоят деревянные сараи. Сараи поделены на небольшие отсеки, каждый отсек принадлежит отдельной семье. В сараях хранится уголь. Потому что в Прокопьевске очень распространено печное отопление. Есть и центральное, но во многих домах — только печное.

Из труб идет дым. И сильно пахнет углем. Вернее, продуктами его сгорания.

Это Сибирь, Кузбасс, Кемеровская область. Угледобывающий регион, шахтерский город. Двести с лишним тысяч жителей. Смысл существования города Прокопьевска практически полностью заключается

в угле. В его добыче. Прокопьевск, как и многие другие шахтерские города, например, Донецк, возник как конгломерат шахтных поселков. Открывались шахты, люди приезжали работать, селились вокруг шахт в избушках и бараках, эти полустихийные поселки разрастались и постепенно срослись в огромный город. Вернее, не город, а территорию сплошного хаотичного заселения.

Идем по Красной Горке. Мороз, снег, лед. Народу — никого.

Проходим мимо приземистого нежилого здания, обшитого ярко-желтым современным строительным материалом (кажется, это называется «сайдинг»). Дверь без вывески. Окон нет. Женя говорит, что это здание стоит здесь уже лет десять, и никто из жителей до сих пор не знает, что там расположено. Как-то все дружно понимают, что лучше этим не интересоваться.

Проходим мимо приземистого нежилого одноэтажного здания, старого, убогого, вросшего в землю. Это овощехранилище, поясняет Женя.

Проходим мимо длинного белого (когда-то) двухэтажного здания. Деревянная дверь, вывеска «Общежитие». В некоторых окнах горит свет, хотя на улице светло. Одно окно занавешено красно-белым шерстяным одеялом. Из другого окна доносится поп-музыка.

Люди приезжают из отдаленных деревень работать на шахту «Красногорская». Им дают комнаты в этом общежитии. И они живут там, в комнатах этого общежития. Включают свет, занавешивают окна одеялами, слушают поп-музыку.

Среди двухэтажных облезлых домов и угольных сараев возвышается гигантское помпезное здание Дома культуры. Вероятно, это Дом культуры шахты «Красногорская». Величественный портик с колоннами. Обрывки афиш. Стены здания выглядят так, словно по ним вело ураганный огонь небольшое мотострелковое подразделение. Трудно понять, действует Дом культуры или нет.

Какой ужас, говорю я. Да, говорит Женя и усмежается.

Вдруг обнаруживается человеческое присутствие. Нам навстречу по дорожке идет мать с дочерью лет восьми. Мать пьяна. Сука ты такая, произносит мать в адрес дочери, а потом произносит еще некоторые слова. Дочь убегает от матери и, пробегая мимо нас, закрывает лицо руками. Мать бросается вдогонку, но у нее плохо получается. Стой, сука, стой, сюда иди, произносит мать, спотыкается и падает в снег.

Здесь таких много, говорит Женя.

Район Красная Горка единолично «держит» некий вор в законе. На него работает многочисленная банда подростков-пирааний, которые готовы без промедления растерзать и закатать в асфальт любого, на кого им укажет патрон. Впрочем, для закатывания кого-либо в асфальт им не обязательно дожидаться указаний патрона. Они могут это сделать по собственной инициативе, жертвой может стать любой подвернувшийся под руку человек. Например, чужак, случайно или специально забредший в район Красная Горка.

Вот здесь раньше был детский городок, всякие качели, горки, карусели, говорит Женя и показывает

на совершенно пустую площадку, поросшую какими-то чахлыми кустиками. Она простояла всего несколько месяцев – все разломали, растащили, разграбили. Металл.

Сидим у Жени на кухне, пьем чай, обсуждаем план действий (Женя любезно согласился помочь мне в ознакомлении с городом). Я говорю: может быть, просто погуляем для начала по городу, потом вечером посидим где-нибудь. Нет, говорит Женя, гулять тут особо не стоит, если, конечно, целью прогулки не является получение тяжелых телесных повреждений и утрата денег, телефона и верхней одежды. «Посидеть» здесь тоже негде. Вернее, есть несколько мест, но туда лучше не ходить. Город совершенно бандитский. У молодежи, да и не только у нее, два основных развлечения – бухать и бить друг другу морды. Есть еще третье, дополнительное развлечение – употребление героя. Тоже очень популярное.

Значит, спрашиваю, у вас тут продолжают девяностые? Нет, говорит Женя после некоторой паузы, не девяностые. Гораздо хуже.

Выяснилось, что единственный относительно безопасный способ передвижения по городу – такси. А «посидеть» потом лучше у меня, предложил Женя. И я согласился.

Едем по городу на такси. Водитель похож на некогда знаменитого нижегородского футбольного тренера Валерия Овчинникова по прозвищу «Борман» (это прозвище не таксиста, а тренера). Как и практически всякий таксист в подобной ситуации, он обильно и, надо сказать, содержательно комментирует проплывающие мимо виды и объекты.

В городе много угольных шахт. Большинство из них работает, цены на уголь растут, добыча угля приносит прибыль. На станции Прокопьевск стоят длиннющие составы, груженные углем. Шахты выглядят страшно. Проезжаем шахту «Коксовая» прямо в центре города. Все шахтные строения — черные, рядом с наклонными галереями, по которым транспортируется уголь — кучи угля, по ним ползает грязно-желтый бульдозер, пытаясь придать кучам требуемую форму. Вокруг шахты — уже не кучи, а огромные горы угля, присыпанные снегом. Так осуществляется хранение угля.

Зарплата шахтера на большинстве шахт, например, на «Красногорской», — 7–8 тысяч рублей. Есть и более благополучные шахты, где можно заработать адским шахтерским трудом тысяч пятнадцать. Недостатка в кадрах шахты не испытывают — молодому здоровому мужику, не окончательно спившемуся и не имеющему специальных профессиональных навыков, больше податься некуда, только в шахтеры.

Есть еще несколько заводов — «Электромашина» (там, помимо всего прочего, делают дизельные двигатели для подводных лодок), шахтного оборудования, оборудования пищевой промышленности (последний относительно процветает — его компактные мельницы пользуются повышенным спросом). Но все же главное место работы для местного населения, особенно мужского, — шахты.

Возможно, вы прочитали это и не испытали никаких особых эмоций. Ну, шахты. Ну, работают люди на шахтах. Мало ли кто где работает.

Да, люди работают в шахтах. Орудие их труда — отбойный молоток. Тяжелая штука. Очень. К тому же она чудовищным образом вибрирует, вгрызаясь в породу. Хрен ее удержишь в руках. Грязь, угольная пыль, больные легкие. И так целую смену, шесть часов. Периодически случаются взрывы газа, обрушения. Шахтеры гибнут, и на их места приходят новые шахтеры, потому что больше некуда им приходиться, только на эти освободившиеся места. И это — за семь тысяч рублей. Или восемь. Семь и даже восемь тысяч — это очень мало. Особенно если у тебя семья, дети, а у жены-продавщицы (допустим) зарплата — тысячи три. Или две (такие зарплаты тоже не редкость).

Ну а уж если шахтер как-то ухитрился устроиться на хорошую шахту и попасть в хорошую бригаду и получает в месяц целых пятнадцать тысяч — то жизнь у этого шахтера удалась, он — завидный жених, успешный человек, состоятельный мужчина в самом расцвете лет.

Как любили писать в советской прессе, «вдумайтесь в эти цифры». Пятнадцать тысяч. Восемь тысяч. Семь тысяч. Рублей. За работу под землей с отбойным молотком в угольной пыли.

Так-то.

Водитель, похожий на тренера Овчинникова, при Советской власти тоже работал шахтером. В те времена шахтеры зарабатывали очень большие деньги, но потратить их в Прокопьевске было практически не на что. Хоть на хлеб их намазывай, деньги эти, говорит водитель. За меховыми шубами для своих жен прокопьевские шахтеры из холодной Сибири ехали

в теплый Ташкент. Теплый Ташкент снабжался шубами весьма изобильно. За мебелью ехали в Алма-Ату. Еще шахтеры советского Прокопьевска любили летать на выходные в Европейскую часть СССР. На шахте можно было купить «путевку выходного дня» рублей за двадцать пять (для шахтера тогдашних времен — копейки) и поехать в Москву, Ленинград или Ригу. Отработал смену, переоделся, поехал в аэропорт, четыре часа — и ты в столице. Погулял по городу, съездил на экскурсию, покутил в ресторане, на следующий день опять погулял-съездил-покутил — и в аэропорт, домой, в Прокопьевск, в шахту, в угольную пыль, к отбойному молотку.

176

Теперь не то. Теперь в Прокопьевске можно купить если не все, что угодно, то довольно многое. Вот проехали мимо небольшого автосалона Chevrolet. Написано «кредит 0%». Интересно, что думают при взгляде на этот небольшой автосалон шахтеры шахты «Красногорская», получающие в месяц семь или восемь тысяч рублей.

Наверное, ничего не думают.

Промелькнул центр города — несколько сталинских зданий на проспекте Шахтеров. Потом замелькал бесконечный частный сектор — избушки, щитовые «финские» домики, бараки. Что-то, говорю, барачков много. Это разве много, говорит «Овчинников». Это так, пустяки. Если хотите увидеть много барачков, можем съездить в Березовую Рощу. Или в Ясную Поляну.

Конечно, поехали.

В Березовой Роще не видно берез. Потому что их здесь нет. Но вообще всякого дерева здесь много.

В основном, в форме жилых строений. Большинство из них — старые двухэтажные деревянные многоквартирные дома (таких много на Русском Севере) и — да, они самые, бараки.

Это такие одноэтажные длинные сооружения. С несколькими входами. Перекошенные, занесенные снегом. Сделанные непонятно из чего — из каких-то фанерных щитов, деревяшек, листов железа, из какой-то еще хрени. Некоторые окна замурованы картонками. Некоторые заиндевели снизу доверху. В некоторых горит свет. Некоторые просто выбиты.

Часть барачков расселена и подлежит сносу — из федерального бюджета в последние годы капают какие-то деньги, и жителей барачков мало-помалу переселяют в хрущевки и в новый микрорайон Тырган. Но в большинстве барачков продолжает тлеть жизнь. Хотя, возможно, в данном случае более уместно не слово «жизнь», а какое-то другое слово, которое я затрудняюсь подобрать.

Мимо барачков по улице (назовем это условно «улицей») идет, пошатываясь, пьяный дедушка. На голове у дедушки шапка-ушанка, представляющая собой плотный, слежавшийся комок концентрированного ужаса. Дедушка останавливается. Во рту у него что-то вроде окурка. Дедушка достает из кармана ватника спичечный коробок и пытается прикурить. У дедушки ничего не получается.

На обочине «улицы» стоит довольно новая «десятка». Мимо «десятки» идет хорошо одетая молодая женщина, толкающая симпатичную, ярких расцветок, детскую коляску. Женщина с коляской сворачивает к барачку, стоящему торцом к «улице»,

останавливается у одной из перекошенных дверей, берет на руки ребенка. Сейчас она войдет с ребенком в барак. Молодая хорошо одетая женщина и ее ребенок живут в бараке.

Ну что, в Ясную Поляну поедем? Да нет, не стоит. Березовой Рощи вполне достаточно.

Ладно, едем дальше. Останавливаемся у железнодорожного переезда, перегороженного шлагбаумом. Мигают красные фонари. Ждем. Наконец мимо проносится одинокий огромный зеленый электровоз ВЛ-10 с огромной желтой надписью «Тайга» на боку. Тайга — это такой железнодорожный узел на севере Кузбасса, там депо, к которому приписаны огромные зеленые электровозы, которые то и дело снуют по железной дороге вдоль Прокопьевска.

178

Огромные зеленые электровозы таскают из Прокопьевска длинные составы с углем.

Заехали в новый (относительно — брежневских времен) район Тырган. Здесь прокопьевская депрессивность немного рассеивается. Кварталы обычных девятиэтажек, даже довольно симпатичных, широкие улицы. Правда, дома выглядят как-то устало. Люди, живущие в этих домах, сильно устают на своих тяжелых работах, и их постоянное, длящееся годами, утомление пропитало стены этих домов.

Парк, аллея, уставленная танками, бронетранспортерами и другой мемориальной техникой. По словам «Овчинникова», здесь любят гулять жители Прокопьевска. Так сказать, любимое место отдыха горожан.

Потом проехали еще несколько поселочков. Переехали еще через несколько железнодорожных

переездов. Проехали опять по проспекту Шахтеров, мимо величественных, хоть и облезлых, жилых сталинских домов и гостиницы, мимо циклопических размеров городского драмтеатра (ощутимо больше нашего Большого). И вернулись на Красную Горку.

Вечер, мы с Женей сидим у него на кухне. Сидим не только в прямом, но и в переносном смысле. В том смысле, который вкладывается в выражение «хорошо сидим». Женя рассказывает мне о своей жизни в Прокопьевске, я ему — о своей в Москве.

Женя, как уже было сказано, музыкант. Большую часть своей жизни он провел в Томске, и лишь недавно по семейным обстоятельствам был вынужден переехать к родителям в родной Прокопьевск. В интеллектуально-университетском Томске Женя играл во многих местных альтернативных группах. Сейчас он пишет сложную, красивую, довольно мрачную электронную музыку — для этого не нужна группа, сцена, среда — только компьютер, музыкальный слух, композиторский талант. Все перечисленные компоненты в наличии имеются.

Спрашиваю: а есть в Прокопьевске какие-нибудь интересные группы? Да какие группы, говорит Женя даже не с досадой, а с каким-то стоическим спокойствием. Нет тут никаких групп, ни интересных, ни неинтересных. Не знаю, может, есть кто-то в глубоком подполье, сидит, не высовывается. Примерно, как я. Здесь если заниматься музыкой или, там, литературой, то это можно делать только одному, сидя в глубоком, герметичном подполье, чтобы о тебе никто ничего не знал и даже не догадывался.

Я спрашиваю еще что-то о музыке, творчестве и «культурной жизни», и Женя отвечает все с тем же стоическим спокойствием – нет, не было, не будет.

Несколько лет назад у Жени в Томске вышла книга стихов.

Женина мама, учительница английского, спрашивает меня: как же вы будете добираться? Не боитесь наших бандитов?

Боюсь, конечно. На такси поеду.

Мы еще некоторое время разговариваем, Женя записывает мне компакт-диск со своей музыкой.

Поздно уже. Пора ехать в гостиницу, в Новокузнецк. Вызываю такси, приезжает тот же водила – «Овчинников», о, здравствуйте, опять вы, да, я у вас уже постоянный клиент, до «Гостиного двора», пожалуйста. Поехали.

180

Останавливаемся у железнодорожного переезда. Шлагбаум закрыт, мигают красные огни, звенит звонок. Это вот – Усяты, говорит таксист и показывает на виднеющееся в темноте скопление тусклых огоньков и нагромождение небольших домиков. Так поселок называется – Усяты. Я тут вырос.

Наконец мимо проносится огромный электровоз ВЛ-10 с желтой надписью «Тайга» на зеленом боку.

АНГЕЛ МОЙ, ГОЛУБЧИК

Людмила Анатольевна говорит по телефону, а я жду, когда она закончит говорить. Правда, ждал я всего секунд семь или десять. Заметив мое ожидание, Людмила Анатольевна стала прощаться со своей невидимой собеседницей, закончив разговор словами: «целую тебя, ангел мой».

Разговор, кстати, был сугубо деловой. О подготовке какого-то мероприятия. Деловой телефонный разговор заканчивается словами «ангел мой».

Людмила Анатольевна — заведующая орловским музеем Тургенева. Орел — место повышенной концентрации литературных музеев. Здесь есть музеи Тургенева, Лескова, Л. Андреева, Бунина, Грановского, музей писателей-орловцев (с экспозициями, посвященными Фету, Пришвину, Зайцеву и другим литераторам). Есть еще и Орловский объединенный государственный литературный музей, филиалами которого являются перечисленные музеи. Такой вот музейный куст, конгломерат. Все перечисленные писатели либо родились и жили в Орле, либо, родившись в других местах, жили и работали в этом городе.

И почти все эти музеи сконцентрированы на очень небольшой территории в самом центре этого небольшого симпатичного города. Идешь — музей

писателя. Еще немного прошел — опять музей, но другого писателя. Свернул за угол — снова музей писателя, еще одного.

У Людмилы Анатольевны просторный, но скромно, даже аскетично обставленный кабинет — стол, полки с книгами, другой стол, на котором стоит довольно старый компьютер со старым 14-дюймовым монитором и еще более древним матричным принтером. Эта техника вовсе не производит впечатления какого-то убожества — нет, кажется, здесь более современная аппаратура просто не нужна и выглядела бы даже несколько неуместно.

Людмила Анатольевна рассказывает о музее Тургенева, в котором она проработала не один десяток лет. Музей основан сразу после войны, в 1946 году, но коллекцию начали собирать еще в 80-е годы позапрошлого века — уже тогда среди местной интеллигенции существовал своего рода тургеневский культ, и почитатели писателя стали понемногу собирать документы и предметы, связанные с Тургеневым. Изначально орловский музей Тургенева составлял одно целое с музеем в усадьбе Спасское-Лутовиново. Примерно с конца 50-х начался настоящий музейный бум, достигший своего пика в 70-е. Советские люди в массовом порядке пристрастились к туристическим поездкам и экскурсиям, благо государство это дело поощряло. К музею Тургенева один за другим подъезжали экскурсионные автобусы. Пока один экскурсовод еще рассказывал своей группе о последних годах жизни Ивана Сергеевича, другой уже заводил речь о предках писателя, и новая толпа взрослых или детей внимала ему. Не было отбоя от иностранных делегаций. За год через

музей (вместе со Спасским-Лутовиново) проходило примерно 150 тысяч посетителей—огромная цифра даже по мировым масштабам.

Одновременно с туристическим бумом достиг своего апогея культ Тургенева в Орле. Уже в 60-е годы слоган «Орел—город Тургенева» утвердился в качестве чуть ли не официального. Под эгидой музея проходили многочисленные научные конференции, орловские музейщики активно участвовали в академическом издании Русского музея, посвященном Тургеневу...

В 80-е всему этому великолепию пришел конец. Сначала Спасское-Лутовиново отделилось от орловского музея и вдобавок обрело статус мемориального и природного заповедника федерального значения. А региональный и федеральный статус в музейном деле (да и в любом другом)—это, как сказала Людмила Анатольевна, небо и земля. Сначала Спасское со своим федеральным статусом оттянуло на себя львиную долю посетителей, потом наступила перестройка, и людям стало не до поездок по тургеневским местам. Есть такой литературный штамп—«бурный поток превратился в пересыхающий ручеек». В данном случае он уместен—именно такая метаморфоза произошла с посещаемостью музея в конце восьмидесятых.

Девяностые годы Людмила Анатольевна обозначает словом «обморок». Музей, разумеется, не умер, но на десятилетие застыл в летаргическом сне. Редкие посетители, еще более редкие туристические группы. Материальные проблемы, скудное финансирование, мизерные зарплаты сотрудников.

Вы, наверное, уже поняли, что произошло дальше, в двухтысячные. Правильно: в двухтысячные все стало «налаживаться». Летаргический сон сменился пусть и не особенно активным, но все-таки бодрствованием. Заметно прибавилось посетителей — до советских заоблачных показателей по-прежнему далеко, но от 12 до 17 тысяч посетителей в год — тоже неплохой показатель (средний уровень провинциального западноевропейского музея аналогичного профиля). Возобновилась научная и издательская работа. Более того, в последние годы наблюдается взлет литературного краеведения. (Тут я услышал довольно-таки поразительные вещи.) Оказывается, во времена советского музейного бума вся Орловская область оказалась покрыта сетью маленьких районных и сельских музеев и музейчиков. В каждом райцентре, во многих селах и даже деревнях. Везде, где ступала нога Тургенева, где он бывал в гостях, где охотился, — в практически любом подобном месте есть пусть совсем крошечный, но музей. Вся эта сеть сохранилась по сию пору. Вокруг этих музеев группируются энтузиасты из числа местной интеллигенции (больше всего их, конечно, в Орле), которые по мере сил и знаний занимаются краеведческой работой, а музей Тургенева в этой работе выступает «руководящей и направляющей силой». По словам Людмилы Анатольевны, страсть к краеведению у орловцев в крови:

— Мы с коллегами довольно часто ездим по районам Орловщины. И практически везде видим такую картину. Приезжаем в село, стучимся в первую избу: здравствуйте, скажите, пожалуйста, есть ли у вас

кто-нибудь, кто хорошо знает историю села? Обязательно скажут: есть тут у нас один старичок, вон, видите, дом, идите, он вам расскажет. И в каждой деревне обязательно находится такой «один старичок», который, стоит к нему обратиться, буквально бросит все и начнет рассказывать такие вещи, что бери и записывай — где какой помещик жил, где какая усадьба стояла, кто из жителей чем был знаменит, в каком году произошло то или иное знаменательное событие... Принято у нас интересоваться историей родного края, такой у нас народ. И это создает атмосферу, я бы сказала, духовной оседлости. Люди живут на своей земле не только потому, что их держит здесь экономическая необходимость или они не могут никуда уехать, но и потому, что они знают и любят свою малую родину.

При словах «духовная оседлость» мне не пришлось скрывать улыбку, я не поперхнулся и даже не удивился. В данном контексте — совершенно нормально воспринимается. Как ни странно.

Правда, продолжает Людмила Анатольевна, многие из этих сельских музеев, что называется, дышат на ладан. Будущее их туманно, не знаю, удастся ли нам их сохранить. Главная проблема — нехватка кадров, прежде всего, молодых.

— А как обстоят дела с кадрами в вашем музее? — спрашиваю я у Людмилы Анатольевны. Я уже приготовился было услышать пессимистический рассказ о катастрофическом дефиците специалистов музейного дела, о том, что у молодежи сейчас другие приоритеты... Вместо этого Людмила Анатольевна сказала:

— С научными кадрами в Орле все в порядке. Здесь есть библиотечно-информационный факультет Института Культуры и искусств, который готовит и библиотечных работников, и музейщиков. У нас их в городе видимо-невидимо.

В этом месте я чуть было не сказал «обалдеть!», но сдержался и сказал «надо же!».

— Напрасно удивляетесь, — сказала Людмила Анатольевна. — Я сама преподаю на музейном отделении и могу сказать, что есть много умных, способных ребят, которые хотят работать в музейной сфере. Они усердно и, я бы сказала, правильно учатся. И приходят к нам работать уже во многом готовыми специалистами, их не приходится учить основам профессии.

186

Приходят молодые люди и из других вузов, в частности, с филфака. В Орле всегда было много молодых людей гуманитарного склада ума, им неуютно в современной погоне за успехом. Профессии, которые сейчас считаются престижными, им неинтересны. К тому же, сказывается орловский характер. Мы люди достаточно скромные. У нас нет сумасшедших амбиций. В отличие от молодых жителей мегаполисов, наша молодежь не сталкивается с примерами кричащего богатства, громкого успеха. И не гонится за ними.

Я слушаю Людмилу Анатольевну и ловлю себя на мысли, что давно не слышал такой правильной, я бы сказал, естественно правильной русской речи. Очень, очень давно не слышал. Когда же это было... Вспомнил. Это было в детстве, это была соседка по коммунальной квартире в центре Москвы, старушка

из смоленских дворян, Вера Дмитриевна. Вот у нее была похожая речь.

Среди посетителей музея Тургенева преобладают орловские и, отчасти, приезжие школьники. Студентов заметно меньше, еще меньше пенсионеров. Люди пост-студенческого и допенсионного (то есть трудоспособного) возраста в музее – редкость, и в основном это – туристы и командировочные. Орловцев среди них практически нет. Взрослые жители города проводят свой досуг как угодно, но только не в музее – исчезла соответствующая традиция, в советские годы поддерживавшаяся обществом «Знание». По выражению Людмилы Анатольевны, музей «кормится» группами школьников.

— У нас в Орле не только студенты, но и школьники замечательные. Не сочтите за орловский снобизм, но когда приезжают группы из некоторых соседних областей (из каких конкретно – не столь важно), это, извините меня, какой-то кошмар – шумные, крикливые, бегают, сорят семечками. Не все группы такие, конечно, но иногда просто трудно бывает их утихомирить. А среди наших, орловских часто попадаются такие ребята, которые, когда с ними говоришь о литературе, могут вас за пояс заткнуть. Опять же, не все, конечно, но вот такая отрадная тенденция явно имеет место. Все-таки, у нас в школах много хороших учителей, которые стараются привить детям любовь и интерес к литературе. Еще в последние годы замечаю, что приезжает много очень хорошо подготовленных школьников из Москвы.

Мы довольно долго разговаривали, и теперь Людмиле Анатольевне пора вернуться к работе,

а мне — ознакомиться с музейной экспозицией. Я благодарю Людмилу Анатольевну, она отвечает: да не за что, голубчик, не за что.

Ангел мой. Голубчик. Опять вспомнилась мне Вера Дмитриевна, смоленская дворянка.

Надеваю поверх обуви гигантские тапочки — не традиционные музейные бахилы на веревочках, а обычные тапочки, только очень большие, размера шестидесятого или семидесятого. Людмила Анатольевна попросила провести для меня персональную экскурсию одного из опытнейших научных сотрудников музея — Евгения Васильевича, человека с очень располагающей внешностью типичного русского интеллигента, с бородой, в толстых очках, опирающегося на тросточку. Мы поздоровались, я представился по имени, Евгений Васильевич уточнил: а как ваше отчество? Я сказал, Евгений Васильевич ответил: очень приятно, Дмитрий Алексеевич, ну что же, начнем, пожалуй.

Сразу стало понятно, что этот человек знает о Тургеневе все (впрочем, иначе и быть не могло). В случае необходимости он, судя по всему, мог бы продолжать экскурсию три часа, десять часов или даже несколько суток — столько, сколько готов выдержать посетитель. Людмила Анатольевна предупредила его, что у меня мало времени (надо еще успеть в другие орловские музеи), и было заметно, как Евгений Васильевич то и дело удерживает себя от погружения в мельчайшие подробности тургеневской биографии.

Комментируя экспозицию, Евгений Васильевич то и дело говорил что-то вроде «вы, конечно, помните

этот рассказ», «вы, разумеется, читали эту переписку»... Не помню, не читал, но киваю. Показывает на огромный диплом Петербургского университета: не знаю, какой университет закончили вы, Дмитрий Алексеевич, но такого диплома у вас быть, увы, не может. Истинная правда. Показывает на тургеневский набросок-автопортрет с элементами шаржа, сделанный писателем не задолго до смерти: когда вы, Дмитрий Алексеевич, станете корифеем в своей области, вспомните этот рисунок и ту неподдельную иронию, с которой великий Тургенев изобразил себя, и не зазнавайтесь.

Корифеем в своей области. С ума сойти.

Шутки шутками, но когда Тургенев, наконец, умер и последний, шестой, музейный зал был осмотрен, я со всей определенностью осознал, что это была, пожалуй, лучшая музейная экскурсия на моей памяти. Довольно трудно объяснить, почему она лучшая, — просто умеет человек. Дано. Дар.

Нельзя сказать, что меня как-то особенно поразила экспозиция. Огромное количество документов, в том числе автографов, портретов, фотографий, книг, подлинных предметов обихода... Для людей, серьезно интересующихся Тургеневым и его творчеством (к сожалению, не могу себя отнести к их числу), это, конечно, несметные богатства. А для меня главными впечатлениями стали эти два человека — Людмила Анатольевна и Евгений Васильевич.

Музей Лескова — совсем рядом, минутах в десяти ходьбы, в красивом деревянном доме на тихой Октябрьской улице. Открываю дверь и слышу фортепьянные звуки. Оказывается, здесь сегодня

мероприятие, приуроченное ко дню рождения Лескова. Спрашиваю у смотрительницы, можно ли по-присутствовать. Конечно, можно.

Довольно большой зал, заполненный многочисленной публикой интеллигентного вида. На лицах — сосредоточенное и даже благоговейное выражение. Незаметно пробираюсь на самую дальнюю скамейку (остальные места заняты). Молодая пианистка играет неизвестное мне произведение неизвестного мне композитора. Рядом со мной сидит мальчик лет восьми в костюмчике, белой рубашке и галстук-бабочке. У мальчика в руках блокнотик. Кажется, мальчик учит какой-то текст, наверное, готовится выступать.

Пьеса закончилась, поклоны, аплодисменты. Откуда-то сбоку на сцену выскакивает паренек в красной традиционной русской рубахе и степенно выходит дама в темном платье. Паренек совершает несколько заливчатских танцевальных народных движений и громко, ухарски произносит: «Маланья — голова баранья! В одном глухом и отдаленном от городов месте была большая гора, поросшая дремучим лесом. У подошвы горы текла река, и тут стояло селение, где жили зажиточные рыболовы и хлебопашцы». Выпалив эти слова и совершив еще несколько народных танцевальных движений, паренек ускакал со сцены. Дама в темном платье хорошо поставленным голосом прочитала тот же текст, что только что выпалил паренек, но не остановилась на этом, а прочитала целиком сказку Лескова «Маланья — голова баранья». Чтение длилось довольно долго. Я подумал, что пареньку в красной рубахе

было бы логично опять появиться в конце сказки, сделать несколько народных танцевальных движений и выпалить несколько финальных предложений сказки, чтобы, придать композиции законченность, но этого почему-то не произошло. Поклон, аплодисменты. Мальчик в галстук-бабочке направился к сцене, судя по всему, с намерением прочитать то, что было написано у него в блокнотике.

Спросил у зрительницы — долго ли это будет продолжаться. Довольно долго, еще несколько выступлений, будут еще сказки, рассказы. Понятно. Надо идти.

Музей Бунина на ремонте, как и музей писателей-орловцев. Остается музей Леонида Андреева.

Андреевский музей находится на некотором отдалении от центра, в той части города, которая до революции называлась «Мещанской» — это был район, где селились по большей части ремесленники, мастеровые и другие представители мещанского сословия. Район и по сей день сохраняет примерно тот же вид, какой он имел в годы детства и юности Андреева, проведенные им здесь, в отцовском доме на 2-й Пушкарной улице. Дом тоже сохранил свой первоначальный вид. Синий, одноэтажный, деревянный, довольно большой. Кругом — почти деревенская тишина, на улице — ни души.

В музее на момент моего посещения присутствовали две сотрудницы. Сталина Федоровна, узнав, что я корреспондент из Москвы и мне нужно рассказать о музее, сразу передала меня на попечение своей коллеги: «сейчас вам Юлия все подробно расскажет».

В отличие от тургеневского, музей Андреева – совсем небольшой. Три комнаты (гостиная, кабинет отца, комната матери), и еще небольшая комната, где работают сотрудники. Почти вся мебель – не подлинная а, как говорят музейщики, типологическая – примерно того же времени и примерно такая же, как подлинная. Музей занимает не весь дом – за стеной живет семья Свиридовых. Свиридовы купили этот дом еще в 1912 году и жили здесь большим кланом, состоящим из трех семей, до начала девяностых. В 1991 году местные культурные власти решили организовать музей Андреева и предложили каждой семье новую квартиру. Две семьи согласились и выехали, а третья отказалась и так до сих пор и живет на 2-й Пушкинской, 41, в доме, когда-то принадлежавшем Андреевых.

Юлия, симпатичная молодая женщина, не столько проводит экскурсию, сколько просто рассказывает, без заранее определенного четкого плана, и это получается у нее, пожалуй, не менее интересно, чем у маститого Евгения Васильевича из музея Тургенева, хотя, может быть, и не настолько информативно. Мы ходим из комнаты в комнату и обратно, я что-то спрашиваю, Юлия объясняет... Здесь более домашняя и менее официальная обстановка, чем в тургеневском музее, и это естественно – уютный деревянный дом, всего три небольшие комнаты. Жарко натоплена большая печь.

Из экспозиции больше всего запомнились три предмета.

1. Немецкий рояль 70-х годов XIX века, единственный подлинный предмет мебели, сохранившийся

с тех времен, когда здесь жил Андреев. Рояль этот интересен тем, что никто из семьи Андреевых на фортепьяно играть не умел. Правда, еще в детстве Андреев освоил «Собачий вальс», который в его будущем творчестве станет символом тупой бессмысленности обыденной человеческой жизни (об этом — пьеса «Собачий вальс» 1916 года). Ничего, кроме «Собачьего вальса», на этом рояле не исполнялось.

2. Рундук одного из братьев Леонида Андреева. Брат воевал на фронтах Первой мировой и пропал без вести. Брат пропал, а рундук почему-то остался. Он стоит в бывшем кабинете отца, у стеночки, огромный, черный и страшный. Чем рундук отличается от сундука (на вид — ничем), я не знаю. Хотел было спросить у Юлии, но меня что-то отвлекло.
3. Плюшевый мишка. Мишке примерно сто лет. Это тоже не подлинный мишка, а типологический. Примерно такой же должен был быть у Андреева в его детстве. Мишка не совсем привычный для нашего времени — не толстенький с коротенькими лапками, а, наоборот, худенький, вытянутый, с длинными нелепыми болтающимися конечностями, серовато-бурый, с очень унылым выражением на лице.

Три предмета, на которых лежит печать какого-то тупого, безысходного трагизма. Я смотрю на этого унылого плюшевого мишку, на страшный сундук-рундук пропавшего без вести брата, на старый рояль; в голове крутится циклическая, дерзко-безобразная мелодийка «Собачьего вальса». Почему-то

вспоминается эпизод из «Рассказа о семи повешенных» — когда к одному из осужденных накануне казни приходит мать и начинает говорить о какой-то мелкой бытовой ерунде, о домашних делах, сын говорит ей: маменька, опомнитесь, зачем вы мне все это рассказываете, меня же завтра повесят, а она ему: вот ты бы бомбы-то не кидал, тебя бы и не вешали, и потом она, кажется, сходит с ума.

Спрашиваю у Юлии, почему она решила стать музейным работником. Вопрос, может быть, немного дурацкий, но мне действительно это интересно.

— Я давно хотела работать в литературном музее, еще когда училась на филфаке. Для гуманитария, особенно для филолога, работа очень интересная, даже захватывающая, и при этом не суетная. У меня нет каких-то особых амбиций, карьерных или материальных. В «крысиных бегах» за так называемым успехом участвовать не хочется. При мысли о работе, например, менеджера меня бросает в дрожь. А музей — это мое.

Вспоминаю то, что говорила Людмила Анатольевна про орловских молодых гуманитариев. Почти те же слова, не сговариваясь. Все сходится. Преемственность поколений, как она есть.

Оставляю благодарственную запись в книге записей (или как там она называется), прощаюсь с Юлией и Сталиной Федоровной, выхожу на 2-ю Пушкинскую. Уже вечер, тихо, никого нет. Не спеша иду в сторону центра.

Я шел и чувствовал, как во мне нарастает такое, знаете... умиление, что ли. Дескать, вот, какие прекрасные люди здесь, в орловских музеях, работают,

бескорыстные подвижники, такие интеллигентные... Но я быстренько в себе это пресек. Потому что нечего умиляться, и нечему. Умиляться можно какой-нибудь экзотике, а здесь никакой экзотики нет. Да, подвижники, да, замечательные люди, делающие хорошее, нужное дело. Это прекрасно, и это нормально. Так и должно быть. Уважаю. Спасибо.

ВЕСНА НА ВАРЯЖСКОЙ УЛИЦЕ

Весна в тот день, правда, была чисто символической — снег, периодически принимающий форму метели, ветер. Все в снегу. Очень холодно. Тем не менее, это 5 марта. Значит, весна. Такая вот, доктор, суровая весна.

А еще пару дней назад была действительно весна — тепло, сыро. Волхов совершенно свободен от льда. Течет себе. Широкий. Как сказано в туристическом буклете, «былинный». Течет былинный Волхов.

196

Еще до поездки я довольно много всего прочитал про Старую Ладугу. На одном сайте мне попала хронология исторических событий. Чего там только не было, в ладожской истории. Начинается хронология довольно-таки дикой для масштабов русской истории датой — 753 год. Считается, что в этом году здесь уже существовала первая каменно-земляная крепость. Самый старый город на территории Российской Федерации.

Перечень событий и имен поражает и как-то даже подавляет. Здесь «сел» Рюрик — сел не в том смысле, который в это слово вкладывается сегодня, а в другом — сел на княжение. Правда, довольно быстро перебрался в Новгород, но все же. Здесь Олег (Вещий) построил каменную крепость, разрушенную потом свирепыми шведами. Здесь пролегал

путь из варяг в греки. Здесь торговали – со страшной силой. Крупный центр международной торговли европейского значения. Здесь строили каменные храмы, толстенные крепостные стены. Здесь всегда было много скандинавов, особенно шведов. Они здесь и торговали, и воевали. Однажды они даже полностью завоевали Ладогу и владели ей в течение нескольких лет. Потом пришлось отдать назад.

Жизнь кипела. Главная улица города еще с глубокой древности называлась Варяжской.

Кипела жизнь, кипела, и выкипела. Последняя славная дата – 1702 год. Ладога – место сбора русской регулярной армии. Это была Северная война.

1704 год – для рывка Ладожского канала вдоль берега одноименного озера Петр I основал город Новая Ладога. Прежняя Ладога стала называться Старой Ладогой и получила статус села (умел Петр Алексеевич поиздеваться). В новый город было переселено большинство жителей старого. В приказном, естественно, порядке. Туда же перенесли административный центр уезда.

Дальше – пустота. Я имею в виду хронологию старолadoжских исторических событий, которую я нашел в интернете. После 1704 года идет сразу 2003-й. В этот год село Старая Ладога посетил президент России Владимир Путин.

Правда, на другом сайте, который, в отличие от первого, полностью посвящен Старой Ладого (www.oldladoga.ru), в аналогичной хронологии обнаружилось кое-какие события и после страшной петровской расправы 1704 года. Например:

В конце XVIII—первой половине XIX вв. просветитель, меценат, герой войны 1812 года, помещик А. Р. Томилов (1779–1848 гг.) в своей усадьбе «Успенское» в центре Старой Ладogi собрал богатейшую коллекцию—около 6 тыс. произведений русских и иностранных художников.

Или:

1861–1873 гг.—архитектором А. М. Горностаевым построена церковь св. Иоанна Златоуста.

Или:

1880-е гг.—начало планомерных археологических раскопок на территории Старой Ладogi.

Богатейшая коллекция. Археологические раскопки. Комментарии, в общем, излишни.

198

Тем не менее, на современной карте Старой Ладogi по-прежнему, наперекор упадку и угасанию, присутствует Варяжская улица! Она существует! На ней даже обозначены номера домов!

Это меня заинтриговало. Надо, думал я, обязательно найти Варяжскую улицу, увидеть ее, пройти по ней. Правда, с первого раза у меня не получилось. Вышел из автобуса, сориентировался на местности: вот главная дорога, протянувшаяся вдоль села (автоматически хочется написать «города», но нет, все же села), вот крепость, вот речка Ладожка, впадающая в виднеющийся вдали «былинный» Волхов, вот мост через речку. А Варяжской улицы нет. Хотя должна быть где-то здесь.

Ладно, надо сначала зайти в музей. Там и узнаю. Тем более у меня в последнее время что ни поездка, то сплошные музеи. Пусть традиция будет продолжена.

Музей располагается внутри одной из башен ладожской крепости. Крепость величественна. Сложена из серых камней правильной параллелепipedной формы. Рядом с крепостью — магазинчик и музейный офис, одноэтажное здание из грубого советского красного кирпича, но со стеклопакетами (дикое сочетание). В магазинчике, помимо буклетов, путеводителей и сувениров, продаются почему-то открытки с фотографическими изображениями футболистов петербургского «Зенита», в том числе уволенного еще два года назад тренера Властимила Петржелы. Покупаю билет в музей, откуда-то незаметно появляется девушка: «пойдемте».

Девушка ведет туристическую группу в составе одного меня в крепостную башню. В башне очень холодно, как на улице. Зимой в Старой Ладоге туристическое затишье, и проведение экскурсий не практикуется. Экскурсоводы появляются ближе к лету, когда к крепости один за другим подъезжают автобусы с толпами туристов. Мне в силу сезонной специфики экскурсия не положена. Девушка просто стоит, присутствует. Наверное, на всякий случай. Что бы я случайно или специально не разломал или не украл какой-нибудь экспонат. Гвоздь десятого века или подкову девятого. Или, допустим, гигантских размеров древний рыболовный крючок (бедные, бедные древнелажские рыбы). Впрочем, если девушку спросить, она ответит. Спрашиваю о возрасте крепости. XII — XVI, отвечает девушка. Правда, это все, по большей части, новодел. Вся эта башня — новодел. И другая, и часть стен. Но есть и подлинные фрагменты стен, в том числе XII века. Новодел возведен

советскими реставраторами во второй половине прошлого века, и он с максимально возможной точностью воспроизводит внешний вид настоящей крепости.

Очень холодно в крепости. Некоторые экспонаты наводят ужас. Например, ниша в стене, внутри которой, скорчившись, сидят страшные голые люди со страшными лицами. Конечно, не сами люди, а их, так сказать, трехмерные изображения. Люди сгрудились вокруг огня, им, судя по всему, тоже холодно. На руках у голой женщины голый младенец, лицо его ужасающе. Это далекие предки нынешних жителей Старой Ладogi, они жили здесь еще до нашей эры.

Выходим из башни. Рядом — церковь св. Георгия. Интересно, не новодел ли она. Нет, оказывается, не новодел, самый что ни на есть настоящий XII век. Как стояла, так и стоит. Крепость после петровских преобразований утратила свое значение, в ней пропала необходимость, и она развалилась. А Георгиевская церковь была нужна, в нее ходили люди. И вот она до сих пор стоит. Правда, сейчас она не действует как именно церковь, это часть музея. Ну, хоть так.

Спрашиваю насчет Варяжской улицы. Это совсем рядом, отвечает девушка. Перейдете через мостик, и сразу за мостиком тропинка будет направо уходить, маленькая такая.

Вот оно, оказывается, что. Оказывается, Варяжская улица, бывшая главная улица Ладogi, крупного центра европейской торговли — маленькая тропинка. Ну, не совсем тропинка — скорее, дорожка. Между заборов, метра три шириной — две машины не разъедутся. Слева полуразрушенный, брошенный

двухэтажный бревенчатый дом, справа — аккуратенькая избушка. Дальше тоже избушки. У одной из них треугольник, образуемый скатами крыши, бодро выкрашен в цвета российского флага. Заборчики. У одного из домов устало притулилась грузовая «газель». Обычная деревенская улица, только маленькая, узенькая.

В доме девять по Варяжской улице — почта, магазинчик. Здесь улица вливается в некоторое подобие площади. Рядом — два музея, купеческого быта и археологии, филиалы Староладожского музея-заповедника.

За «площадью» Варяжская улица продолжается в виде полосы нетронутой снежной целины. Виднеется только цепочка следов какого-то небольшого животного, возможно, кошки. Иду. Еще избушки, еще заборчики. Большой дом красного кирпича, примерно столетней давности. И все. Улица растворяется в неупорядоченной деревенской пустоте, вот она вроде бы была, а вот уже ее нет. Передо мной зелененькая избушка, за ней виднеются монастырские строения. Деревянный забор. Улицы больше нет. Как будто человек тихо, невнятно и сбивчиво говорил что-то и на полуслове замолчал, как будто иссякла, обессилела речь, человек растерянно молчит, машет рукой и отворачивается, а потом совсем уходит, как ушла из этой улицы ее бывлая русско-варяжская статья, и осталась только уютенькая деревенская жизнь, теплящаяся слабым, хотя и ровным, огоньком.

Вернулся по кошачьим и своим собственным следам к площади, посетил оба музея. Экспозиции

описывать не буду — мои постоянные читатели поймут, почему. Сколько уже можно, в конце концов. В музее купеческого быта (три комнаты, уставленных «типологической» мебелью рубежа прошлого и позапрошлого веков) разговорился со смотрительницей, поинтересовался современной жизнью села. Живут старолadoжские обыватели зажиточно. В самом селе есть несколько крепких работодателей — музейный комплекс, хлебный, молочный и лимонадный заводы. Многие ладожане работают в соседнем (20 минут на автобусе) райцентре Волхове, — там и алюминиевый завод, и огромный железнодорожный узел, работы хватает. Зарплаты для жителей сельской местности весьма щедрые — на железной дороге многие зарабатывают больше тридцати тысячи в месяц, на ладожских пищевых предприятиях — до двадцати тысяч. Насовсем из села почти никто не уезжает — если даже человек работает где-нибудь в Петербурге, семья обычно остается в Старой Ладого, и связи с городом Рюрика и Вещего Олега его уроженцы не теряют. Многие занимаются сельским хозяйством, и успешно. В Волхове по-прежнему водится рыба, и ладожане ее по-прежнему ловят (в средние века чуть ли не половину здешней рыбы составляли осетровые). В общем, грех жаловаться, живем мы очень даже неплохо, говорит смотрительница и улыбается безмятежной улыбкой довольного своей жизнью человека.

Надо еще на «могилу Вещего Олега» сходить. Вокруг села разбросаны так называемые сопки — только не такие, как где-нибудь в Мурманске или на Камчатке, а просто искусственно насыпанные

небольшие холмы, внутри которых – древние захоронения древних знатных людей. Есть местное поверье, что одна из таких сопок, на северной окраине Старой Ладого, – не что иное, как могила князя Олега. Правда, большинство ученых скептически относятся к этой версии, и все же...

Иду по главной дороге. Метель усиливается. Сильный ветер, очень холодно. Кругом – обычная русская деревня. Избушки, домики. Монастырь, большая церковь. Огромный Дом культуры брежневской эпохи. Несколько городских бетонных домов тех же времен – на самом краю села. Все, Старая Ладога закончилась. Метель, метель. Сквозь метель вдали виднеется правильный полусферический холмик на ровной поверхности земли. Небольшой, метра четыре в высоту, но поражающий правильностью своей формы. Немного похоже на вход в бомбоубежище, но это не вход в бомбоубежище, а, по местному поверью, могила Вещего Олега, который якобы прибил свой щит к воротам Константинополя, а потом его якобы укусила змея, и вот в результате он якобы лежит здесь, на окраине села Старая Ладога, под полусферическим холмом земли, а рядом, почти вплотную, стоит неказистая, покосившаяся избушка, в которой явно кто-то живет.

Интересно, каково это – жить рядом с могилой Вещего Олега.

Я стою на обочине дороги, мимо то и дело проносятся машины. Метель, ветер, холодно. Я смотрю сквозь снежную пелену на полусферическую могилу князя Олега и слегка недоумеваю: зачем я сюда поперся в такую погоду.

На следующий день заехал в Новгород, погулял немало по центру. Я бывал здесь бесчисленное количество раз, так сложилось в силу некоторых личных обстоятельств. Поэтому долго гулять не хотелось, да и времени не было. Прошелся традиционным маршрутом — от вокзала к Кремлю. Вечер, мягкий свет оранжевых фонарей, снег, но уже не такой шальной, как в Ладогe, а тихий, даже приятный. В Кремле почти никого. Выхожу к мосту через Волхов (опять он, «былинный»). По набережной медленно едет на велосипеде пожилой мужчина, сопровождаемый огромной собакой. Я дошел до середины моста, постоял, глядя в сторону Ильменя.

Если вечером, в сумерках долго смотреть в сторону Ильменя, становится немного не по себе. Что-то иррационально тревожное есть в спокойной глади этого огромного озера. Вспоминается сумрачное языческое прошлое этого непростого и не очень-то доброго города. А еще вспоминается одна странная история, которую я случайно прочитал несколько лет назад в какой-то сомнительной газетенке.

Якобы с одним немецким летчиком-истребителем во время Великой Отечественной Войны случилось вот что. Он летел довольно низко над Ильменем и заметил плывущую внизу ладью, древнюю, как рисуют на картинках в исторических книгах. Бородатые гребцы что-то гневно кричали, поднимая руки, сжатые в кулаки. Через несколько минут на самолет налетела крупная птица. Немецкий летчик никогда не видел таких птиц. Ее оперение состояло из бесчисленных стальных пластин, сверкающих на солнце. И у нее были очень страшные глаза, яростные

какой-то запредельной холодной яростью. Птица легко разбила кабину самолета и набросилась на летчика. Отбиться от нее было невозможно, но птица не стала добивать свою жертву и улетела, ограничившись нанесением довольно болезненных травм. Летчик кое-как дотянул до аэродрома и доложил начальству о случившемся. Командование одобрительно похлопало летчика по плечу и мысленно pokrutilo пальцем у виска. Все же эпизод был задокументирован — на всякий случай. Немцы — народ аккуратный.

Скорее всего, это выдумка (повторюсь, газета особого доверия не вызывала, да и вообще). И все-таки есть в ней какая-то правда, та, которая выше фактической. Во всяком случае, когда туманным вечером я смотрю с пешеходного моста через Волхов в сторону Ильмена, я начинаю верить в правдоподобность этой невероятной истории.

Какой-то яркий, тревожный огонек появился вдали, со стороны озера. Яркая светящаяся точка. Огонек приближается, приближается. Слышно тарахтение мотора. Наконец становится понятно, что это небольшой патрульный катерок. На крыше у него мощный прожектор и синяя мигалка. Патрульный катерок промелькнул под мостом и деловито устремился по Волхову куда-то в направлении далекой Старой Ладogi.

ПРОДОЛГОВАТОЕ ДВУХЭТАЖНОЕ СТРОЕНИЕ С ДВУМЯ ВХОДАМИ

Вот определение барака, которое дал писатель Асар Эппель, знаток и певец барачной Москвы:

Барак есть продолговатое двухэтажное строение с двумя выходами по фасадной стороне, двумя деревянными лестницами на второй этаж и низко сидящее на грунте. Это плохо выбеленная постройка под черного цвета толевым покровом, в которой ходят, сидят, лежат и из которой выглядывают люди.

206

Длину барака установить сейчас будет нелегко, а ширину вспомним просто. Поскольку штукатурные стены внутри себя всего-навсего сруб, то барачный торец не мог быть шире семи или восьми метров; вернее сказать, ровно таким и был — это долгота строевого бревна. Значит, в сказанные метры укладывались длинные стенки двух комнат плюс ширина коридора. Кладем на последний полтора — и на каждую комнату остается по два с половиной метра. Все правильно! По ее длине сразу поместится рабфаковская койка — два метра, а в изножье или изголовье койки — тумбочка, в которой рабфаковец мог держать свой «Анти-Дюринг» или зачитанную книжонку с волнующим, но мелкотравчатым названием «Без черемухи». (Из рассказа «Бутерброды с красной икрой».)

Раньше бараков в Москве было очень много. Видимо-невидимо. И в центре, и на окраинах. Вокруг фабрик и заводов, у железнодорожных станций, просто на пустующих местах. Больше, конечно, на окраинах. Целые огромные барачные районы.

В бараках жили в основном люди приезжие. Человек приезжал работать на московское предприятие, ему давали комнату длиной два с половиной метра, человек устанавливал там кровать, жил, плодился и размножался, читал «Анти-Дюринга» или книжонку «Без черемухи».

Рано или поздно человек получал отдельную квартиру или комнату в коммуналке, и барак, в котором он жил, сносили. Человек мог считать, что операция по покорению Москвы закончилась его, человека, триумфом, и что его человеческая жизнь удалась.

Еще в 80-е в Москве оставались бараки. Помню, году в 85-м мы со школьными друзьями гуляли по центру и в одном дворике на Сретенке обнаружили барак. Он стоял себе в окружении высоких городских домов, вокруг кипела барачная жизнь — копошились в пыли дети, висело на веревке белье, на лавочке у входа в барак сидела бабушка в платочке. Но прошло еще несколько лет, и бараки в столице извели почти под корень.

Почти — потому что сейчас на территории Москвы, по крайней мере, в пределах МКАД, существует три барака, в которых продолжают жить люди. Есть еще несколько зданий барачного типа в Коптево и рядом с метро «Водный стадион», но они не жилые — там располагаются какие-то мелкие конторы. Такие данные приводит в своем блоге московский краевед

Николай Калашников, и у меня нет оснований ему не доверять — лучше него, пожалуй, никто не разбирается в столичных пятиэтажках, девятиэтажках и бараках.

Итак, три уцелевших московских барака.

Профсоюзная улица, дом 123, санаторий «Узкое»

Я подошел к дому 123, и на меня залаяли собаки. Очень громко и злобно. Собак было несколько, и лаяли они изнутри дома. Невидимые злые собаки. Штуки четыре, судя по лаю.

Из лестничного окна панически выпрыгнула облезлая кошка.

208

Постоял немного. Как-то не хочется входить внутрь из-за этого лая. К счастью, дверь открылась, и из дома вышла пожилая женщина с двумя большими, наполненными неизвестно чем, полиэтиленовыми пакетами в руках. Не обращая на меня внимания, она подошла к стоящей недалеко от крыльца маленькой четырехколесной тележке, которую, судя по всему, сделали из детской коляски. На тележке — два больших пластиковых бака. Уложила пакеты в баки, вывезла тележку на асфальтовую тропинку, покатила к выходу на дорогу, туда, где стоял я. Все это — молча, глядя в землю.

— Здравствуйте, — сказал я.

Молча, глядя в землю, подошла ко мне практически вплотную, остановилась, подняла голову и сказала:

— Здравствуйте. Что хотели? Вам кого?— и смотрит очень внимательно в глаза.

Объясняю цель визита. Журналист, хочу про ваш дом написать. Таких в Москве почти не осталось.

— Вообще-то, у меня времени мало. Некогда мне тут.

Далее последовали скупые, отрывочные ответы на вопросы. Дом 1927 года постройки. Селили тут много кого— и деревенских местных, когда деревню сносили, и приезжих работников санатория. Сейчас и москвичи тоже живут. Разные люди. А можно поподробнее о людях? А чего о них говорить, люди и люди. Разные, говорю, люди. А вы давно здесь живете? Ну, как вам сказать. (Пауза.) С тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Зовут меня Мария. А отчество? Это необязательно. Просто Мария. Нет, не москвичка, какая же я москвичка. Приехала работать в санатории. А откуда? (Снова пауза.) Да какая вам-то разница. Приехала, и все. И всю жизнь здесь проработала, в санатории в этом.

Собаки продолжают оглушительно лаять. Разговор явно не клеится.

Только я хотел спросить, кем Мария работала в санатории, как из дома вышла другая женщина.

— Людмила Владимировна, к нам тут журналист приехал, поговорите с ним, про дом наш хочет написать, что-то зачастили к нам журналисты, вот вам Людмила Владимировна все расскажет, а я пойду, некогда, некогда мне.

И покатила свою тележку в сторону приземистых служебных строений бывшей усадьбы, а ныне санатория «Узкое».

— Да, Дмитрий, дом у нас замечательный.

Дом и вправду не лишен некоторого очарования. Деревянный, из бревен, обшитых сверху «вагонкой», двухэтажный. С одной стороны — барак, с другой — не совсем типичный. С элементами конструктивизма (естественно, двадцать седьмой год). Дом состоит из двух больших кубических объемов, соединенных более узким объемом. Два входа, но не с фасада, как в классическом описании Асара Эппеля, а с торцов. Внутри раньше был типичный барак с коридорной системой, но лет двадцать назад внутреннее пространство разгородили на отдельные квартиры, по шесть на каждой лестнице, по три на этаже.

Людмила Владимировна не из приезжих, москвичка, поменялась в этот дом семнадцать лет назад. Почему, спрашиваю. Что, так сказать, подвигло?

— Ну, как вам сказать... Здесь такое чудесное место!

Может быть, на самом деле у Людмилы Владимировны были какие-то другие, более приземленные причины для переезда в Узкое, но место — да, необыкновенное. Огромный, на километры вокруг, лес. Сосны. Холмы. Белый чистый снег, поскрипывающий при ходьбе по нему. Тишина — звуки города сюда не доносятся. Разве что собаки по-прежнему продолжают издавать свои собачьи звуки, но уже не такие громкие, как раньше. Людмила Владимировна водит меня по окружающим дом остаткам барского парка. Вот аллея, ее посадили еще в девятнадцатом веке (два ровных ряда деревьев, в значительной степени обезображенных расположенным рядом уродливым металлическим забором). Другая аллея, из специально выращенных,

«раздвоенных» лип – садово-парковый шедевр. Искусственный пруд (углубление в земле, заполненное снегом, льдом, какими-то обломками деревьев; вообще, окрестности дома довольно запущены). Высокая белая церковь, хорошо отреставрированная, действующая.

Все это великолепие вместе с домом 123, санаторием и обширнейшей прилегающей территорией принадлежит Академии Наук. У Академии имеется намерение продать дом 123 и окрестные уголья неким частным владельцам – желающие уже, вроде бы, есть. Дом в этом случае, естественно, пойдет под снос, жильцов расселят, на освободившемся месте построят что-нибудь элитно-эксклюзивное.

– Жалко, конечно, дом. С одной стороны, нам всем квартиры нормальные, может быть, дадут, здесь все-таки в бытовом плане трудно жить. С другой – дом хороший, красивый, крепкий, крыша новая, в подвале не так давно ремонт сделали. Стоять бы ему еще и стоять. Лучше бы его церковь купила. У нас тут церковь хорошая, службы каждый день, батюшка очень приятный. Купили бы наш дом и сделали бы там воскресную школу, например.

Входим в подъезд. Все деревянное. Лестница с сильно истертыми, но на вид еще вполне крепкими ступенями. Деревянные перила. Чисто, светло. На всю высоту лестницы – огромное вертикальное окно с красивым частым деревянным переплетом.

– Это все – и лестница, и перила, и окно, – двадцать седьмого года, как построили, так и не меняли. Я же говорю, крепкий дом, на совесть построен. Вы извините, я вас в квартиру пригласить не могу,

у меня четыре собаки. Они посторонних не любят. Вы уж простите.

Из-за двери одной из квартир доносится приглушенный коллективный лай. Да, пожалуй, не стоит.

Благодарю, прощаюсь, направляюсь к конечной остановке 49-го автобуса — единственного транспортного средства, связывающего это уединенное место с городом. Откуда-то издали слышен негромкий металлический скрип. Сквозь стволы деревьев видно, как Мария, глядя в землю, катит свою тележку с пустыми пластиковыми баками по направлению к дому 123.

Улица Петра Алексева, дом 5а

212

В Москве, как уже было сказано, осталось три действующих барака, и два из них располагаются на одной тихой улочке, отходящей перпендикулярно от респектабельного Можайского шоссе. Бараки стоят ровно напротив друг друга. Один большой, другой поменьше.

Дом 5а — длинный, одноэтажный, деревянный, зеленый. Старый, смиренный, усталый. К входу в дом пристроено застекленное крыльцо, внутри заметно присутствие человека. Вхожу. У окна курит симпатичная черноволосая женщина. Назовем ее условным именем Светлана — настоящее она называть почему-то отказалась — «да ну, зачем, мало ли что, знаете». Это не очень понятно, но да будет исполнена воля моей собеседницы, пусть она будет Светланой.

Приехала в Москву в 1982 году из небольшого поселочка недалеко от Боровска Калужской области. С конкретной целью — работать ткачихой на ткацкой фабрике «Октябрь» (фабрика, теперь уже бывшая, в двух шагах). В советское время это была знаменитая фабрика. Что называется, гремела на всю страну. Предприятие специализировалось на выпуске высококачественных костюмных тканей, из которых, в частности, шили костюмы для членов Политбюро. Высокие, стабильные зарплаты. Мощная «социалка». Жила в соседнем общежитии, современном, вполне благоустроенном. Семья, дети. Детский сад, школа. Завидная участь.

В начале 90-х, понятное дело, все стало рушиться. Скоропостижная приватизация, невыплаты зарплат, сворачивание производства, сдача площадей в аренду. Как везде. Общежитие расселили, приспособили подо что-то коммерческое. Светлане сначала дали комнату в другом общежитии, в Солнцево, а через пару лет — поселили в этот барак, в дом пять а. Вскоре фабрика окончательно встала, пришлось уволиться. Сейчас Светлана работает на каком-то заводе неподалеку (она произносит длинную аббревиатуру, которая моментально вылетает из моей памяти).

— Знаете, я сейчас думаю — зря я в Москву уехала. Нет, уезжать так и так надо было — у нас в поселке ловить было нечего, никакой работы нормальной, ни жилья, ничего. Вот только надо было не в Москву ехать, а в Обнинск. Наши многие туда уехали, и довольны — все уже жилье нормальное получили давно, и работа есть, город красивый, много новых домов строят. Надо было мне тоже в Обнинск ехать.

Молодая была, позарилась на Москву. Хотелось в столице жить, в большом городе. Вот, живу. Зарплата копеечная, денег в обрез, дети уже большие, школу заканчивают, сплошные траты на них. Живем в комнате. За коммунальные услуги мы тут платим от трех до пяти тысяч в месяц.

От названных сумм я впал в легкое остоленение. Почему так много?

— А хозяева так решили.

Кто владеет домом, Светлана не знает. По крайней мере, говорит, что не знает. Фабрика давно дом продала, потом его еще несколько раз перепродали. И вот сейчас им кто-то владеет (не город). И этот кто-то требует от трех до пяти тысяч в месяц. С обитателей тесных комнаток в одноэтажном бараке. В случае неуплаты инициируется процесс выселения (хотя до этого пока не доходило).

За открытой дверью во всей своей красе простирается Коридор. Длинный, кажущийся бесконечным. По бокам — двери, двери. Кухня общая. Санузел (там можно воспользоваться туалетом и принять душ) — тоже общий. У стен и на стенах стоит и висит дикое количество разных предметов — велосипеды, сундуки, какие-то баки, тазы.

— А перспективы есть?

— Перспективы... Пока никаких перспектив. Ничего нам не говорят, ничего не обещают.

Светлана улыбается спокойной, отрешенной улыбкой человека, который долгое время на что-то надеялся, а потом перестал.

— А вот этот дом напротив — он тоже фабричный? Что там?

— Там все то же самое, что у нас, да, тоже наши фабричные живут. Только там отдельные квартиры сделали, там еще как-то жить можно, не то что у нас...

Улица Петра Алексеева, дом 10

Я ходил вдоль дома десять взад-вперед, ходил... Массивное двухэтажное строение, толстые потемневшие бревна, по стенам струятся желтые газовые трубы, образуя странно красивый узор. Уютно светятся окна. На многих окнах — стеклопакеты. Два подъезда, железные двери, кодовые замки. Кажется, такой домина спокойно простоит еще лет сто. Очень крепкий и основательный, что не характерно для бараков.

Проходит десять, двадцать минут. За все это время в дом не вошел и из дома не вышел ни один человек. Вечер, становится холодно. Ладно, видать, не судьба.

Респектабельная Можайка сияет огнями. К остановке то и дело подкатываются большие красивые белые автобусы. Они едут из Одинцово к Киевскому вокзалу. Магазины, машины. Оживление. Какие еще бараки, никаких бараков не было и нет, забудьте.

На другой стороне шоссе возвышаются два новых жилых дома. Один уже построен, другой спешно достраивают. Суетятся строители, поворачиваются из стороны в сторону высоченные краны. На балконе растяжка, каких в Москве тысячи: «Продаются квартиры в этом доме». И телефон.

ДО ПОТЕРИ СОЗНАНИЯ

Со стороны Аничкова моста слышался какой-то гул.

— Едут, — сказала приземистая блондинка в милицейской форме. И действительно — поехали. Невский наполнился оглушительно ревущими и трещащими мотоциклами.

216

Езда происходила в рамках карнавала, который устроили в Петербурге по случаю Дня города. На два дня город, по замыслу устроителей, должен был погрузиться в, так сказать, безудержное веселье. И, кажется, погрузился.

День города — в том виде, в котором он празднуется сейчас практически повсеместно — затея изначально московская (если не ошибаюсь). Первый День города был проведен в Москве еще чуть ли не при Гаврииле Попове. Время и место зарождения этого праздника наложило на его формат неизгладимый отпечаток — разгул, орущая отовсюду отвратительная музыка, сцены-временки с приплясывающими на них бабами и мужиками, много пьющих, напившихся и продолжающих пить людей, вопли, смех (ржание), фейерверки, разливное пиво, водка из пластиковых стаканчиков... Интересно было посмотреть, как подобный праздник проходит в Питере. Должны же быть какие-то отличия, принципиальные.

Посмотрел. Отличия, действительно, обнаружились. Вернее, одно отличие. Впрочем, обо всем по порядку.

Шествие

Сначала было «праздничное шествие» по Невскому. Первыми, как уже было сказано, появились мотоциклисты. Их было просто дикое количество. Они медленно ехали сплошным потоком минут десять. Никогда бы не подумал, что в одном городе может быть такое количество мотоциклов и мотоциклистов. Мотоциклисты были разные. Были классические байкеры — с пивными животами, бородатые, татуированные, в коже, на «Харлеях». Были любители смертельных скоростей на спортивных моделях. Было много девушек — в основном, они сидели позади своих мото-кавалеров, обхватив их руками. Но было и некоторое количество мотоциклисток — в основном очень вызывающе одетых, вернее, полураздетых. Были обладатели огромных мотоциклетных мутантов, трех- и даже четырехколесных, ярких, сверкающих хромированными деталями. Какой-то дядечка не спеша ехал на древнем и очень маленьком военном мотоцикле, к которому сзади был прицеплен пулемет. Были и просто мотоциклисты на обычных мотоциклах, без особых примет.

Они просто ехали, ехали. И проехали. Огромная масса мотоциклов — довольно красивое зрелище. Мотоцикл вообще штука красивая. Но никакой смысловой, символической нагрузки это мото-шествие не несло. Было не очень понятно, почему именно с этого начался карнавал. Ну да ладно.

Дальше пошли колонны, представляющие компании, предприятия, организации, районы города. Как когда-то на советских первомайских демонстрациях.

Да, забыл сказать: темой карнавала была вода. Во всех ее проявлениях. Вода, вода, кругом вода. Вода даже витала над Невским в виде еле ощутимой измороси – наверное, изморось исторгал из себя какой-то специальный аппарат, которого не было видно. В оформлении празднично шествующих по Невскому колонн тоже присутствовала тема воды.

Колонна «Билайна». Газель, обмотанная желто-черной тряпкой; на кузове размещен огромный глобус, тоже завернутый в желто-черную тряпку. Огромная толпа людей в белых майках с желто-черным кругом на груди. Интересно, это все сотрудники «Билайна» или специально нанятые посторонние люди? Группа негров с африканскими барабанами. Группа «шотландцев» с волынками. Все в желто-черных одеяниях. Наверное, это символизирует всемирный международный роуминг.

Колонна неизвестной организации – два ярко-розовых «запорожца» и группа культуристов в полосатых трико. Культуристы то и дело напряженно замирают в мучительных культуристских позах. Мышцы их рельефны.

Колонна питерского Водоканала. Девушки в тельняшках, фанерный колесный пароход и фанерная подводная лодка.

Колонна охранный фирмы «Титан». Огромный черный джип тянет фанерную пушку, девушка в ластах скачет с оранжевым флагом в руках.

Колонна пожарных. Обычные пожарные в касках. На касках у пожарных – маленькие резиновые дельфины.

Колонна Комитета по градостроительству и архитектуре. Люди в шляпах и черных костюмах. В руках – картонные угольники и циркули.

Колонна Адмиралтейского района. Огромная, метров десять в диаметре, модель консервной банки. Надпись: «Икра адмиралтейская». Банка наполнена бесчисленными оранжевыми воздушными шариками, символизирующими икринки.

Колонна пива «Löwenbräu». Девушки в голубеньких платьицах и игривых фартучках. Мужики в коротких штанах и шляпах, изображающие баварцев. Два мужика (или девушки, трудно сказать), изображающие бутылки пива «Löwenbräu».

Колонна Выборгского района. Огромный надувной Кубок УЕФА, много молодых людей, скандирующих: «Зенит – чемпион!»

Колонна Петроградского района. Масса молодых людей в синих тренировочных костюмах с надписью «Космические войска» и в зенитовских шарфах. Двое торжественно несут жестяной Кубок УЕФА, покрашенный золотистой краской.

Колонна Кировского района. Гигантский надувной динозавр. Платформа, на которой практически голые девушки танцуют нечто бразильское.

Колонна Калининского района. В оформлении колонны преобладает международный символ гей-движения – радужный флаг. Много молодых людей в радужных одеждах, с радужными флажками и зонтиками.

Идут, идут колонны. За их движением наблюдают петербуржцы и гости города. Не то чтобы толпы, но довольно много народа. У некоторых в руках небольшие российские триколорчики с надписью славянской вязью «Россия – священная наша держава». У многих на голове рога. Вот мальчик лет пяти с папой. У мальчика на голове закреплены огромные красные рога. Вот женщина с интеллигентным, тонким лицом. На ней ядовито-зеленый парик, а поверх парика – тоже красные рога, но поменьше, не такие огромные, как у мальчика. Вот капризная, судя по выражению лица, девочка в ядовито-розовом парике и тоже с красными рожками.

Флаги с надписью про священную нашу державу продаются тут и там, на импровизированных прилавках. На этих же прилавках продаются парики с рогами. Человек покупает ядовито-зеленый или ядовито-розовый парик, цепляет на себя красные рога и идет по Невскому, размахивая флагом, на котором написано, что Россия – это священная наша держава.

Колонна азербайджанцев с азербайджанскими флагами. Сразу за ней колонна армян с армянскими флагами. Армяне несут плакат: «Мы армяне чистой воды».

Колонна голландцев. Вернее, не колонна, а огромный грузовик, на котором написано: «Любим Питер!!! Веселые голландцы». Грузовик заполнен веселыми голландцами, все сплошь в оранжевых майках, рубашках и куртках. Веселые голландцы пьют пиво из пластиковых стаканов, а голландский ди-джей наяривает на своей вертушке какое-то техно.

Колонна Василеостровского района. Огромный, метров пять в диаметре, надувной кулак с татуировкой «ВАСЯ» на угрожающих фалангах. Молодые люди, почему-то в полосатых арестантских робах. В оформлении колонны преобладает криминальная тематика.

Колонна молодых людей, изучающих бразильскую народную борьбу «капоэйра». Колонна поющих кришнаитов.

Колонна фирмы «Volvo». Три огромных новеньких самосвала «Volvo», красный, желтый и оранжевый, до краев наполненные воздушными шариками соответствующих цветов. Это все. Самосвалы медленно и величаво ехали по Невскому. Самая красивая колонна.

Шведские самосвалы проехали, и на проспекте показались серые машины ОМОНа. Они тоже смотрелись как праздничная колонна. Всё, шествие закончилось.

Стадион зеленых зайцев

Но карнавал и не думал заканчиваться. На четырех центральных площадях города должны были состояться разные развлекательные события: показ карнавальных костюмов, шоу «Смешариков» (я, честно говоря, не знаю, что это такое), всякие концерты... Я отправился на Манежную площадь, где ожидалась самая интригующая часть программы — чемпионат Санкт-Петербурга по переноске жен.

До переноски жен оставалось еще больше часа, и я бродил туда-сюда по Манежной, наблюдая народные увеселения.

Небольшая толпа перед сценой. Конкурс: кто лучше всех повторит движения гибкой девушки, профессиональной танцовщицы. В конкурсе участвуют три добровольца — две девушки и парень. Звучит ритмичная музыка, гибкая девушка-танцовщица красиво извивается ей в такт. Одна из девушек, участвующих в конкурсе, честно пытается копировать движения. Получается не очень похоже, но в целом сносно — видно, что девушка умеет танцевать. Другая девушка, в коричневом школьном платье, белом фартуке и с голубой лентой через плечо, просто стоит и улыбается. Примерно раз в двадцать секунд она совершает какое-нибудь единичное судорожное движение — и опять стоит с безмятежной улыбкой на симпатичном юном лице. Парень просто покачивает верхней частью туловища из стороны в сторону, не обращая никакого внимания на гибкую девушку-танцовщицу.

Потом зрители издавали организованные вопли — выбирали победителя. Ведущий крикнул в микрофон: «Юля!» Зрители произнесли: «А-а...» «Антон!» — «М-м-м...» «Катя!» — «А-а-а-а-а!!!» В результате сопоставления громкости этих коллективных воплей победа была присуждена Кате, хотя, честно говоря, это я их условно так назвал, может быть, их как-то по-другому звали, например, Света, Лена и Рудольф, как-то я не запомнил, впрочем, какая разница.

Дело в том, что к тому времени я переместился к другой площадке, там же, на Манежной. Это называлось «Стадион зеленых зайцев». На стадионе — асфальтовой площадке с двумя футбольными

воротами – играли в футбол маленькие и не очень маленькие дети, примерно от пяти до десяти лет. Играли они огромным резиновым мячом, очень легким, таким нельзя нанести травму. Диаметр мяча составлял примерно от трети до половины среднего роста игроков. Функции судьи выполнял «аниматор» – парень в костюме зеленого зайца. Он следил за общим порядком и комментировал происходящее в мегафон: «Так-так, какая отличная атака, идет интересная борьба в центре поля, штанга, гол, какой захватывающий матч» – и так далее. Мегафон не работал, но судья почему-то говорил именно в него, а не просто так. В каждой команде было человек по шесть. Они бегали за мячом беспорядочной толпой, хаотично его пинали, иногда мяч случайно залетал в ворота.

Какой-то толстенький мальчик придумал тактическую уловку. Вместо того чтобы беспорядочно пинать огромный мяч, он то и дело зажимал мяч между ног и мощно пёр вперед, к воротам соперника. Правда, забить ему так и не удалось.

Маленький вратарь сонно-равнодушно наблюдает за игрой, руки в карманах джинсовой курточки. Он не меняет позы даже в тех случаях, когда игра происходит в метре от его ворот. Выражение его лица также остается неизменным, вне зависимости от игровой ситуации. Ему так и не забили ни одного гола.

Другой мальчик, совсем маленький, все время падает. Однажды он упал три раза подряд, ушибив при этом сначала локоть, потом колено, а потом голову. Последнее падение было особенно страшным, но он

в ту же секунду вскочил и вклинился в толпу играющих. Даже не заплакал. Молодец.

Поймал себя на том, что мне было интересно наблюдать за этой игрой. Я бы стоял бы и смотрел за этой ребячьей возней с огромной резиновой сферой, если бы судья, он же зеленый заяц, не дал финальный свисток — пора было готовить площадку к чемпионату по переноске жен.

Падение

Дистанция — примерно сто метров. Асфальт. Участвуют пары. Каждый участник-мужичок должен взять на руки участницу — свою жену (можно просто подругу, в паспорта никто не смотрит) — и пробежать с женой (подругой) на руках расстояние от старта до финиша с максимально возможной скоростью. Всего записалось двадцать пар. Пары бегут попарно — одна пара параллельно другой. Судьи засекают время. Десять забегов по две пары, две самых быстрых выходят в финал, где и определяется победитель.

Зрителей много. Еще бы — такая забава. Смеются, подтрунивают над участниками, фотографируют.

Уровень спортивной подготовки мужичков неодинаков. Одни бодро несут своих дам к финишу, другие еле плетутся. Комплекция дам тоже различна. Несомые дамы улыбаются и смеются, лица мужичков красны и перекошены от напряжения. Переноска жен — нелегкая работа.

Примерно каждый второй мужичок падает. Соответственно, падает и каждая вторая дама. По

условиям соревнований пара может продолжить движение с места падения. Мужички вскакивают, хватают своих жен (подруг) и бегут дальше. Падения вызывают у зрительской аудитории взрывы хохота. Это ведь очень смешно — когда человек падает на асфальт. Особенно если при этом у него из рук выпадает жена (подруга).

Надо сказать, звук шлепания человеческого тела об асфальт довольно неприятен.

Бегут они, бегут. Падают, поднимаются и снова бегут. Вокруг стоят питерские дома, некоторые из них являются памятниками архитектуры.

В какой-то момент я понял, в чем принципиальное отличие питерского Дня города от его московского аналога. Дело в том, что Петербургу катастрофически не идет, не к лицу бурное веселье. В Москве все это народное дуркование выглядит как-то мило, органично и даже иногда трогательно. В конце концов, почему бы, действительно, не повеселиться как следует в городе, одна из центральных площадей которого называется Разгуляй. А в Питере не так. Похоже на то, как немолодой, строгий, сдержанный и молчаливый, с хорошим вкусом человек вдруг ни с того, ни с сего начинает глупо шутить, хихикать, кривляться, приплясывать и дребезжащим фальцетом напевать похабные песенки, и становится за этого человека стыдно и досадно, и хочется, чтобы поскорее это прекратилось. Вот примерно то же самое и с питерским карнавалом. Город теряет — к счастью, ненадолго — свое лицо, и его привычно-великолепные виды начинают вдруг выглядеть, как нелепые картонные декорации бедного провинциального театра.

Очередной забег. Мужички натужно сопят, дамы улыбаются. Перед самым финишем один из мужичков падает, дама его летит на асфальт. Мужичок вскакивает, надо быстро бежать, финиш-то совсем рядом, есть еще шанс победить. Мужичок подхватывает свою даму, она безжизненно повисает у него на руках, он кладет ее обратно на асфальт, и она минут десять лежит без сознания на асфальте. Врача нет. Вызвали «скорую»; «скорая» не едет. Кто-то пытается оказать даме первую помощь, но, похоже, никто не знает, как это делается. Муж (друг) сначала долго сидит на корточках около жены (подруги), потом встает и, обхватив голову руками, потерянно бродит вокруг. Подходят другие люди, тоже пытаются что-то сделать, все это длится мучительно долго, страшно на это все смотреть. Наконец жена (подруга) кое-как поднимается. У нее совершенно белое лицо и блуждающий взгляд. Муж (друг) берет ее на руки и куда-то уносит. «Скорая» так и не приехала.

С ужасом ожидаю, что соревнования по переноске жен продолжатся, но этого не происходит. Собственно, на Стадионе зеленых зайцев больше вообще ничего не происходит. Ведущий говорит в мегафон, что настоящий спорт — это всегда риск, и все постепенно разбредаются. На соседней сцене какие-то девушки танцуют ламбаду.

На площади Островского в это время выступает какая-то группа. А на Дворцовой — конкурс карнавальных костюмов. Люди веселятся, пьют пиво, пританцовывают. И на следующий год будет все то же самое, только тема карнавала будет другая — не вода, а, к примеру, земля или огонь. И опять будет

чемпионат по переноске жен. Или бег в мешках. Организаторы учтут прошлогодний печальный опыт, и на соревнованиях по переноске жен или по бегу в мешках будет дежурить врач.

Я очень, очень надеюсь, что у этой девушки все будет хорошо.

Человек бил железной палкой по борту троллейбуса и кричал: «Откройте! Откройте!» Из водительской двери высунулась женщина-водитель: «Отойди! Не открую! Иди отсюда!» Троллейбус поехал, а человек продолжал бить палкой сначала по троллейбусу, а потом просто по воздуху, потому что троллейбус уехал.

Все это происходило в Тамбове, на привокзальной площади, недалеко от огромного, радужно сверкающего фонтана, городской гордости.

228

Лето, середина июля. Как выражаются метеорологи, воздух прогрелся примерно до тридцати градусов выше нуля. По Цельсию.

Выглядел человек удивительно. Очень низенький, примерно метр пятьдесят, полный, шаровидного телосложения. Зимняя куртка-пуховик, теплые шерстяные штаны, огромные бесформенные ботинки, шерстяная кепка. За спиной — гигантских размеров башнеобразный рюкзак, возвышающийся над головой человека примерно на полметра. Общая высота рюкзака сопоставима с ростом его обладателя.

Рядом стояла пожилая женщина. «Видишь, не пускают тебя. Ладно, пойду я, иди мне надо». И ушла. Человек остался один.

Он стоял в очень неудобном месте, в заполненной песком щели между краем разбитого отбойными

молотками асфальта и бордюрным камнем. Пытался было продвинуться туда или сюда, и наткнулся то на край асфальта, то на бордюр, чуть не падал, тыкал туда-сюда своей железной палкой. «Помогите», — сказал человек. И еще несколько раз сказал — «помогите». Потом крикнул: «Помогите!». И еще несколько раз крикнул.

Надо было помочь человеку, хотя и не хотелось этого делать, были совсем другие планы, надо было осмотреть город, познакомиться с его достопримечательностями, и так далее. Ну, что делать.

Подошел. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что у человека нет глаз, веки сомкнуты над пустыми глазницами, и из щелочек торчат редкие короткие ресницы. Рот у человека все время открыт, во рту розовеет язык. И запах. Не то чтобы очень сильный, но свидетельствующий о том, что человек достаточно долгое время носил, не снимая, свою одежду на жару.

- Вам помочь?
- А? Что?
- Помочь вам?
- Что? Не слышу!

Практически на ухо:

- Помочь вам? Куда надо ехать?
- Мне... эта...

Говорит так же плохо, как и слышит. Шепелявит. Пошарил рукой в пространстве, цепко и сильно ухватился за локоть, рукав, руку.

— Мне в облсобес. В это, в защиту. Помогите. В облсобес.

- Как туда ехать?

— Что?

— Ехать на чем?

Неожиданно отчетливо:

— Туда идет пятый троллейбус и тридцать второй автобус.

— А остановка какая?

— Не знаю, сынок. Спроси там... у людей спроси. Облсобес. Помоги в троллейбус сесть.

Рука липкая. Запах, жара. Появляется тридцать второй автобус.

— Автобус идет, пошли.

— Автобус? Какой автобус, сынок?

— Тридцать второй.

— Сынок, какой автобус? Мне тридцать второй надо.

230

— Вот как раз тридцать второй идет.

— Тридцать второй?

— Да, да, тридцать второй.

— Ну, давай, сынок, веди меня.

— Пошли, пошли. Осторожно, сейчас бордюр. Надо перешагнуть.

Спотыкается о бордюр, чуть не падает, цепко впи-
вается в локоть.

— Ай, упаду! Ай! Упаду, держи! Ой-ой-ой... Ох...

Кричит по-детски жалобно, охает по-стариковски.

— Пошли, пошли, перешагиваем. Осторожно, вот так, идем, идем.

Ходит человек не намного лучше, чем говорит и слышит. Ему мучительно трудно отрывать ноги от земли, он, шаркая, медленно выдвигает стопу на половину длины другой стопы, а потом подтягивает ту, другую, стопу на такое же расстояние, и так передвигается.

К преодолению препятствий в виде ступеней, бордюров и прочих возвышений долго готовится, по нескольку раз заноса и ставя обратно больную ногу.

Автобус останавливается чуть в стороне, открывает двери, никто не входит, пытаемся успеть, не успеваем, автобус закрывает двери и уезжает.

— Не успели на автобус, подождем. Стойте, стойте, ждем.

Далее следует мучительный диалог об уехавшем автобусе, о номере его маршрута, о необходимости ожидания следующего автобуса или троллейбуса. Автобус тридцать второй, троллейбус пятый. В облсобес. Троллейбус пятый. А автобус тридцать второй.

Запах, жара. Солнце уверенно движется к зениту. Воздух прогрелся уже, пожалуй, градусов до тридцати пяти.

Подруливает пятый троллейбус, пустой. Осторожно, осторожно, вот так, ступенька, осторожно, вот поручень, вот так, а теперь еще ступенька, вот, хорошо, еще ступенька, и теперь садимся, садимся.

Рюкзак тяжелый.

Сели, поехали.

— Тебя как звать-то?

— Дмитрий. А вас как?

— Анатолий. Анатолий Васильевич. Дмитрий, ты спроси, спроси. Остановка. Где выходить. Спроси у людей.

— Спрошу, спрошу. Не подскажете, как нам до облсобеса добраться?

— Ой, не знаю.

— Извините, не подскажете, нам облсобес нужен, на какой нам остановке выходить?

- Не в курсе.
- Дмитрий, ты спрашивай, спрашивай. Облсобес.
- Да я спрашиваю. Простите, вы не подскажите, как нам до облсобеса доехать.
- Ты спрашивай, спрашивай, ну чего ты не спрашиваешь, Дмитрий, спрашивай.
- Это не облсобес, это соцзащита называется. Это вам надо на следующей остановке после областной больницы выходить. Можете у больницы выйти и немного вперед пойти, а можете на следующей остановке после больницы выйти и пройти немного назад.
- Дмитрий, ты спрашивай, что ты не спрашиваешь, спрашивай у людей.
- Это какая остановка по счету будет?
- Так... Это шестая будет. Нескоро еще.
- Спрашивай, ну спрашивай! Дмитрий! Ты где есть?
- Да я уже все выяснил, не волнуйтесь.
- Спрашивай, почаще спрашивай, проедем.
- Да я выяснил все! Все узнал!
- Узнал? Когда нам выходить?
- Нескоро еще.

На некоторое время отвлекается от остановочной проблемы.

- Сбежал я от них.
- От кого?
- Из Сосновки. Сбежал от них. Дом инвалидов, в Сосновке. Издеваются. Эта, Танька. Издевается надо мной.
- Это кто?
- Кто-кто, санитарка. И другие тоже. Бьют нас там. Издеваются. В Сосновке. Воруют. Издеваются все

время! (возвышает голос) Говорит: пошли купаться. Ну, пошли. Я залез... залез в нее, ванну... а там кипяток! Кипяток налили! Прямо кипяток! Я себе все ноги обварил, у меня тело нежное, а там кипяток, а мне нельзя, у меня тело нежное...

Произносит как-то нараспев, «не-ежнаи-и».

— ... (что уж тут говорить).

Троллейбус надолго застрял на светофоре.

— Это не наша? Дмитрий! Дмитрий! Где ты есть? Что молчишь? Ты где?!

— Да здесь я, здесь. Я скажу, когда выходить. Успокойтесь вы.

— Нам на следующей? На следующей выходить? Дмитрий, спроси, нам на следующей? Там еще протезный завод. Облсобес, протезный завод...

И так еще очень много раз. Спрашивай, спрашивай, да я знаю, где выходить, спрашивай, Дмитрий, нам не на следующей, да нет, еще далеко, протезный завод, облсобес, спрашивай, Дмитрий, спрашивай.

— Ты меня не бросай, — говорит Анатолий Васильевич.

Наконец, больница. Многие выходят. Нам на следующей. Кондуктора в троллейбусе нет, надо пройти до передней двери и заплатить за проезд водителю. Мучительно протискиваемся через половину салона, мучительно выползаем на свет Божий.

Свет Божий освещает довольно безобразное место. Вокруг как-то ничего нет. Какой-то деревянный сарай, длинный бетонный забор. Пустырь. Чуть поодаль — серая пятиэтажка. Женщина в троллейбусе говорила, что надо пройти немного назад. Но там не видно ничего, кроме бетонного забора и пустыря.

— Стойте здесь, никуда не уходите, я пойду людей поспрашиваю, где здесь облсобес.

— А? Что? Дмитрий! Ты где?

— Стойте здесь, я пойду узнаю, куда нам идти.

— Дмитрий! Дмитрий! Ты меня не бросай! Дмитрий! Ты где?!

И еще долго так кричит в пустоту, а что делать, что делать.

— Не подскажите, где тут облсобес?

— Не знаю.

— Не подскажите, где тут облсобес?

— Не знаю.

— Не подскажите, где тут облсобес?

— Не знаю.

— Не подскажите, где тут облсобес?

— Не знаю.

234

Да что же это такое.

— Не подскажите, где тут облсобес?

— Это вам вон туда надо, на ту сторону. Вон то здание, видите, торцом стоит. Это он и есть. Соцзащита сейчас называется, это он раньше облсобесом назывался.

Анатолий Васильевич уже куда-то направился самостоятельно, он решил, что его бросили. По инерции он продолжает периодически выкрикивать слово «Дмитрий». На него никто не обращает внимания, да и вообще людей здесь мало, глухое место.

— Стойте, стойте, нам не туда. Я все узнал, пойдем, пойдем в облсобес, это тут недалеко.

Метров двести, отделяющие остановку троллейбуса от облсобеса, преодолеваем минут за пятнадцать. Кричащий диалог не прекращается ни на мгновение,

содержание реплик: «сколько идти», «уже скоро», «куда ты меня ведешь», «в облсобес», «мы где», «мы идем в облсобес», «долго еще», «уже почти пришли». И так много, много циклов.

- Все, пришли. Ждите здесь, я к дежурной пойду.
- Дмитрий! Дмитрий! Ты куда?..

В облсобесе (соцзащите) тихо, прохладно. За столиком скучает дежурная.

– Я вам инвалида привел, слепого, на улице встретил, он просил его до облсобеса довести, вот, довел.

– Это Анатолий Васильевич, небось? С рюкзаком?

– Да, точно.

– Ох, ну что же он к нам все ходит-то... Он к нам постоянно ходит, а чего ходит? Ну, давайте, ведите.

Преодолеваем двойную стеклянную дверь, порожек, расстояние от двери до стола дежурной. Дежурная вызывает специалиста по инвалидам и их, инвалидов, домам, – добродушную полноватую женщину. Она очень долго, терпеливо и доброжелательно разговаривает с Анатолием Васильевичем.

Анатолий Васильевич – насельник Сосновского дома инвалидов. У него нет родственников, он совершенно один. Анатолия Васильевича не устраивает уровень обслуживания в Сосновском доме инвалидов. Правда, словосочетание «уровень обслуживания» здесь вряд ли уместно. Над Анатолием Васильевичем, по его словам, постоянно измывается персонал – нянечки, санитары. Бьют, ругаются, воруют. Опять же, ванна с кипятком.

– Мне нельзя кипяток, у меня тело нежное, – говорит Анатолий Васильевич.

«Тела-а не-ежнаи-и».

Он уже в четвертый или пятый раз сбегает из Сосновки, и каждый раз приходит сюда, в облсобес, с этим огромным рюкзаком, и каждый раз говорит одни и те же слова одной и той же сотруднице собесса. Сотрудница слушает, кивает головой. Ну что мы можем сделать, говорит сотрудница собесса. Мы им, конечно, позвоним, санитаркам сделаем выговор, но вы же понимаете, мы же не можем их уволить, потому что никто ведь больше работать не будет за полторы тысячи рублей в месяц. Вы бы все-таки возвращались в Сосновку, все-таки, там у вас есть отдельная комната, какой-никакой уход, вон, купают вас, кормят. Это же лучше, чем на улице. Вам же на улицу-то никак нельзя, вам же уход нужен.

236

— Не пойду я в Сосновку. Не пойду! Не желаю! Издаются! Как в тюрьме там! Только в тюрьме со статьей, а у меня статьи-то нету!

Интонации Анатолия Васильевича из жалобно-просительных становятся требовательными. Видно, он привык к этим обличительным речам в собесе, и нахождение в позиции обличителя производит на него бодрящее воздействие.

— Хочу в другой дом инвалидов! Переведите! Требую перевести! Не хочу в Сосновку! Не поеду!

— Другой дом для инвалидов по зрению откроют не раньше 2010 года. Да и то неизвестно, может, и позже. А пока только Сосновка.

— Вот когда откроют, я тогда в него и пойду. А в Сосновку — не пойду больше.

— А где же вы два года-то жить будете? У вас ведь ни кола, ни двора! Как же вы зимой-то будете?

— Я знаю, как я буду. Все знаю! Я шестьдесят восемь лет прожил, и еще шестьдесят восемь проживу! Не пропаду!

Разговор еще некоторое время вращается вокруг фиксированного набора тем и утверждений. В Сосновку не пойду, издеваются, где же вы будете, ничего, проживу, да вам бы лучше в Сосновку, издеваются, кипиток, тело нежное. И заканчивается этот разговор ничем.

Неожиданно вспоминаю, что Сосновка — в некотором роде знаменитое место. Там претерпел наказание кнутом основатель и лидер секты скопцов Кондратий Селиванов. Тот факт, что в результате бичевания он остался жив, считался чудом (после наказания кнутом мало кто оставался в живых, это было фактически разновидностью смертной казни). Окровавленная рубаха Селиванова почиталась его последователями в качестве святыни.

Плетемся к остановке.

— Дмитрий, посмотри, тут кафе есть? Или ларек.

Вокруг только пыль, трава, заборы, вдали виднеется серая пятиэтажка.

— Мне бы поесть. Не ел ничего с утра. Поесть. Дмитрий!

— Нету тут кафе, сейчас на станцию приедем, там будет кафе.

— На станцию? Ты на станцию меня повезешь? На станции кафе нету. Мне бы в кафе. На станции буфет, пирожки. Поесть хочу. Чтобы нормально, первое, второе, окрошечки взять, водочки.

Водочки. Понятно.

Представил, как Анатолий Васильевич пьет водочку. В кафе. И ест окрошечку. Представил, как я пью водочку с Анатолием Васильевичем...

Вначале, когда стояли на привокзальной площади, влезали в пятый троллейбус и ехали до остановки «Протезный завод», было какое-то воодушевление, в голове мелькали идиотские мысли про «доброе дело» и «помочь человеку», но миллиграммы милосердия очень быстро иссякли, и осталось только тоскливое раздражение по отношению к этому человеку, который беспрерывно кричит что-то не очень связанное из своей глухой безвылазной темноты, это его единственный способ коммуникации с невидимым внешним миром – кричать и бессильно вслушиваться, в ответ практически ничего не слышно, тьма, жара, рюкзак тяжелый, надо идти, идти куда-то, собес, протезный завод, вокзал.

Поскорее бы довести его до вокзала, он, судя по всему, к вокзалу привычный, не пропадет. В конце концов, некогда. Некогда тут мне с ним.

Как-то незаметно стал обращаться к нему на «ты». Хотя Анатолию Васильевичу шестьдесят восемь лет. Можно сказать, в отцы годится, хотя в данном контексте эта фраза звучит довольно дико. Если бы он был солидным, уважаемым пожилым человеком, я бы, конечно, обращался к нему на «вы», ни о каком «ты» не могло быть и речи. Но поскольку Анатолий Васильевич – человек не солидный и не уважаемый, а, напротив, слепой полуглухой полубомж, то можно и на «ты», ничего, ничего. К чему эти церемонии.

Какая гадость.

Добрались до остановки. Несколько раз подряд прозвучали словосочетания «пятый троллейбус», «тридцать второй автобус» и «да, да, я помню».

— Дмитрий, а тут кафе есть? Или хоть ларек какой?

— Кафе нет, а ларек есть.

— Дмитрий, купи мне попить. Вот знаешь чего... Я обычно пиво покупаю, балтику девятку. Знаешь, такое... Балтика девятка, крепкое. Очень оно мне помогает.

— Пива не куплю, пиво — это без меня.

Купил ему и себе по бутылке минералки.

— Вода... А что вода... Вода — она и есть вода, ничего в ней нету. Балтика — то девятка хорошо мне помогает.

Жадно выпил воду. Я тоже. Очень жарко.

Он даже ни разу не снял свою шерстяную кепку.

— Я что, не человек? Мне бы пива, балтику девятку. Или в кафе, покушать, первое, второе, водочки. Я не человек, что ли?

Человек.

Тридцать второй автобус, влезает, едем на станцию. Мы где, какая остановка, когда нам выходить, мы не проедем, где мы стоим, это светофор, это наша остановка, сколько еще ехать.

По большей части молчу.

— Дмитрий! Дмитрий! Ты где? Ну чего ты молчишь! Чего ты молчишь! Чего ты молчишь!!!

Какая-то толстая баба прикрикнула:

— Да что ты все орешь?! Знает он, куда ехать! Орет и орет!

Анатолий Васильевич примолк, но ненадолго.

— Дмитрий, когда нам выходить? Это не наша? Не проехали?

Вокзал, вылезаем. Другие пассажиры помогают.

— Завтра в Ржаксу поеду. — (Это районный центр такой, в Тамбовской области.) — В Ржаксу. Есть у меня там человек. Поезд в девять утра. Посижу на вокзале. Ты меня до сидений доведи, там сиденья, я там сижу всегда. Вот пива не хочешь мне купить. Или вот я бы водочки. Первое бы, второе. Дмитрий, а ты верующий? Баптист, небось?

— Почему баптист, православный.

— В нашей вере-то пьют. А в ихней — нет, не пьют.

Добрели до зала с рядами металлических сидений, Анатолий Васильевич расположился у стеночки.

— Дмитрий, знаешь чего... купи мне пирожков, с мясом. Пива мне не хочешь покупать, ну, ладно, я сам куплю, а ты мне пирожков купи. А воды не покупай, вода — она и есть вода, чего ее пить-то.

Купил пирожков с мясом. Попрощались. Ну, давай, Анатолий, пока, дай Бог тебе здоровья, спасибо, Дмитрий, спасибо, сынок.

Зашел в туалет, несколько раз тщательно вымыл с мылом руки, особенно тщательно — левую, за которую цепко держался Анатолий Васильевич.

Вышел на Интернациональную улицу, пошел в сторону центра, испытывая яркую, звериную радость от возможности быстрой ходьбы, от возможности визуального и аудиовосприятия.

Тамбов, признаться, не произвел на меня никакого впечатления — ни плохого, ни хорошего. А ведь я приехал сюда именно за впечатлениями от города. Но получилось так, что источником основной массы впечатлений стал не город Тамбов, а его житель Анатолий Васильевич.

Тамбов если чем и поразил, то своей обычностью, усредненностью. Город вовсе не запущенный, но и не поражающий нарядностью и опрятностью. Здесь нет памятников седой старины, равно как и ультра-современных зданий. Нет огромной промышленности, нет величественных природных объектов. Город не большой и не маленький – тысяч триста с чем-то население, территория тоже средняя. Пешком из конца в конец идти, пожалуй, слишком далеко, а на автобусе проехать – недолго.

Вышел на центральную улицу – Советскую, зашел в парк на берегу маленькой речки Цны. Зашел в свежереотреставрированный Казанский собор (конец XVIII в.). Вернулся на Советскую. Это – самый центр города. Здесь сохранилось довольно много симпатичных дореволюционных домиков, но застройка пестрая, неоднородная. Чем дальше к Комсомольской площади, тем больше сталинских домов.

На Комсомольской сел в восемнадцатый автобус и доехал до конечной остановки «Магистральная улица». Петляли сначала по серенькой промзоне, потом по жилым кварталам брежневской эпохи.

Девятиэтажные дома, судя по всему, местной, тамбовской серии – отвратительны.

На конечной остановке мое внимание привлек одноэтажный торговый павильончик. В павильончике размещалось два торговых учреждения – «Максимовские колбасы» и «Ритуальные услуги». Две двери рядом, обе открыты настежь – очень жарко. За одной дверью виднеются венки и памятники, за другой – ряды колбас.

Сел в другой автобус и поехал в село Красненькое, которое располагается вплотную к городской черте. Долго ехали по Моршанскому шоссе. С одной стороны — промышленные сооружения, с другой — жилые дома. Мелькнул магазин «Пряники дешево».

Приехали в село Красненькое, конечная. Вышел. Село как село. Собственно, а что я необычного хотел увидеть в селе? Ничего. Приехал просто так, занесло как-то. Жара, усталость. И пришибленное остолбешение от встречи с Анатолием Васильевичем.

Вернулся на Комсомольскую площадь, еще немного пролягнул по центру, и поехал на вокзал. Скоро поезд.

Зашел в буфет купить что-нибудь в дорогу. У соседнего прилавка стоял Анатолий Васильевич, уже без рюкзака. Кажется, он покупал балтику девятку.

Не стал к нему подходить, купил бутылку минералки и пошел к выходу на платформу.

Я включил телевизор и увидел Анфису Чехову. Она что-то ела (кажется, креветки с какой-то зеленью) и рассуждала о питании. Помещение, в котором находилась Анфиса Чехова, было выкрашено в розовый цвет. Полностью, с пола до потолка. Это называлось «Розовая студия». А передача называлась «Космополитен – видеоверсия».

Раньше я никогда не видел Анфису Чехову. Знал, что есть такая девушка, и что она ведет какую-то телепередачу эротического толка. Но не видел. А вот теперь увидел. Приехал в Минск, включил телевизор – и увидел Анфису Чехову.

Ведущий (скромный молодой паренек) спрашивает Анфису Чехову, можно ли определить по гастрономическим пристрастиям мужчины, насколько он хороший любовник. Можно, отвечает Анфиса Чехова. Если у мужчины на тарелке здоровенный кусок мяса с картошкой, если у него в рюмке водка или в кружке – пиво, то он скорее всего неважный любовник, так себе. А вот если перед ним – горка креветок, рукола, укропчик, сельдерейчик, в бокальчике – вино или коньячок (так и сказала – «коньячок»), то есть довольно большая вероятность, что перед нами – о-го-го какой любовник. Потому что надо правильно питаться. Здоровое питание – основа всего.

О-го-го.

Вообще-то, раньше я думал, что на белорусском телевидении Анфиса Чехова невозможна. Я думал, что белорусское телевидение – как советское. Бесконечный Лукашенко, бесконечные «закрома Родины» и передовики производства, бесконечные трактора «Беларусь», бесконечно пашущие не очень плодородную белорусскую землю. Тем более что за два дня до описываемых событий в Минске во время массовых гуляний по случаю Дня Независимости произошел теракт. Пострадали десятки людей; к счастью, никто не погиб. Я ожидал, что с экранов телевизоров не будет сходить грозный Лукашенко, изрыгающий филиппики в адрес врагов белорусского народа.

244

Нельзя сказать, что я полностью был не прав. Отчасти все так и было. Но только отчасти...

Анфиса Чехова сказала: люблю мужчин накачанных, но подернутых легким слоем жирка.

Легким слоем жирка. Легким слоем жирка. Легким слоем жирка. Гной и сало.

Надо пощелкать. Попереключать каналы. Потому что она сейчас еще что-нибудь скажет. Про креветки, руку или слой жирка.

Щелк.

Реклама. Такая же, как и у нас. Мобильная связь, страхование, вещество Ваниш. Отправь SMS – и получишь.

Щелк.

Долговязый человек в круглых «ленноновских» очках и с саквояжем в руках рассказывает по-белорусски о замке князя Витовта. Программа называется «Новые путешествия дилетанта». Белорусская

речь абсолютно понятна, за исключением отдельных редких слов, которые все равно понятны, по контексту. Странно: вот украинскую речь (рідну мову – не суржик) на слух гораздо труднее воспринимать, а тут – никаких затруднений.

Щелк.

Опять «Космополитен». Анфисы Чеховой уже не видно. Что делать, если тебя бросил любимый, и ты вдруг случайно встретила с ним в кафе? Полупустое кафе; за столиком – широкоплечий наголо бритый мужлан, типаж – «менеджер автосалона, торгующего отечественными автомобилями». Что-то жадно жрет. Появляется девушка, подходит к мужлану, берет стакан воды, выливает мужлану на брюки и гордо уходит. Голос за кадром: впереди тебя ждут новые победы, и не только в бизнесе.

Щелк.

Какой-то киноартист. Вспоминает минувшие дни. Как он работал на съемках какого-то фильма. Вместе с артистом в студии ведущий и два музыканта – худой, с усиками гитарист и краснолицый аккордеонист. Передача называется «Рожденные в СССР». Артист произносит с интонацией, обозначающей задушевность: какое же это прекрасное было время.

Щелк.

Человек в круглых очках и с саквояжем рассказывает по-белорусски про электростанцию, которую построили в 50-х годах прошлого века на стыке границ Белоруссии, Литвы и Латвии. Звучит словосочетание «братские республики». Из рассказа не очень понятно, какого типа электростанция – гидро- или тепло-. Судя по наличию рядом с электростанцией

речки, можно предположить, что — гидро-, однако речка настолько мала, что добывать из нее электро-энергию, кажется, невозможно. В настоящее время электростанция не работает.

Щелк.

Реклама. По джунглям бегают индейцы, потом на экране появляются два слова: «Апокалипсис скоро».

Щелк.

«Космополитен» все длится и длится. Светская тусовка. Корреспондент спрашивает у Кати Лель, как она подбирает одежду. Катя Лель говорит: для меня главное, чтобы одежда выражала мой внутренний мир. На Кате Лель — невообразимо блестящая курточка, широкие штаны, похожие на тренировочные, и ярко-синие сапоги с круглыми носами.

246

Щелк.

Киноартист говорит: мне посчастливилось работать с прекрасными людьми. Кадры из фильма «Я шагаю по Москве». Гитарист играет на гитаре и поет песню «А я иду-шагаю по Москве», аккордеонист подыгрывает. На словах «и вспомню о Москве» гитарист практически срывается на крик, и кажется, что сейчас внутри у гитариста что-нибудь лопнет, или в студии разобьется какая-нибудь лампочка, или вырубится электричество.

Щелк.

А вот и Лукашенко... Новости на первом белорусском канале. Первый белорусский канал почему-то ловится в гостинице очень плохо, приходится продирааться сквозь громкий треск и мелькание разноцветных полосочек. Лукашенко в камуфлированной военной форме, на голове — каскетка а-ля де Голль.

Лукашенко говорит, что взрыв 3-го июля – провокация. Кто-то хочет подорвать единство белорусского народа. Виновные будут найдены и наказаны по всей строгости. Компетентные органы работают. Им помогают российские специалисты. Я отдал поручения моим подчиненным. Треск и полосочки.

Щелк.

Группа пожилых женщин в белых спортивных костюмах выстроилась в ряд посреди Таймс-сквер и совершает синхронные танцевальные движения. Ведущий по-белорусски объясняет, что это чирлидеры-пенсионеры, группа поддержки баскетбольной команды «New Jersey Nets». Руководит группой крепкий старикан в бейсболке. Достойная старость. Заслуженный отдых. Потом ведущий рассказывает о Дэвиде Бирне и о его сотрудничестве с Борисом Гребенщиковым. Передача называется «Видимо-невидимо». Группа по-белорусски – гурт. Гурт «Аквариум». Гурт «Токинг Хэдз». Ведущий рассказывает что-то про хип-хоп, и в его рассказе мелькает чудесная белорусская фраза: «Можно просто тешиться».

Щелк.

Новости Минского региона. Опять что-то о взрыве. Опять треск и полосочки. Виновные будут наказаны. Пострадавшим оказывается медицинская помощь. Сурового вида хирург демонстрирует здоровенную железную гайку, только что извлеченную из тела одного из пострадавших.

Щелк.

Наконец-то на экране появилось сельское хозяйство. Мужичок с внешностью крепкого хозяйственника рассказывает об успехах СПК «Калининский»

Добрушского района Гомельской области. На заднем плане – какие-то сельхозагрегаты, кажется, сеялки. Что такое СПК – не объясняется, наверное, это какая-то общеупотребительная аббревиатура. Может быть, сельскохозяйственный производственный комбинат. Кто знает. В речи мужичка встречается до боли знакомое каждому советскому телезрителю словосочетание «продать зерна государству на сумму». Мужичка-хозяйственника сменяет другой мужичок, облик его не лишен элегантности. Это депутат белорусского парламента от Добрушского района Соловьев. Депутат Соловьев рассказывает об успехах сельского хозяйства Добрушского района. Передача называется «Парламент в лицах».

Щелк.

248

Опять новости Минского региона. В Логойском районе открыли универсам. Мини-интервью с довольными покупателями. Хорошо стало, говорят довольные покупатели. Раньше универсама не было, плохо было, а теперь универсам открылся, хорошо стало, ассортимент хороший, цены хорошие, все хорошо, очень хорошо, что у нас в Логойском районе открылся универсам. Мини-интервью с деятелями местного райпо. Лица деятелей райпо светятся административным довольством. Хорошо, что открыли универсам, это серьезное достижение. А то без универсама-то совсем плохо было, трудности были. А теперь они преодолены. Из репортажа нельзя понять, какова форма собственности универсама, кто его открыл – частный ли владелец, райпо ли. Если райпо, можно ли универсам считать государственным. Просто – открылся, и все.

Щелк.

Зампред Добрушского райисполкома, внешне очень похожий на председателя СПК «Калининский», рассказывает об успехах Добрушского фарфорового завода. Продукция завода поставляется во многие страны, в том числе дальнего зарубежья. 45% продукции поставляется в Россию. Осваивается выпуск новых изделий, растет ассортимент. Работница фарфорового завода достает из печи пузатенький белый чайничек и ставит его на полочку. Румяная тетенька-бригадир говорит: наш коллектив — это одна большая семья.

Щелк.

В Минске прошел фестиваль силовых видов спорта. Хрупкая девушка в розовом трико подцепила ногой внушительных размеров гирию, легко подбросила ее и поймала рукой. Мощные добродушные гиревики выстроились в ряд, скрестив руки на груди. А вот уже эти же гиревики с напряженным усердием поднимают тяжеленные гири.

Новости Минского региона очень похожи на передачу «Вести-Москва», прямо один в один.

Щелк.

Сквозь мелькающие цветные полосочки первого белорусского канала проглядывает благообразное лицо Александра Гельевича Дугина, сквозь хрип и скрежет помех доносится его приятный голос. Передача «Мужики». Александр Гельевич говорит, что Белоруссии и России необходимо объединиться. Это насущная геополитическая необходимость. Далее идет короткое, но замысловатое рассуждение, из которого следует, что Белоруссии следует при этом

во что бы то ни стало сохранить независимость. Белорусская экономика, говорит Александр Гельевич, должна быть независима от хищных российских олигархов.

Щелк.

Реклама кваса. Почти вопль: «Лидски-и-ий!!!» И — подчеркнуто спокойно: «Всегда рядом».

Щелк.

История про «черную невесту». Молодая девушка познакомилась с молодым человеком, решили пожениться. Показывают девушку и молодого человека — гуляют в парке, резвятся, бегают друг за другом, целуются. Накануне свадьбы молодой человек умирает от сердечного приступа. Девушка знакомится с другим молодым человеком. Показывают девушку с этим другим молодым человеком — идут, держась за руки, по улице, разговаривают, улыбаются. Девушка в той же одежде и обуви, что и в предыдущем сюжете. Решили пожениться. Накануне свадьбы молодой человек вываливается из окна и погибает. На следующий день после гибели жениха девушка идет в магазин за огурцами. От огорчения она роняет сумку с огурцами, камера фиксирует, как зеленые пупырчатые огурцы выкатываются на асфальт. Девушка рыдает. Незнакомый молодой человек помогает девушке собрать огурцы. На почве совместного собирания огурцов завязывается знакомство, решили пожениться. Накануне свадьбы молодой человек напивается в хлам, засыпает в машине, стоящей в гараже, и задыхается выхлопным газом. Анализируя события последних месяцев своей жизни, девушка выявляет некоторую зловещую закономерность

и обращается к экстрасенсу. На экране появляется экстрасенс – худощавая женщина ведьмаческого типа. Это, говорит женщина-экстрасенс, такое проклятие – «черная невеста» называется. Женщина-экстрасенс дает понять, что для нее снять подобное проклятие – раз плюнуть.

Щелк.

Лукашенко в новостях говорит о необходимости строительства в Белоруссии крупной атомной электростанции. Проект важный, необходимый. Будем строить. Тут некоторые говорят про какие-то откаты. Так вот, я как глава государства ответственно заявляю: никаких откатов и закатов не будет. И нечего об этом говорить.

Щелк.

Реклама мобильной связи. Героиня – небрежно нарисованная мультипликационная Машка. Машка любит в этой жизни три вещи. Первое – надувать и лопать пузыри (Машка надувает жвачечный пузырь и лопаёт его, при этом ошметки жвачки остаются на Машкиной физиономии). Второе – кататься на роликовых коньках (оснащенная роликами Машка разгоняется и с разбега прыгает в фонтан). Третье – отправлять смешные SMS незнакомым людям. Машка пишет SMS, отправляет его незнакомому человеку, противно хихикает и спрашивает: а что, это теперь бесплатно? Голос за кадром говорит: да, бесплатно. Сто SMS – бесплатно. Или двести, не помню.

Щелк.

Александр Гельевич Дугин говорит, что в результате глобального потепления и прочих природных катаклизмов многие страны, возможно, затопит и они,

так сказать, скроются в пучине морской. А Россию с Белоруссией не затопит. У наших стран большое геополитическое будущее. Еще Александр Гельевич хвалит Лукашенко за внимание к сельскому хозяйству. Традиция, говорит Александр Гельевич, это то, что делает народ народом. А еще традиция — это наше коллективное бессознательное.

На некоторое время выключил телевизор и пошел прогуляться по городу. Все-таки просмотр телевизионных программ — дело утомительное, даже если это белорусские программы. Особенно если этот просмотр длится часов пять подряд.

Выходной день, народу мало, машин мало. Идет небольшой дождь. Тихо течет маленькая тихая речка Свислочь. Проспект Победителей, проспект Независимости. Широкие улицы, зелень, простор. Идеальная чистота улиц. Можно лечь на асфальт, полежать, встать и пойти дальше, и одежда останется чистой. В воздухе разлито спокойствие, густое, осязаемое спокойствие, прямо хоть ешь его ложкой.

Тишина и спокойствие — девиз этого города. Может, конечно, это просто мне так показалось, потому что выходные. И все же, думается, дело не в выходных.

И телевидение белорусское такое же — тихое и спокойное. Без крайностей — в меру развлекательное, в меру информационное, без особых безобразий, так свойственных телевидению российскому (Анфиса Чехова не в счет — это исключение, подтверждающее правило).

Наверное, это правильный город и правильное телевидение. Наверное, оно все так и должно быть.

При этом жить все же мне нравится в неправильной, беспокойной и нетихой Москве. И телевидение наше адское я, хоть и редко и по специальным случаям, но смотрю. А белорусское, даже если бы у меня был к нему постоянный доступ, я бы, наверное, не смотрел никогда. Все-таки, даже такие прекрасные вещи, как тишина и спокойствие, хороши лишь в умеренных дозах.

Вечером просмотр продолжился. Посмотрел футбол, чемпионат Белоруссии, «Витебск» — «Нафтан». Унылая, скучная, жалкая игра закончилась со счетом 1:1. В одном из эпизодов комментатор сказал: отличная передача, правда, неточная. Посмотрел передачу «Музыка для всех». Практически неотличимые друг от друга певцы и певицы пели лирические, задушевные песни. Вы шумите, шумите надо мною, бярозы. Посмотрел новости. Лукашенко сказал, что оппозиция может успокоиться и не сеять панику — никаких массовых репрессий, никакого закручивания гаек по случаю взрыва не будет, гайки будем закручивать в головах у непосредственных виновников теракта.

На десерт у меня было заготовлено народное шоу «Крутые ребята». Будет, думал я, на что посмотреть. Название-то какво! Разгул безобразий обеспечен.

Как я ошибался...

Народное шоу началось, и на сцену вышли дама и девочка. Они спели песню «Кис-кис». Слово «кис» рифмовалось со словами «вернись» и «брысь». Песня в духе ранних 1980-х, глуповато-лирическая, с незатейливым юморком, абсолютно невинная. Потом вышла группа девушек и станцевала

испанско-цыганский танец фламенко. Потом появилась чрезвычайно утонченная скрипачка и сыграла что-то чрезвычайно утонченное.

Это, оказывается, не что иное, как конкурс художественной самодеятельности. Песенки, танцы, игра на балалайке, трио бандуристов.

И это все под названием «Крутые ребята». Страшно представить себе одноименную передачу на российском телевидении.

На просмотр фильма Гаса ван Сента «Джерри», который показывали сразу после народного шоу «Крутые ребята», сил уже не осталось.

Дома в ожидании закипания чайника пощелкал российские каналы. За примерно четыре минуты увидел Малахова (Андрея), Тину Канделаки, Аллу Борисовну Пугачеву, Павла Волю. Президент Дмитрий Медведев говорил о возрастающей роли России в мировой экономике. Певец Дима Билан рассказывал о своем творчестве и о победе на «Евровидении».

Приехал.

Родина.

Россия.

Однажды я стоял у выхода из метро «Ясенево». Нужно было встретиться с одним человеком по одному делу. Человек опаздывал, и я просто стоял и смотрел по сторонам. Смотрел на высокие синие дома примерно 80-х годов постройки, на более старые бело-желтые брежневские девятиэтажки, длинные, построенные ломаными линиями, как крепостные стены. Смотрел на рынок, магазинчики, ларьки, автобусные остановки. Приятное сочетание оживленности и покоя – довольно много народа и транспорта, и при этом атмосфера какая-то несуетливая. Приятное сочетание простора, открытости пространства и его окультуренности.

Был солнечный июньский день. Солнце, небо, зеленая трава, синие дома. Вдали виднеется лес.

Я стоял у метро «Ясенево» и думал: как же здесь хорошо. Как-то даже прекрасно.

Во время этого стояния я понял одну важную для меня вещь, удивительную. Но сначала предыстория.

Земляной вал

Первые двадцать шесть лет моей жизни прошли на Земляном валу (бывшая улица Чкалова), рядом

с Курским вокзалом и одноименной станцией метро, в огромном красивом сталинском доме. Мы с мамой жили сначала в одной, потом в двух комнатах коммунальной квартиры. Соседи у нас были, скажем так, разные — от очень хороших до хороших, но не очень. Тихий (а иногда и не тихий) ад коммунальной жизни был знаком с рождения и воспринимался вовсе не как ад, а как естественная форма существования, пусть и не вполне удобная. Справедливости ради надо сказать, что на определенных отрезках своей жизни в этой квартире я и сам был не очень-то приятным соседом.

Школа моя, в которой я проучился все десять лет, располагалась совсем рядом, в тихом, стопроцентно московском Лялином переулке, рядом с Покровкой. Вокруг была целая сеть старых кривых переулочков, недалеко были бульвары и Чистые пруды. А примерно часовая неспешная прогулка выводила к Красной площади.

Еще я на протяжении десяти лет ходил в музыкальную школу и даже умудрился ее закончить. Музыкальная школа занимала чудовищно ветхое, безнадежно аварийное здание на Старой Басманной, минутах в двадцати ходьбы от дома. Все десять лет нас обещали переселить в другое здание, но так и не переселили. На обратном пути из музыкальной школы домой я любил постоять на мосту через соединительную ветку железной дороги между Курским вокзалом и станцией Каланчевская. Я обязательно дожидался поезда или электрички, и только после этого шел домой.

А еще я много гулял по центру Москвы, сначала с мамой, потом с друзьями и один. По Покровке

(улице Чернышевского) и сретенским переулочкам, по Замоскворечью, по Садовому кольцу.

Стоит ли говорить, что московский центр был для меня лучшим местом на Земле. Жизнь на окраине, не говоря уже о Подмосковье, представлялась мне чрезвычайно мрачным уделом. Я довольно часто бывал в Тушино у бабушки, приезжал к ней на выходные и каникулы. В Тушино было много травы и деревьев, там было хорошо играть в футбол и кататься на велосипеде, мне вообще нравилось там бывать, но даже мысль о том, чтобы там жить, приводила меня в дрожь. Нет, жить можно только в центре, больше нигде. Между жизнью на окраине в комфортабельной отдельной квартире и жизнью в центре в убогой коммуналке я делал однозначный выбор в пользу второго варианта. Тем более на практике никакого выбора не было.

В начале 90-х жизнь в центре Москвы, как и вообще везде, как-то вдруг и разом испортилась, поломалась. Все пространство вокруг Курского вокзала, от моего дома до магазина «Людмила» в Сыромятниках, оказалось занято людьми, стихийно торгующими чем попало — водкой, сигаретами, пивом, воблой, какими-то тряпками, стоптанными ботинками, перегоревшими лампочками. Люди стояли рядами, рядом с каждым стоял деревянный ящик (их воровали в соседнем «гастрономе»), на ящиках лежала вся эта муть. Если торгующий торговал тряпками, ящика обычно не было, торговец держал тряпку в руках и потряхивал ею, привлекая внимание потенциальных покупателей. Часов в девять вечера торговцы уходили, оставляя после себя горы мусора. В то время

я часто возвращался домой глубокой ночью, с последними поездами метро. Я выходил из вестибюля «Курской-радиальной» и видел мусор, костры и бомжей. Мусор горел множеством костров, а у костров грелись и даже готовили себе пищу бомжи. Бомжей такой степени оборванности и общей запущенности я не видел ни до, ни после начала 90-х. Это были какие-то совсем запредельные существа, инопланетяне, прилетевшие на Землю с далекой адской планеты.

Однажды я возвращался домой поздней ночью, часа в два. В нашем подъезде было две двери, обе с кодовыми замками. Между дверями был неосвещенный тамбур шириной примерно метр. Открыл первую, наружную дверь, вошел в тамбур и наступил на что-то мягкое, органическое, живое. Это был бомж.

258

Несмотря на эти неприятные перемены, я продолжал считать центр Москвы лучшим местом на Земле. А потом было

Митино

В Митино я впервые оказался в начале 1994 года. По странному стечению обстоятельств именно там проходило одно мероприятие, в котором я должен был участвовать. В те годы Митино представляло собой узкую полосу застройки между Пятницким шоссе и Митинской улицей, были построены только первые четыре микрорайона (из двенадцати ныне существующих). Из Москвы в Митино тогда ходил единственный автобус — номер два. Чуть позже появился 266-й.

Они и сейчас ходят теми же путями, от «Тушинской» до четвертого микрорайона, второй по Пятницкому шоссе, а 266-й – по Митинской улице. Народу в Митино было еще очень мало, а автобусы ходили часто, приятно было ехать в этих полупустых автобусах.

В мероприятии наступил перерыв, я вышел на улицу, на пересечение Митинской и Дубравной улиц (Дубравной улицы как таковой еще не было, был только безымянный проезд). Февраль, ясный солнечный день. Чистый белый снег, высоченные белые дома серии КОПЭ на фоне голубого неба. Малолюдно, тихо, спокойно. На другой стороне Митинской улицы огромная стройка – там вскорости появятся пятый, шестой и седьмой микрорайоны.

Как это все было прекрасно. Мелькнула неожиданная мысль – я вполне мог бы здесь жить. Отчетливо помню этот момент – первый раз мне в голову пришла подобная мысль. Раньше никогда ни о чем таком не думал.

Довольно скоро у меня изменилось семейное положение, и я переехал в Митино, на Дубравную улицу.

Задумался, за что же я сумел полюбить Митино, и пришел к выводу: за вечера и окна.

По утрам, особенно в будни и особенно зимой, в Митино довольно неприятно. Толпы людей стекаются к остановкам, штурмуют подошедшие автобусы. Лихорадочно ловят «тачки». Все сумрачны, напряжены, спешат, мрачно стремятся на работу.

Днем, когда людские и транспортные потоки сходили на нет, в Митино становилось хорошо, спокойно, в меру тихо. Полупустые автобусы,

прогуливающиеся с колясками молодые мамы, домохозяйки, занятые покупками.

А вечером становилось просто чудесно. Особенно приятно было возвращаться домой в Митино поздно вечером, после, так сказать, тяжелого трудового дня. Народу в автобусе мало, за окном проплывают Волоколамка, Академия коммунального хозяйства, Спасская церковь на Трикотажной, МКАД, и начинается сияющее огнями Митино. Что-то особенное было в этих светящихся окнах, что-то такое, чего почему-то не было в центре. Эти митинские окна были олицетворением домашнего уюта и тепла. И возвращение домой приобретало какие-то экзотические черты — едешь на автобусе по широким улицам, горят оранжевые фонари, горят окна, идешь от остановки «Дубравная улица» по Дубравной улице к дому, кругом горят теплые окна, в подъезде странно-приятно пахнет свежими стройматериалами, и сам подъезд какой-то чистый и свежий, и лифт новый и просторный, и вот я дома, я дома, я дома.

А если все вышеописанное происходило зимой — то это вообще, вообще...

Почему-то раньше, там, на Курской, этого не было. Просто идешь от метро к дому, сворачиваешь в темную арку, идешь через темный двор. На скамейке бухают бомжи. Тоже горят окна, но как-то обычно горят, окна и окна,ходишь в подъезд, идешь пешком на второй этаж или, если лень, едешь на старом тесном лифте, лифт иногда наполнен неприятными запахами, а что делать, что делать, вокзал, такое место, приходишь домой — и все, как-то ничего особенного. А в Митино — было, было особенное. Home, sweet home, как-то так.

С годами Митино отстроилось, благоустроилось, полустихийные рыночки у автобусных остановок сменились многочисленнейшими большими и малыми магазинами всех возможных профилей. Стало еще уютнее, и ликующее ощущение home-sweet-home еще усилилось.

Потом семейное положение опять изменилось, вернее, откатилось к своему изначальному состоянию, я на некоторое время вернулся обратно, в свою коммунальную квартиру на Земляном валу. Вроде бы, родной дом, но я уже не чувствовал себя здесь в полном смысле этого слова дома. Было явственное ощущение временности пребывания в этих стенах. При этом было очень приятно вновь оказаться в центре — естественно, я его по-прежнему любил. Правда, уже не считал, что это единственное место, где можно жить. Оказалось, что можно жить и на такой далекой окраине, как Митино, причем, жить не без некоторого удовольствия.

Наступил новый век, и у меня опять изменилось семейное положение. Надо было снимать квартиру, подвернулась подходящая «двушка». В доме 36 по Дубравной улице, ровно напротив дома 35, в котором жил в свой первый митинский период. В общей сложности я провел в Митино четыре года, в два приема.

Южная, Аннино

Пасмурным январским утром мы с женой погрузили наши не слишком многочисленные совместно

нажитые пожитки в автомобиль «Газель» и поехали на свою первую собственную квартиру – в поселок Быково, это 11 километров от Москвы по Симферопольскому шоссе.

Теперь предстояло иметь дело с совершенно другими московскими окраинами – с районами вокруг станций метро нижнего конца «серой» ветки. Чаще всего это были станции «Южная» и «Аннино».

Если говорить объективно, в этих районах нет ничего особенно привлекательного. В отличие от Митино, они не представляют собой цельных, продуманных ансамблей – новые дома здесь пестро соседствуют с серыми, облезлыми строениями брежневской эпохи. Особенно это касается местности вокруг «Южной». От «Южной» до «Пражской» тянется гигантская зона, наполненная всяческими рынками, что порождает несколько нездоровую суету с криминальным оттенком. На одной из автобусных остановок у «Южной» постоянно тусуются агрессивные пьяные бомжи. По вечерам, особенно в пятницу и субботу, тут и там бродят стаи нетрезвых местных гопников. Толпы людей ломаются в автобусы, отъезжающие в южном направлении.

Аннино посимпатичнее. Из торговых заведений рядом с метро – только магазин электроники «Мир» и небольшое стадо продуктовых ларьков. Здесь Москва заканчивается, рядом шумит кольцевая дорога, а прямо за стоящими на Варшавке домами начинается лес.

Но даже эти в целом неказистые места мне удалось полюбить. Как и в Митино, мои добрые чувства оказались связаны в основном с процессом возвращения домой вечерами и ночами. Особенно мне

нравилось возвращаться домой через «Аннино». Последний автобус от «Южной» отходил в одиннадцать вечера, и после этого доехать до моего тогдашнего дома можно было только на «тачке». Надо было доехать на метро до «Аннино», выйти на Варшавку, поднять руку, сказать водителю остановившейся машины «Быково, сто» или «Быково, сто пятьдесят» или «Быково, двести» или «Быково, двести пятьдесят» (год от года сумма росла), сесть в машину, заплатить оговоренную сумму и доехать сквозь тьму Симферопольской трассы до поселка Быково, до нового дома с огромной цифрой «7» на глухом торце, пройти по темному двору, подняться по лестнице на четвертый этаж и войти в небольшую уютную квартиру. Ура, ура, дома. Home, sweet home.

Я все больше отдалялся от центра – и географически, и эмоционально. В те годы я работал в аэропорту Домодедово, каждый день ездил туда на работу, из одной точки Подмосковья в другую, через Москву. В центре бывал нечасто, только по делу, никаких прогулок. Посещения центра особо не радовали, часто огорчали. Приедешь в какое-нибудь место, где не был, скажем, год, и неприятно поразишься произошедшим переменам – и разрушительным, и созидательным.

И все больше привыкал к окраинам, проникался их неуловимым, неформулируемым очарованием.

Иногда, ночью, приезжал в Аннино и не сразу ловил машину, а некоторое время просто так стоял, смотрел, слушал. Смотрел на окна дома серии П-3, стоящего полукругом напротив, на другой стороне Варшавки. Смотрел на проезжающие мимо машины,

слушал их рев и шорох, слушал отдаленный шум кольцевой дороги. С одной стороны, хотелось поскорее домой, а с другой, было почему-то очень приятно вот так стоять и просто смотреть и слушать, особенно если было лето или ранняя осень. Обычно через несколько минут подходил кто-то из дежуривших у метро «бомбил», командир, куда едем, Быково, сто (двести, двести пятьдесят), поехали.

Так вот, стоял я у метро «Ясенево», ждал человека, смотрел на окружающие дома и просторы. И в какой-то момент где-то внутри щелкнул переключатель, и я понял, что московские окраины стали мне ближе и роднее, чем центр. Московского центра 70-х и 80-х, который я помню, Москвы «Альтиста Данилова» и «Московского гамбита» уже нет и больше никогда не будет. Наш старый центр, который был когда-то сплошной невыразимой тайной, стал ярким, звонким, простым и до ужаса понятным. Здесь бизнес-центр, здесь подземный торговый комплекс, здесь Петр Первый, а здесь, изволите видеть, элитное жилье, «золотая миля». А окраины – не такие. Кажется, московская тайна, изгнанная из центра, разлилась среди новостроек и окраинных пустырей. Здесь странным, даже удивительным образом сочетается простор и уют, спокойствие и динамизм, и что-то подсказывает мне, что такое сочетание можно найти только в Москве. И еще – здесь, на окраинах, видно, что Москва – белокаменная, можно выйти на любой балкон и своими невооруженными глазами увидеть – да, по-прежнему белокаменная, огромный белый город, именно здесь, на краю, с краю, у кольцевой дороги.

Когда мы, наконец, продали мои родные две комнаты на Земляном валу, я не почувствовал ровным счетом ничего. Только облегчение от того, что закончилась долгая, муторная сделка.

Кожухово

Написал предыдущий абзац и посмотрел в окно. За окном – огромный пустырь, линия электропередачи, слева – поля, уходящие к горизонту, а прямо предо мной, за пустырем – город Люберцы. Хороший вид открывается с одиннадцатого этажа, можно просто часами стоять на балконе и смотреть, смотреть.

Полтора года назад мы переехали в Кожухово – новый московский микрорайон за кольцевой дорогой. Мне нравится в Кожухово. Здесь довольно-таки красивые, хотя и однотипные, дома, широкие улицы, здесь малоллюдно и просторно. С инфраструктурой пока не очень – ни одного большого магазина типа «Перекрестка» или «Седьмого континента». Но это дело наживное. Еще плохо то, что вдоль улиц на столбах висят неряшливые связки проводов – очень некрасиво, дико как-то. Но ничего, скоро достроят последние новые дома, и всю эту проводку уберут под землю – она временная, для строителей.

В Кожухово нет совершенно ничего особенного, обычный район новостроек, не очень пока обжитой. И я не могу сказать, что испытываю по отношению к Кожухово какой-то там восторг. Нет, восторгаться здесь совершенно нечем. Просто я себя чувствую здесь, как дома. Я и есть дома. И при этом у меня нет

ощущения, что я нахожусь где-то на выселках. Нет, Кожухово — это самая что ни на есть Москва, моя новая белокаменная столица. Все хорошо, я в Москве, я дома.

Иногда я засиживаюсь в редакции до глубокой ночи, а то и до раннего утра. В таких случаях я выхожу на Садовое кольцо, ловлю такси и еду домой. Обычно я проезжаю мимо моего родного сталинского дома на Земляном валу, огромного и красивого. Рядом, на месте бывшего полупустыря-полусквера, между Садовым кольцом и путями Курского вокзала, построили какой-то гигантский кубический объект, наверное, торговый центр или еще что-то в этом роде. Я бросаю устало-равнодушный взгляд на мой родной дом и думаю: скорее бы домой, в Кожухово.

266

И все же где-то в глубине души я по-прежнему считаю территорию, ограниченную Камер-Коллежским валом, лучшим местом на Земле.

Тираж журнала «Русская жизнь» был невелик, распространялся он преимущественно в Москве, и это значит, что жители городов, в которых побывал и которые описал Дмитрий Данилов, скорее всего, никогда не прочитают того, что этот человек писал о Череповце и Новомосковске, о Курске и Петушках, о Норильске и Ульяновске.

А если бы прочитали, то, конечно, обиделись бы.

Я сам рос далеко от Москвы и прекрасно помню, как это обидно — читать о том, что в твоём городе некрашенные заборы и пьяный бомж на главной площади валяется. Как же так, — думал я, — у нас открыли новый памятник и супермаркет, а этот московский щелкопер приехал и увидел только забор и бомжа.

А потом я сам стал московским щелкопером, стал приезжать в другие города и понял, что пьяный бомж и некрашенный забор описывают город гораздо лучше, чем новый памятник и новый супермаркет. Эта гипотеза подтверждалась, между прочим, многочисленными очерками о разных городах, которые много лет подряд публикуют самые разные журналы, — в этих очерках обязательно есть чудак энтузиаст, собирающий легенды местной старины, какое-нибудь странное сооружение типа неработающей водонапорной башни или вокзала,

к которому не подведены рельсы, еще какая-нибудь башня или колокольня, с которой хотя бы раз, но бросилась девушка, не желающая сдаваться иноплеменным захватчикам и так далее. Жанр «очерка о городе», и без того достаточно неблагодарный, был полностью уничтожен вот такими сусальными и безумно друг на друга похожими статьями, которые при этом почему-то — вместо того, чтобы сразу отправляться в корзину, — постоянно везде публикуются и, боюсь, будут публиковаться до окончания времен.

Данилов в этом смысле произвел такую нормальную жанровую революцию. Его города — это именно города, а не картинки из путеводителя. А город в русском (точнее — советском) понимании этого слова — это совсем не европейская история про ратушу, рынок и кафедральный собор, а размазанная по бесконечному пространству бесформенная композиция из пятиэтажек, промзон и памятника Ленину. Людей, которые могли бы эту композицию конвертировать в буквы и слова, в отечественной журналистике, мне кажется, нет как таковых — но Дмитрий Данилов ближе всего подошел к той черте, за которой откроется тайна русского города.

Жизнь за МКАДом, давно воспринимаемая москвичами как несмешной анекдот, открывается перед Даниловым, как зашифрованное послание из ниоткуда. Он не умиляется, он не морализаторствует, не негодует и не восторгается — он разгадывает русский город как головоломку — последнюю головоломку перед разгадкой этой большой тайны русского города.

Скорее всего, когда он эту тайну наконец раскроет, ничего интересного его за этой чертой не ждет. Но пока он ходит около нее, ему попадаются такие вещи, которых не видно ни по ту, ни по эту сторону черты. Анфиса Чехова в белорусском телевизоре, случай на Хрущева в Курске, музыкант из Прокопьевска и инвалид из Тамбова – герои бесконечного «Твин Пикса», потерявшиеся где-то между Даниловым и Россией.

В стране, состоящей из даниловских городов, невозможно жить, но невозможно и не любить ее.

Олег Кашин
Журналист

ТОЧКИ ПРОДАЖИ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА

– Книжный магазин «Фаланстер»,
Малый Гнездниковский переулок,
дом 12, +7 (495) 749-57-21, [vk.com/
falanster_books](https://vk.com/falanster_books), falanster.su

– Книжный магазин «Ходасевич»,
Покровка, 6, vk.com/xodacevich

– Книжный магазин «Циолковский»,
Пятницкий пер., д.8,
vk.com/tsiolkovky

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

– Книжный магазин «Все Свободны»,
Набережная реки Мойки,
дом 28, второй двор, код на воротах 489,
vk.com/vse_svobodny,
vse-svobodny.com

НИЖНИЙ НОВГОРОД

– Книжный магазин «Полка»
ул. Рождественская, 43, второй
этаж, vk.com/polka.knig

– Дистриб DELICIOUS MUSIC
vk.com/deliciousmusiclabel

КАЗАНЬ

– Книжный магазин «Смена»,
Бурхана Шахида, 7,
vk.com/smena_book

МИНСК

– Книгарня Логвіаў,
Проспект Незалежнасці, 57А,
lohvinau.by

ЕКАТЕРИНБУРГ

– Книжная лавка «Йозеф Кнехт»,
ул. 8 марта, 7 (вход со стороны
набережной), vk.com/josephknecht

ПЕРМЬ

– Книжный магазин «Пиотровский»,
ул. Ленина, 54,
vk.com/club14470892

КРАСНОЯРСК

– Книжный магазин «Бакен»
Карла Маркса, 54А,
vk.com/bakenbooks

Дмитрий Данилов
ДВАДЦАТЬ ГОРОДОВ

Редактор: Евгений Алехин
Корректор: Света Перич
Верстка, обложка: Вова Седых

Независимое издательство «Ил-music»

il.music.rus@gmail.com
vk.com/il_music